

ISSN 2312-3400

ИЗВЕСТИЯ ОБЩЕСТВА

АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ

П Р И К А З А Н С К О М У Н И В Е Р С И Т Е Т Е

ИЗВЕСТИЯ ОБЩЕСТВА

АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ

||

Том 43, № 1, 2023

Том 43, № 1
2023

ИЗВЕСТИЯ ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГИИ,
ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ
ПРИ КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

2023. Том 43. № 1

ISSN 2312–3400

Научный журнал
Издаётся с 2017 года

Учредители: Хайрутдинов Р.Р., Ситдиков А.Г.
Издатель: редакция журнала

Адрес издателя: ул. М. Межлаука, 3, каб. 117,
г. Казань, Россия, 420008. Тел.: +7 (843) 221-33-21

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массо-
вых коммуникаций Свидетельство о регистрации ПИИ
№ ФС 77-72116 – печатное издание от 29.12.2017.
Периодичность: 4 выпуска в год

Адрес редакции: ул. М. Межлаука, 3, каб. 117,
г. Казань, Россия, 420008. Тел.: +7 (843) 221-33-21
Email: kvmukfu@mail.ru
Сайт журнала: <https://ioaie.ru>

Дата выхода выпуска в свет: 09.06.2023.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат 60x84/16.
Тираж 150 экз. Заказ № 64/5. Отпечатано в типографии
Издательства Казанского университета.
Адрес типографии:
420008, г. Казань, ул. Профессора Нужина, 1/37
Тел.: +7(843) 233-73-59; 233-73-28

Главный редактор

Гущина Елена Геннадьевна – кандидат исторических
наук, доцент Казанского (Приволжского) федерального
университета; egguschina@mail.ru

Состав редакционного совета:

Председатель – Хайрутдинов Рамиль Равилович,
кандидат исторических наук, доцент, председатель Со-
вета отделения Российского исторического общества
в Казани.

Члены редакционного совета:

Арутюнов Сергей Александрович, доктор историче-
ских наук, член-корреспондент РАН, главный научный
сотрудник, заведующий сектором Кавказа Института
этнологии и этнической антропологии (Москва).

Головинёв Андрей Владимирович, доктор историче-
ских наук, профессор, член-корреспондент РАН, дирек-
тор Этнографического Бюро, директор Музея антропо-
логии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)
Российской академии наук (Санкт-Петербург).

Измайлов Искандер Лерунович, доктор исторических
наук, ведущий научный сотрудник Института археоло-
гии АН РТ (Казань);

Казанский Николай Николаевич, доктор филологиче-
ских наук, профессор, академик РАН (Санкт-Петербург).

Михай Хопнал, Dr. hab., профессор, президент
International Society for Shamanistic Research (Будапешт).

Наумкин Виталий Вячеславович, доктор историче-
ских наук, профессор, академик РАН, директор Инсти-
тута востоковедения РАН (Москва);

Пиотровский Михаил Борисович, доктор историче-
ских наук, профессор, академик РАН, генеральный ди-
ректор Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург);

Руденко Константин Александрович, доктор истори-
ческих наук, профессор Казанского государственного
института культуры и искусств (Казань);

Ситдиков Айрат Габитович, доктор исторических
наук, профессор, член-корреспондент АН РТ, директор
Института археологии АН РТ (Казань).

Эберхард Винклер, Dr. hab., профессор, заведующий
кафедрой финно-угроведения Гёттингенского универси-
тета (Гёттинген).

Юха Янхунен, Dr. hab., профессор, заведующий
кафедрой восточноазиатских исследований Хельсинк-
ского университета (Хельсинки).

Редактор-составитель

Рунг Эдуард Валерьевич, доктор исторических наук,
профессор, Казанский (Приволжский) федеральный
университет

Распространяется бесплатно

© Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, 2023

**PROCEEDINGS
OF THE SOCIETY FOR ARCHAEOLOGY, HISTORY AND ETHNOGRAPHY
AT THE KAZAN UNIVERSITY**

Volume 43, issue 1

ISSN 2312–3400

Published after the decision of the scientific council of the Institute for international relations, history and oriental studies of the Kazan University and the Dept. Council of the Russian Historical Society in Kazan.

Published since 2017 (resumed edition after 1878-1929) 4 times a year.

Founders: Ramil R. Khayrutdinov, Ayrat G. Sitdikov

Address of the redaction: Russia, 420008, Kazan, Mezhlauka, 3, r. 117

Editor-in-chief

Elena G. Gushchina – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Kazan (Volga Region) Federal University; eggushchina@mail.ru

Editorial board:

Chairman – Ramil R. Khayrutdinov, Phd, Professor, Director of the Institute for international relations, history and oriental studies of the Kazan University, Chairman of the Dept. Council of the Russian Historical Society in Kazan (Kazan).

Members of the editorial board:

Sergey A. Arutyunov, Doctor of history, Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Dept. of Caucasus of the Institute for Ethnology and Ethnic Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow).

Andrey V. Golovnyov, Doctor of history, Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Museum of anthropology and ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (St.-Petersburg).

Iskander L. Izmaylov, Doctor of history, Head researcher of the Institute for Archaeology of the Academy of Sciences of Tatarstan.

Nikolay N. Kazanskiy, Doctor of Philology, Professor, Full member of the Russian Academy of Sciences (St.-Petersburg).

Mihály Hoppál, Dr. hab., Professor, President of the International Society for Shamanistic Research (Budapest).

Vitaliy V. Naumkin, Doctor of History, Professor, Full member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow).

Mikhail B. Piotrovskiy, Doctor of History, Professor, Full member of the Russian Academy of Sciences, Director of the State Hermitage (St.-Petersburg).

Konstantin A. Rudenko, Doctor of History, Professor (Kazan).

Ayrat G. Sitdikov, Doctor of History, Professor, Corresponding member of the Academy of Sciences of Tatarstan, Director of the Institute for Archaeology of the Academy of Sciences of Tatarstan (Kazan).

Eberhard Winkler, Dr. hab., Professor, Head of the Institute of Finno-Ugric Studies of the University of Göttingen (Göttingen).

Juha Janhunen, Dr. hab., Professor, Head of the Dept. of East Asiatic Studies of the University of Helsinki (Helsinki).

Compiling editor

Eduard V. Rung, Doctor of Historical Sciences, Professor, Kazan (Privolzhsky) Federal University, Kazan, Russia.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Исакова А.С.</i> Законы-обычай древних персов в представлении Геродота	5
<i>Мубаракшин А.Э.</i> Правящая элита Линкестиды до покорения Аргеадами	16
<i>Востриков И.В.</i> Афинская кавалерия в конце IV–III вв. до н.э.	45
<i>Шмелева Л.М.</i> Культ Дианы в Лации и политические союзы латинских городов в VI–IV вв. до н.э.	59
<i>Дыганов В.П.</i> Англоязычная историография нормандского завоевания Англии в оценке современных отечественных ученых.....	69
<i>Рафикова А.Ш., Шадрина Н.А.</i> Специфика изображения фигур Зла в средневековых лицевых апокалипсисах	84
<i>Глухова А.С., Шадрина Н.А.</i> Образы средневекового рыцарства в современной массовой культуре.....	103
<i>Зайцев А.А.</i> Образ императора Фридриха II в «Хронике» францисканца Салимбене	113
<i>Бикеева Н.Ю.</i> Средневековое прошлое Франции на страницах французских рисованных историй “Les Reines de sang“	125
<i>Гафуров С.О.</i> «Annales Ferdinandi» Франца Кристофа Кевенхюллера и Морица Георга Вайдманна как источник по политической имагологии Австрийского дома.....	143
<i>Муллина Д.Р.</i> Франция и Неаполитанское королевство в период наполеоновских войн	155
<i>Л.Л. Норден, В.С. Миллер</i> Роль Гэльской Атлетической Ассоциации в общественной жизни Ирландии конца XIX – начала XX вв.	168

CONTENTS

<i>Isakova A.S.</i> The laws-customs of the ancient Persians as represented by Herodotus.....	5
<i>Mubarakshin A.E.</i> The ruling elite of the Lynkestian kingdom in the 5th-4th centuries BC	16
<i>I.V. Vostrikov</i> Athenian cavalry at the end of IV–III centuries BC.....	45
<i>Shmeleva L.M.</i> The cult of Diana in Latium and the political alliances of Latin cities in the VI–IV centuries BC	59
<i>Dyganov V.P.</i> English-language historiography of the Norman Conquest of England in the assessment of modern Russian scientists	69
<i>Rafikova A.Sh., Shadrina N.A.</i> The specificity of the image of the figures of Evil in the medieval illustrated Apocalypses.....	84
<i>Glukhova A.S., Shadrina N.A.</i> Images of medieval chivalry in modern mass culture	103
<i>Zaitsev A.A.</i> Image of the emperor Frederick II in the Minor’s Salimbene “Chronicle”.....	113
<i>Bikeeva N.Yu.</i> The medieval past of France on the pages of <i>bandes dessinées</i> “ <i>Les Reines de sang</i> “	125
<i>Gafurov S.O.</i> “ <i>Annales Ferdinandei</i> ” by Franz Christoph Kevenhüller and Moritz Georg Weidmann as a source on the political imagology of the House of Austria	143
<i>Mullina D.R.</i> France and the Kingdom of Naples during the Napoleonic Wars	155
<i>Norden L.L., Miller V.S.</i> The role of the Gaelic Athletic Association in the public life of Ireland in the late XIX – early XX centuries.	168

Законы-обычаи древних персов в представлении Геродота

А.С. Исакова

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, Россия
ailin.isakova@yandex.ru*

Аннотация. В Персидской империи Ахеменидов VI–IV вв. до н. э. отсутствовал единый свод законов, однако существовала правовая система, сочетающая в себе «царское право» и «региональное право», сложившееся на начале компонирования законов и обычаев разных народов, с которыми персы так или иначе контактировали или которые входили в состав империи (греки, египтяне, индийцы и др.). «Царское право» в той или иной степени отражено в древнеперсидских надписях Ахеменидов, однако надписи не отражают всю полноту жизни персов: большая часть традиций, обычаев и законов остается в тени. Поэтому возникает необходимость обращения к древнегреческой исторической традиции, прежде всего к Геродоту, автору первого сохранившегося труда «История», содержащего в себе сведения о законах и обычаях многих народов, живших в его время. В данной статье предполагается рассмотреть законы и обычаи древних персов, выражающих социальные и правовые нормы державы Ахеменидов, находящие отражения у древнегреческого историка Геродота. Автор статьи вводит понятие «закона-обычая» в отношении норм древних персов на основании соображения о таком понимании их Геродотом. Ставится вопрос о том, чем для «отца истории» были персидские нормы, проводил ли он грань между законами и обычаями, параллелизировал ли их с греческими?

Ключевые слова: законы, обычаи, персы, социальные нормы, правовые нормы, Геродот

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ (проект № 23-28-01562 «Правовая система Персидской империи Ахеменидов»).

Для цитирования: Исакова А.С. Законы-обычаи древних персов в представлении Геродота // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2023. Т. 43. № 1. С. 5–15. DOI: 10.26907/2312–3400.2023.1.5-15.

Одним из наиболее частотных терминов, употребляемых в «Истории» Геродота, который переводится как «закон» или «обычай», является νόμος. Сам термин употребляется в тексте 121 раз [1, р. 233], используется и ряд других обозначений с аналогичной коннотацией: τὰ νομαία, τὰ νομια, τὰ νομίζόμενα, θεσμός и др. Эрик А. Хэвлок трактует [2, р. 137–138] νόμος как «обычай-закон», употребление, основанное на вере, но не в религиозном ключе. М. Полленц переводит термин νόμος как народный обычай [3, р. 135] и связывает его значение для классического периода с глаголом νομίζειν. Дж. Эванс полагает [4, р. 143], что νόμοι включают в себя обычаи в современном антропологическом смысле этого слова, высказывает мнение о четко сформулированной концепции «обычного права» у Геродота, которую тот выразил терминами νόμος, θεσμός и др. В соответствии со словарем И.Х. Дворецкого, νόμος трактуется как «обычай, установление, законоположение, закон» [5, с. 1138]. Очевидным фактом является невозможность полностью отождествить терминологию людей древности с современной. Так, в настоящее время под законом понимается нормативный акт, постановление высшего органа государственной власти, принятый в установленном порядке и имеющий юридическую силу [6, с. 327], обычай же характеризуется как общепринятый порядок, традиционно установившиеся правила общественного поведения [7, с. 581]. Затруднение состоит в том, что древнегреческое слово νόμος может одновременно трактоваться и в качестве «закона» и «обычая», ввиду этого необходимо рассмотреть каждый отдельный случай употребления данного термина, а также его эквивалентов.

Обычаи персов как религиозные и социальные нормы

Впервые о νόμοι древних персов Геродот сообщает в первой книге (Hdt. I. 131); примечательно, что в данном фрагменте мы встречаемся и со словом νομίζειν, которое имеет отношение к духовной жизни; в данном случае речь идет о религиозных обрядах древних персов, в которые входит широкое понятие νόμοι (о законах говорить не приходится): «Что до обычаев (νόμοισι) персов, то я могу сообщить о них вот что. Воздвигать статуи, храмы и алтари [богам] у персов не принято (οὐκ ἐν νόμῳ). Так, Зевсу они обычно (νομίζουσι) приносят жертвы на вершинах гор и весь небесный свод называют Зевсом».

«Отец истории» также описывает практику жертвоприношений персами, подспудно сопоставляя её с эллинской: «для совершения жертвы они не воздвигают алтарей и не возжигают огня; не делают возлияний, но играют на флейте, не употребляют ни венков, ни ячменя», обряды же не могут проводиться без магов, а совершающий жертвоприношения не в праве молиться за себя: «он молится о благополучии всех персов и царя, а в число всех персов входит и он сам» (Hdt. I. 132). Упомянутые религиозные обычаи древних персов можно поместить в общую систему социальных норм, помимо этических предписаний «не плевать и не мочиться» в присутствии кого-либо (Hdt. I. 132), а «к рекам вообще персы относятся с глубоким благоговением» (Hdt. I. 138).

Достоинство внимания и особое почитание персами дня рождения: «в этот день они готовят более обильный стол, нежели в остальные», на почве чего Геродот сравнивает предпочтения персов с воздержанностью эллинов и в пище, и в вине, причем также упоминается и обычай решать какие-либо важные вопросы во хмелю, которые позже принимаются или отвергаются в трезвом виде; интересно, что речь идет о «хаоме», не просто растении или напитке, а о том, что помогает войти в определенное состояние раскрепощения, возможности раскрыть свой внутренний мир и его резервы [8, р. 12–13]. Сам же пир в честь дня рождения царя или его восшествия на престол устраивался «раз в году в день рождения царя. По-персидски этот пир называется «тикта» (тукτά), что на греческом языке значит «отличный» (τέλειον). Только в этот день царь умащает свою голову (покрывает благовониями и маслами) и одаривает персов» (Hdt. IX. 110). Поэтому можно заключить, что обычаи, носящие отпечаток религиозных практик, имели место быть в обыденной жизни персов, играя в ней первостепенную роль.

К социальным нормам древних персов, которые сейчас бы мы назвали правилами этики, относится и учтливое отношение к «старшим по статусу», чем ниже человек по статусу, тем больше почестей он должен воздать человеку высшего статуса: если статусы равные, то «в этом случае они приветствуют друг друга не на словах, но поцелуями в губы; если один немного ниже другого, то целуются в щеку, если же один гораздо низшего звания, чем другой,

то первый падает ниц перед последним и целует ему ноги» (Hdt. I. 134). Подобную субординацию можно транслировать и на отношения с соседствующими с персами народами, чем ближе они, тем больше к ним уважение. Геродот же объясняет данную иерархию тем, что «мидяне над всеми народами [владевали] и прежде всего над теми, которые были ближе всего к ним»; данный же принцип персы переняли и стали практиковать в обыденной жизни, благодаря чему и был сформирован обычай почитания старших по статусу и уважения близко живущих народов (Hdt. I. 134).

Геродот уделил внимание и обычаям воспитания детей у персов: «начиная с пятилетнего возраста и кончая двадцатилетним, обучают они детей только трем предметам: верховой езде, стрельбе из лука и правдивости», что соотносится с представлениями идеального правителя державы Ахеменидов по данным царских надписей: «То, что правильно, – то мое желание. Я не друг лжецу» (DNb. 8b. 11–12); «Как всадник я – хороший всадник. Как лучник я хороший лучник как пеший, так и конный» (DNb. 8h. 41–45). Поэтому, думается, в Накше-Рустамской надписи был прописан общий для персов принцип воспитания, апелляция же к нему царем Дарием I подтверждала его значимость для каждого перса, а сам царь выступал в качестве примера и гаранта для своих «подданных» (DNb. 8c. 16–21).

О существовании универсальных обычаев у некоторых народов, в том числе и у персов с египтянами можно судить по описанному Геродотом случаю (Hdt. III. 16): когда Камбис приказал сжечь тело Амасиса, то это «повеление Камбиса противоречило обычаям (νομίζόμενα) обоих этих народов». Из чего следует, что обычаи религиозные могут быть всеобщими у различных народов.

М. Блумер же высказывает иное мнение, состоящее в том, что νόμοι следует рассматривать не как универсальные тенденции или общепринятые практики, но как нечто «противоречивое и необычное» [9, p. 34], то есть для каждого народа имели место быть индивидуальные νόμοι, чем автор солидаризируется с позицией Геродота, по которой «каждый народ убежден, что его собственные обычаи и образ жизни некоторым образом наилучшие» (οὐτῶ νομίζουσι πολλόν τι καλλίστους τοὺς ἑωυτῶν νόμους ἕκαστοι εἶναι) (Hdt. III. 38). Чужой же обычай, попавший в среду другого наро-

да может или влиться в уже сложившуюся систему норм, или ей отвергнуться, причем в первом случае новый закон или обычай более не воспринимается как чужеземный, а столкновения обычаев возникают только тогда, когда какие-то нормы становятся вне общих тенденций (Hdt. II. 91): «Эллинские обычаи (ἑλληνικοῖσι δὲ νομοῖοισι) египтяне избегают заимствовать. Вообще говоря, они не желают перенимать никаких обычаев ни от какого народа» (μηδ' ἄλλων μηδαμὰ μηδαμῶν ἀνθρώπων νομοῖοισι), за исключением «города Хеммиса в Фиванской области близ Неаполя», где поклонялись Персею, объясняя это тем, что он родом из этого города. Любопытно, что, по Геродоту, со стороны египтян обычай почитать Персея был их собственной давно сложившейся традицией, тогда как гимнические игры проводились по «эллинскому образцу». Перенимались же, судя по всему, в большинстве случаев именно религиозные обычаи и практики, с заимствованиями которых мы сталкиваемся не единожды (Hdt. II. 49).

Обычаи персов как правовые нормы

«Отец истории», рассматривая обычаи древних персов, упоминает про запрет казнить человека за какой-либо единичный проступок (Hdt. I. 137), причем даже сам царь не имеет права поступать подобным образом, «только если по зрелому размышлению он найдет, что слуга совершил больше важных преступлений, чем оказал услуг, тогда господин может излить свой гнев на него», что находит подтверждение в Накше-Рустамской надписи Дария I, который вознаграждает человека в соответствии с его заслугами (DNb. 8c. 16–21). Геродот также утверждает, что «для персов нет ничего более позорного, как лгать, а затем делать долги. Последнее – по многим другим причинам, а особенно потому, что должник, по их мнению, неизбежно должен лгать» (Hdt. I. 138), а по словам царя Дария I, он и сам не является сторонником лжи (DNb. 8b. 11–15). Всё это, думается, наводит на мысль о существовании у древних персов правовых норм, которые хоть и не были оформлены в единый кодекс законов, но так или иначе присутствовали в умах людей, передаваясь по наследству, к тому же, ряд норм присутствует и в царских надписях Ахеменидов.

Как утверждает Дж. Эванс, νόμοι включают в себя и неписанные законы, которые нельзя отнести к какому-либо конкретному

законодательному акту [4, р. 145], то есть речь идет про нормы, сложившиеся и существующие по обычаю или традиции. Должно быть, данный принцип регулировал преемственность власти в Персии: в III книге Геродот (III. 2) в отношении наследования Камбисом власти отмечает, что «у персов не в обычае (νόμος) ставить царем незаконного сына, если есть законный наследник», а также утверждает, что «никто так хорошо не знает персидских обычаев (τὰ νόμιμα), как египтяне». Также, соглашаясь с Пиндаром, Геродот высказывается о законе-обычае как «владыке над всеми, над смертными и бессмертными...» (Pindar fr.169. 1–4); примечательным фактом становится то, что «отец истории» цитирует лишь малую часть фрагмента, делая акцент на силе и величии закона-обычая (νόμον πάντων βασιλέα), умалчивая, на чем он основан (Hdt. III. 38).

Далее Геродот продолжает тему наследования в VII книге (Hdt. VII. 2): наследником мог стать любой из сыновей великого царя, все зависело от степени поддержки его кандидатуры со стороны семьи. В той же книге (Hdt. VII. 3) упомянутый фрагмент имеет продолжение: бывший спартанский царь Демарат посоветовал Ксерксу добиться власти от отца, апеллируя тем, что его рождение произошло уже после воцарения Дария I, «следовательно, не подобает и несправедливо, должен был заключить Ксеркс, чтобы кто-нибудь другой, а не он получил царское достоинство», – говорил Демарат. Примечательно, что Демарат в своей речи обращается к спартанскому обычаю наследования престола, когда сын, родившийся после воцарения своего отца, становится следующим правителем (Hdt. VII. 3).

Итак, можно сделать вывод о формировании прецедента, касающегося преемственности власти в державе Ахеменидов, то есть о «древнем законе», который стал универсальным для греков и персов. Законы-обычаи древних персов заключали в себе и аспект, касающийся международных отношений. Так, Геродот в VII книге пишет о том, что когда спартанские посланники прибыли в Сузы после убийства персидских глашатаев в Спарте, то отказались совершать проскинезис, упоминая о том, что почитание царя подобным образом не является их обычаем (ἐν νόμῳ). Ксеркс же «по своему великодушию» объявил, что подобно лаке-

демонянам, презревшим обычай (*τὰ νόμιμα*), поступать не станет, «а потому не умертвит послов, но снимет с лакедемонян вину за убийство». Таким образом, можно полагать наличие у древних персов законов-обычаев, регулирующих отношения с другими государствами, которые, по сведениям Геродота, не выстраивались по принципу «око за око», но грамотно и мудро, с расчётом на продолжение сотрудничества.

Истоки происхождения νόμοι

О происхождении νόμοι персов Геродот упоминает в связи с противостоянием между греками и персами (Hdt. VII. 8), когда Ксеркс, собрав знатных персов, объявил о намерении совершить поход на Грецию, упоминая об унаследованном от древних обычаях воевать: «Персы! Я вовсе не собираюсь вводить ничего нового, но буду следовать лишь старому обычаю (νόμον). Ведь, как я слышал от старых людей, мы, персы, никогда еще не жили в мире с тех пор, как владычество перешло к нам от мидян и Кир одолел Астиага. Однако это также – воля божества, и все наши великие начинания и замыслы складываются ко благу». Тем самым Геродот описывает обычай экспансионизма древних персов, имеющий божественное происхождение. Однако Дж. Эванс называет веру Ксеркса в божественность νόμοι заблуждением [4, р. 146], причем заблуждением самого Ксеркса, с чем я не могу быть солидарна, поскольку это «заблуждение» есть отражение идеологии персов, описанное в царских надписях Ахеменидов (DB. I. 17–19), очевидно с которыми был знаком и Геродот. Об этом также пишет и А. Шваб, полагая, что νόμος становится «важным признаком артикуляции религиозного аспекта в связи с расширением персидской империи у Геродота» [10, р. 173]. Упомянуть следует и об имперской идее персидского царя, которая является вполне логичным составляющим любой империи, которая не могла бы сохранять своё могущество без войн с последующими благоприятными результатами для роста и расширения страны: «Если мы покорим афинян и их соседей, обитающих на земле фригийца Пелопса, то сделаем персидскую державу сопредельной эфирному царству Зевса. И не воссияет солнце над какой-либо другой страной, сопредельной с нашей, но все эти страны я обращу с вашей помощью в единую державу и пройду через всю Европу» (Hdt. VII. 8). Божественная природа νόμοι, ду-

мается, на примере законодательства Ликурга и Солона (Hdt. I. 29; I. 65 – Геродот объясняет появление законов посредством предречения Пифии, но далее и сам опровергает это, объясняя происхождение законов посредством заимствования их с Крита), не имеет ничего общего с реальностью; таким образом, νόμοι – сложившиеся у предков прецеденты, которые с течением времени продолжали существовать в качестве обычаев или на основе их позже составлялись конкретными, живущими в определенное время, номофетами, законы. Дж. Эванс называет [4, р. 145] νόμοι правилами, продуктом мудрости предков, открытым опытом, а не божественным откровением. Но всё это применимо к греческой истории; в отношении же истории Древней Персии у Геродота присутствует иной взгляд, который, должно быть, заключается в том, что древние персы не имели законов в привычном греческом понимании, поскольку царь выше всяческих законов (Hdt. VII. 104).

Когда Демарат говорил о доблести эллинов, приобретенной «действием ума и суровыми законами», которой Эллада защищает себя от бедности и тирании, он упомянул также и о том, что спартанцы, несмотря на количество воинов, всё равно будут давать отпор персам (Hdt. VII. 102). Персидский же царь Ксеркс не поверил этому (Hdt. VII. 103). Демарат же настаивал на том, что лакедемоняне «доблестней всех на свете», но упоминает об их свободе не во всех отношениях: «Есть у них владыка – это закон (*δεσπότης νόμος*), которого они страшатся гораздо больше, чем твой народ тебя. Веление закона всегда одно и то же: закон запрещает в битве бежать пред любой военной силой врага, но велит, оставаясь в строю, одолеть или самим погибнуть. Если эти мои слова кажутся тебе пустой болтовней, то впредь об остальном я ничего тебе не скажу. Впрочем, да будет все, царь, по твоей воле!», – заключает устами Демарата Геродот, намекая на то, что царь в Персии выше и обычаев предков и позже установленных законов. Подобным образом «отец истории» писал и в отношении решения персидского царя Камбиса жениться на своей сестре: «Для этого царь созвал царских судей, и спросил, нет ли закона (νόμος), разрешающего по желанию вступать в брак с сестрами. А царские судьи... у персов вершат суд и истолковывают отеческие законы (*πατρίων θεσμών*) ... Так вот, судьи отвечали на вопрос Камбиса, сообразуясь с зако-

ном (νόμον) и соблюдая собственную безопасность: нет такого закона (νόμον), разрешающего брак с сестрой, но есть, конечно, другой закон (τὸν νόμον), который позволяет царю делать все, что ему угодно...». Примечательно, что в данном отрывке Геродот употребляет два термина в отношении закона-обычая персов – *θεσμός* и *νόμος*. В соответствии со словарем И.Х. Дворецкого [5, с. 782], *θεσμός* трактуется в качестве «древнего установления или священного закона», а поскольку сам термин есть отражение практики общества, положений, сформированных предками, то можно заключить, что решение Камбиса заключить брак с сестрой является новым казусом, после разрешения которого, царские судьи стали характеризовать его как *νόμος*, то есть дословно «вошедший с некоторых пор в силу обычай, санкционированный волей царя». Стало быть, упомянутый ранее случай с наследованием престола своего отца Ксерксом (Hdt. VII. 2) есть ничто иное, как testament, то есть духовное завещание относительно назначения наследников [11, р. 433], а, следовательно, можно предположить, что царь, зная об обычае, сложившемся у предков, может подтвердить или же отвергнуть «кандидатуру» наследника. Таким образом, можно заявить об «универсальной гибкости» обычаев, а основной принцип персидских νόμοι, думается, изложен в VII книге, и состоит в том, что прежде чем приступить к исполнению обычаев предков, знатные персы могли обговорить возможность воплощения их в жизнь, но окончательное слово всегда оставалось за царём, несмотря на следующее утверждение царя Ксеркса, приведенное Геродотом: «Чтобы вы не думали, что я поступаю по своему личному усмотрению, я предлагаю этот вопрос на общее обсуждение и повелеваю каждому желающему высказать свое мнение» (Hdt. VII. 8). М. Освальд [12, р. 23] полагает, что толкование отеческих законов царскими судьями (Hdt. III. 31) носит явно политический характер, а значит соотносится с общей идеей *θεσμός*, которая в данном случае предполагает некий комплекс устойчивых обычаев, инициированных предками, на основании и в соответствии с которыми складывались прецеденты и законы в понимании людей древности. Все это относит нас к пониманию древнеперсидского термина *dāta*- как нечто «установленного, положенного», в соответствии с «Этимологическим словарём иранских языков» В.С. Расторгуе-

вой и Д.И. Эдельман [13, с. 423], некоего общего правового порядка, установившегося у Ахеменидов [14, р. 128]. Таким образом, можно заявить о наличии универсального комплекса устойчивых обычаев для различных народов, в том числе персов и греков.

Таким образом, мы полагаем, что Геродот мыслил наличие у древних персов законов-обычаев, среди которых можно выделить обычаи, связанные с религиозными обрядами и практиками, законы-обычаи, касаемые социальных отношений, отдельно – правовые нормы, регулирующие преемственность власти и отношения между правителем и «подданными», правителем и другими государствами. Предполагается, что система законов-обычаев древних персов, опираясь на данные Геродота, пополнялась законами и обычаями других народов, поэтому и Персидская империя сложилась на начале компонирования различных норм, то есть на зачатках прецедентного права, умело функционировала и развивалась только на почве нововведений, которые в большинстве своем были возможны только вследствие расширения территории.

Библиография

1. Powell J.E. A Lexicon to Herodotus. Cambridge, 1938.
2. Havelock E.A. The Liberal Temper in Greek Politics. New Haven, 1957.
3. Pohlenz M. Nomos // *Philologus*. 1948. Bd. 97. S. 135–142.
3. Evans J.A.S. Despotes Nomos // *Athenaeum*. 1965. Vol. 43. P. 143–153.
4. Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. М., 1958. Т. 2.
5. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998. Т. 1.
6. Евгеньева А.П. Словарь русского языка. 4-е изд. М., 1999. Т. 2.
7. Соколова Г.Н. Авеста. Гимн Хаоме / Подготовка авестийского текста, перевод, предисловие, комментарий М.В. Чистякова. СПб., 2003.
8. Bloomer W.M. The Superlative “Nomoi” of Herodotus’s Histories // *Classical Antiquity*. 1993. Vol. 12. No. 1. P. 30–50.
9. Schwab A. Achaimenidische Königsideologie in Herodots Erzählung über Xerxes // *Zwischen Assur und Athen: Altorientalisches in den Historien Herodots* / Hrsg. von H. Klinkott & N. Kramer. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2017. S. 163–195.
9. Чудинов А.Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб., 1894.
10. Ostwald M. Nomos and the beginning of the Athenian democracy. Oxford: Clarendon Press, 1969.
11. Расторгуева В.С., Эдельман Дж.И. Этимологический словарь иранских языков. Т. 1–3. М.: Восточная литература, 2000–2007.
12. Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика древнего Ирана. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980.

Автор публикации: Исакова Алина Сергеевна, студент, кафедра всеобщей и публичной истории, Институт международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; email: ailin.isakova@yandex.ru.

The laws-customs of the ancient Persians as represented by Herodotus

A.S. Isakova

Abstract. The Achaemenid Persian empire did not have a single code of laws, but there was a legal system that combined “royal law” and “regional law”, which was formed at the beginning of a compilation of laws and customs of various peoples with whom the Persians had some contact or were part of the empire (Greeks, Egyptians, Indians, etc.). The “royal law” is reflected to a greater or lesser degree in the Achaemenid royal inscriptions, but the information is clearly insufficient because the inscriptions do not reflect the entirety of Persian life: most of the traditions, customs and laws remain in the shadows, making it difficult to find their origins. Herodotus, the author of the “Histories”, includes information on the laws and customs of many peoples who lived at his time. This article intends to examine the laws and customs of the ancient Persians, expressing the legal and social norms of the Achaemenid Empire, according to the historian Herodotus. The author of this article introduces the concept of “laws-customs” in relation to the norms of the ancient Persians, based on the consideration of Herodotus' understanding of them. The issue is raised as to what Persian norms were for the “father of history”, did he draw a difference between laws and customs, did he parallelize them with Greek ones?

Keywords: Law, Customs, Persians, Social Norms, Legal Norms, Herodotus

For citation. Isakova A.S. The laws-customs of the ancient Persians as represented by Herodotus // *Proceedings of the Society of Archeology, History and Ethnography at Kazan University*. 2023. 43(1). P. 5–15. DOI: 10.26907/2312–3400.2023.1.5-15

Author of the publication: Isakova Alina Sergeevna – student, Department of World and Public History, Institute of international relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia; email: ailin.isakova@yandex.ru.

Поступила в редакцию / Received 23.01.2023

Принята к публикации / Accepted 27.03.2023

Правящая элита Линкестиды до покорения Аргеадами

А.Э. Мубаракшин

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, Россия
artmubr@gmail.com*

Аннотация. Линкестийское царство до его аннексии Аргеадами представляло собой реальную угрозу Македонскому царству. Современники рассматривали его как отдельное государственное образование, частично зависимое от Нижней Македонии. Правящая элита Линкестиды не оставляла надежд на независимость, применяя в своей борьбе все возможные средства от дипломатии и привлечения союзников до прямого военного столкновения. Мнения историков о результатах этой борьбы разнятся ввиду того, что принадлежность некоторых исторических личностей остается спорной. В статье рассматривается процесс вхождения македонской области Линкестиды в состав Македонского царства Аргеадов, потеря независимости Линкестийского царства, политические шаги правящего дома Линкестиды, направленные на сопротивление попыткам Аргеадов подчинить их царство, а также обсуждаются спорные вопросы происхождения представителей правящего дома Линкестиды. В статье рассматриваются такие дискуссионные вопросы как принадлежность царя Аэропа II Македонского к дому Линкестов или дому Аргеадов и существование царя Аррабея II. Целью написания статьи является исследование политических процессов, происходящих в царстве Линкестиды в V–IV в. до н.э., и выявление результатов этих процессов, о чем ниже и пойдет речь.

Ключевые слова: Македония, Линкестиды, правящая элита, царство, Аргеады

Для цитирования: Мубаракшин А.Э. Правящая элита Линкестиды до покорения Аргеадами // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2023. Т. 43. № 1. С. 16–44. DOI: 10.26907/2312–3400.2023.1.16-44.

Покорение Линкестиды являлось одной из важнейших задач нескольких македонских царей и представляло собой труднорешаемую проблему, точку в которой смог поставить только царь Фи-

липп II Македонский. Сложность эта состояла, во-первых, в силе самого царства Линк, а во-вторых, в дипломатических способностях и гибкости линкестийской правящей семьи. По мнению некоторых ученых, впервые Линкестиды попали под влияние власти Аргеадов во времена правления Александра I [1, с. 67-68; 2, S. 152]. Н. Хаммонд считает, что эти события произошли в 483–481 г. до н.э. [3, р. 64]. Фукидид также сообщает, что Александр I и его предки завоевали страну и подчинили своей власти горные области, оставив при этом власть их царям (Thuc. II. 99). Геродот описывает события, при которых в правящем доме Нижней Македонии появилась связь с персидскими завоевателями через династический брак Гигеи, дочери Аминты I и высокопоставленного лица персидского двора – Бубара (Hdt. V. 21). И.Г. Дройзен считает, что с помощью персидских войск Аргеады подчинили своей власти царство Линкестов и Элимеотов [1, с. 68]. Со своей стороны, македонские цари проявляли полную лояльность персидской экспансии, будучи плацдармом для вторжения в Грецию [4, с. 49].

Цари Линкестиды проявляли наибольшую политическую активность среди правителей Верхней Македонии, способствующую децентрализации государства Аргеадов. У Фукидида первым из известных представителей династии был Бромер (Thuc. IV. 83). Н. Хаммонд [3, р. 14] считает, что Бромер не правил в стране, а первым царем стал его сын Аррабей, пришедший к власти примерно в 445 г. до н.э. Он берет 30 лет за годы деятельности одного поколения и высчитывает поколения, начиная с матери Филиппа II, основываясь на сообщении Страбона (Strab. VII. 7. 8). Приводя как аргумент, что в династии не было принято называть сына в честь отца, он добавляет в генеалогическую схему еще одного неизвестного члена рода между Аррабеем I и Аррабеем II, правившего с 415 г. до н.э. Таким образом он приходит к выводу, что Бромер был правителем без титула царя примерно в 475 г. до н.э. О. Хоффманн приводит различные варианты трактовки имен царей Линкестиды. Имя Бромера (Βρομερός), он возводит к слову βρόμος (шум, гул), а имя Аррабей (Αρραβαῖος) к слову ἄραβος (грохот). Хоффманн отмечает, что Феликс Зольмсен остроумно предложил выводить имя Бромер от имени βρόμος – варианта имени бога Диониса, предполагая, что этот вариант является под-

тверждением заявленной связи Линкестов с Бакхиадами, а имя Аррабей от эолийского эпитета правителя Бакхиса – Ἐρραφεῖοτας [5, S. 166]. Христиан Хабихт указывает на то, что имя Аррабей не зафиксировано нигде за пределами Македонии. Это имя встречается в области Орестиды, Элимеотиды и Линкестиды. По мнению Х. Хабихта, само имя Аррабей до смерти Александра Македонского являлось показателем того, что его обладатель принадлежал к семье Линкестов [6, S. 512].

Фукидид сообщает, что во время правления Пердикки II Линкестиды представляла собой область Македонии, находящуюся в зависимости от него, но управляемую своим царём (Thuc. II. 99). При этом во времена смуты в Македонии Линкесты, как и Элимеоты, смогли воспользоваться этим и сбросить с себя власть Аргеадов. Вероятно, ещё в 429 г. до н.э. Линкесты не вели войну с Пердиккой, когда тот собирал войска союзников для участия в походе на Акарнанию [7, с. 196]. Аррабей, на момент начала боевых действий в 424 г. до н. э., правил независимым государством, либо пытался его создать, так как царь Македонии Пердикка II всеми силами старался подчинить себе Линкестиду. В период Пелопоннесской войны он, используя сложившиеся обстоятельства, привлёк на свою сторону спартанского полководца Брасида с армией. Брасид желал использовать македонцев, как союзников в борьбе с Афинами, и царь Македонии с помощью своих политических связей провёл армию спартанцев через земли Фессалии, взяв ответственность за снабжение половины войска. Для себя же царь Македонии искал сильных союзников, надеясь с помощью них подчинить себе отпавшие регионы. После прибытия Брасида Пердикка немедленно развернул войско против Аррабея, но спартанский полководец не желал быть использованным в качестве орудия, а потому пытался урегулировать разногласия, не прибегая к силе. Аррабей также не искал сражения, а потому попросил Брасида сыграть роль судьи в конфликте между ним и Пердиккой. В переговорах Аррабей убедил Брасида не вторгаться в его земли. Этому также способствовала репутация самого Пердикки и убеждённости союзников в том, что, получив желаемое, Пердикка не станет выполнять союзнические обязательства. Сражение не произошло, но в 423 г. до н. э. Пердикка принудил Брасида к повторному походу

ду в Линкестиду. Вероятнее всего, рычагом давления послужили обострившиеся отношения между Афинами и Спартой. При нависшей над Брасидом угрозой войны, македонские союзники были ему необходимы, поэтому он решился дать бой врагам Пердикки. Армия союзников насчитывала до 3000 гоплитов, 1000 воинов македонской и халкидской кавалерии [7, с. 199]. Также за ними следовала армия «варваров», о количестве и происхождении которых неизвестно. Сражение произошло на равнине Пелагонии. Прежде всего в бой вступили конные воины с обеих сторон, а позже в боевом порядке подошли гоплиты линкестов. В битве одержали верх союзники, разбив армию Линка. Аррабей потерял большую часть воинов, а оставшиеся скрылись в горах. Для дальнейшего продвижения Пердикка ожидал прибытия иллирийских наёмников, но Брасид, спешивший к началу войны с Афинами, не желал продолжения сражения, считая свой долг союзника выполненным. Проведя несколько дней в спорах, Брасид и Пердикка узнали о том, что иллирийские наёмники переметнулись на сторону Аррабея и теперь угрожают им. В. Хекель предполагает, что вождем этих иллирийцев мог быть отец Сирры [8, р. 20]. Ночью армия македонцев подверглась панике и, бросив своего царя, покинула поле боя. Спартанцы, оставшись одни против грозного врага, предприняли удачную попытку методичного отступления и, отбив все атаки врагов, смогли выйти из окружения. Фукидид сообщает, что, затем воины Брасида, вымещая злость на покинувших их на поле боя союзниках, напали на македонцев, тем самым сделав Пердикку своим врагом (Thuc. IV. 124). В последующем, македонский царь, в ответ на агрессию Брасида, позволил Афинам выступить посредником в установлении мирных отношений между ним и Аррабеем [9, р. 368]. А.С. Шоффман датирует этот мирный договор 422 г. до н.э. [4, с. 58]. Х. Хабихт считает, что этот договор был заключен в 422 г. до н.э. [6, S. 512]. Ю.Н. Борза датирует этот договор 423 г. до н.э. [7, с. 201].

После смерти Пердикки II в 413 г. до н. э. [10, р. 154], Аррабей продолжил борьбу со стремлениями царей Македонии аннексировать его царство, и доказательством этого является сообщение Аристотеля о конфликте Линкестиды с Архелаем (Arist. Pol. VIII. 11). У Страбона встречается сообщение о том, что дочь Ар-

рабей I была женой Сирры – его союзника в войне с Македонией (Strab. VII. 7. 8). Аррабей в союзе с этим Сиррой вынудил Архелая выдать свою дочь за элимеяского царя. Трудно сказать, кем был Аррабей, воевавший с Архелаем. Был ли это Аррабей I или его возможный сын Аррабей II? Д. Эллис допускает существование сына Аррабея I с тем же именем [11, p. 38]. Х. Хабиخت считает, что сыном Аррабея I был Аррабей II, и тот в союзе с Сиррой вел войну против Архелая [6, S. 512]. М. Хатзопоулос считает, что Аррабей II был внуком Аррабея I, а Сирра принадлежал к семье Линкестов и был его опекуном в силу малолетства царя [12, p. 35]. М. Диксон считает, что Аррабей II существовал и был отцом Аэропа и дедом Аррабея, Геромена и Александра [13, p. 119]. Н. Хаммонд предполагает, что после Аррабея I правил его неустановленный сын, а уже после него – Аррабей II. Он исходит из того, что в традиции македонских правителей имя деда царя переходило старшему сыну, а имена отца и сына никогда не совпадали [3, p. 14–15]. В. Хекель противопоставляет мнению Н. Хаммонда то, что это не было жестким правилом для македонцев, хотя и отступление от этого правила являлось редкостью. В. Хекель приводит в пример таблицу, составленную Н. Хаммондом, в которой у элимеяского царя Дерды II и деда, и сына звали Дерда [8, p. 20]. К.Ю. Белох предполагает, что Аррабея на троне сменил его сын Аррабей II, который был отцом Аэропа и дедом Аррабея, Геромена и Александра [14, S. 77]. В. Хекель, начав отсчет от смерти Филиппа II, приходит к мнению, что Аэроп был его ровесником, а отец Аэропа, Аррабей II, годом рождения которого являлся примерно 405 г. до н.э., был младшим братом женщины, вышедшей замуж за Сирру [8, p. 21]. Следом за этим предположением Хекель приводит альтернативную версию, в которой ставит под сомнение существование Аррабея II, обратив внимание на то, что Аминта, сын Аррабея занимал высокий пост в армии вместе с Атталом и Парменионом, а, следовательно, должен был родиться около 360 г. до н.э. Если принять его год рождения за 360 г. до н.э., то год рождения его отца Аррабея сдвигается на 380 г. до н.э., а это, в свою очередь, сдвигает дату рождения его отца на конец V в. до н.э. Это означает, что Аэроп мог быть сыном Аррабея I, а Аррабея II не существовало. При этом он высказывает сомнения скорее в том, что именно Аминта Линкест был в экс-

педиционных войсках с Парменионом, предпочитая точку зрения, по которой Аррабей II все же существует [8, р. 21–22]. П. Кабан считает, что Аррабей II мог существовать и вести войну в союзе с Сиррой против Архелая [15, р. 52].

Царь Архелай погиб от удара дротиком, причем по одним источникам удар был непреднамеренным, а по другим – результатом заговора. У него остался сын, недостаточно взрослый, чтобы править самостоятельно, и Аэроп стал его опекуном. Происхождение царя Аэропа II вызывает среди ученых серьезные дискуссии, незавершенные до настоящего времени. И.Г. Дройзен утверждает, что Аэроп II был сыном Аррабея, правившего в землях Линкестиды [1, с. 70]. Юлиус Керст считает, что Аэроп, убивший своего подопечного Ореста, имел линкестийское происхождение [16, S. 679]. Э. Карни в своей статье об Александре Линкесте проводит анализ мнений нескольких ученых и приходит к выводу, что Аэроп II Македонский и Аэроп Линкест, отец Геромена, Аррабея и Александра, являлись одним лицом. Она считает, что при должном стечении обстоятельств Аэроп Линкест вполне мог узурпировать трон Македонии. В пример она приводит слова Фукидида, указывая на то, что сами македонцы захватили власть в стране силой. Затем, она указывает на тот факт, что, когда возник дефицит наследников Аргеадов, македонцы согласились сменить эту династию на династию Антигонидов. Эти примеры, по мнению Э. Карни, подтверждают ее мысль о том, что Аргеады, хотя и имели монополию на царствование, вовсе не были незаменимыми, в том числе и в случае с Птолемеем Алоритом, не принадлежавшему к семье Аргеадов [17, р. 25–26]. Питер Грин также признает возможное линкестийское происхождение царя Аэропа II. Он считает, что политика царя Архелая, заключающаяся в получении короной субсидий в обмен на земельные наделы в Нижней Македонии, могла привлечь князя из соседнего царства. Историк видит возможным, что и Аэроп оказался при дворе в результате получения этих наделов. В последующем его наследник Павсаний был свергнут легитимным претендентом Аминтой, внуком Александра I, но, по мнению ученого, линкесты с помощью иллирийцев посадили на трон сына Павсания, также свергнутым Аминтой [18, р. 11]. Отто Абель уверен в том, что Аэроп II происходил из царского рода

Линкестиды. Историк считает, что в Македонии во время правления Архелая существовали две партии, одна из которых встала на сторону линкестов, так как, не имея значительной поддержки со стороны македонцев, Аэроп не смог бы занять трон и передать его своему сыну Павсанию [2, S. 204]. В подтверждение своей теории ученый приводит тот факт, что иллирийские вторжения всегда происходили во время правления законных царей – Аргеадов, но не во время правления Аэропа и Аргея, которым не пришлось сталкиваться с этой проблемой. Историк предполагает, что Аэроп II мог быть отцом Аррабея, Геромена и Александра, однако, он высказывает некоторые сомнения в связи с этим, так как братья участвуют в политической жизни Македонии спустя 60 лет после смерти отца в 394 г. до н.э. [2, S. 207]. М. Паларет считает Аэропа II отцом братьев Линкестов, а, следовательно, и возможными претендентами на трон, двоих из которых уничтожили вместе с Аминтой, сыном Пердикки III [19, p. 44].

Этим мнениям, имеются противники, которые полагают, что Аэроп II Македонский принадлежал к династии Аргеадов. К.Ю. Белох не считает, что Аэроп II Македонский и Аэроп Линкест тождественны. Ученый предполагает, что Аэропу II доверили опеку над Орестом, так как он был сыном или племянником Пердикки II, то есть следующим претендентом на трон. Невозможность того, что Аэроп происходил из Линкестиды, К.Ю. Белох объясняет тем, что Линкестиды на тот момент уже оформилась в самостоятельное государство и была в состоянии войны с Македонией [14, S. 65]. Г. Берве, следуя мнению К.Ю. Белоха, считает невозможным то, что братья Аррабей, Геромен и Александр были сыновьями царя Аэропа II [20, S. 17]. Ф. Гейер заявляет, что абсолютно невозможно то, что Архелай передал опеку над сыном и наследником своему врагу из дома Линкестов [21, S. 107]. Ученый замечает, что незадолго до смерти Архелай вел войну с Линкестидой, и передача им власти, представителю противоборствующей партии, выглядит абсурдно. Н. Хаммонд отрицает наличие связи между Аэропом II Македонским и домом Линкестов. Он приходит к выводу, что был членом правящей семьи, внуком Александра I по мужской Аэроп линии и законным претендентом на трон, так как его признали царем. По расчетам Н. Хаммонда начало опе-

кунства исчисляется 398/7 г. до н.э. В течение некоторого времени Аэроп правил от имени опекуна, но вскоре умертвил его и принял всю полноту власти в свои руки [3, р. 170]. Д. Марш считает, что в 398/7 г. до н.э. Аэроп уже умертвил Ореста и взял тронное имя Архелай. Предположение ученого основывается на том, что Аэропом этого царя называют лишь Диодор, Порфирий и Евсевий. К тому же Евсевий сам опирался на изложение Диодора, описывая события, связанные с Аэропом. Историк указывает, что у Георгия Синкелла при упоминании македонского царя Павсания в одном случае читается преемник Аэропа, а в более позднем упоминании – Архелая. У Евсевия в отрывках, не связанных с изложением Диодора, также звучит имя Архелая как преемника Ореста [22, р. 276]. Юлиус Керст также считал, что Аэроп II после воцарения принял тронное имя Архелай [16, S. 679]. Г. Маурди считает, что Аэроп II называл себя Архелаем II [23, р. 207]. К.Ю. Белох отрицает возможность принятия Аэропом тронного имени Архелай, основываясь на том, что этот царь чеканил монету с именем АЕРОПО [14, S. 65]. Ученый помещает правление Аэропа II во временные рамки, ограничивающиеся 396–393 г. до н.э., а регентство отсчитывает от 400/399 г. до н.э. В своей работе он приводит таблицу, в которой отмечает года правления Аэропа, установленные греко-римскими историками. Таким образом, он указывает, что, по свидетельству Диодора, Аэроп правил 6 лет, включая период регентства, в одном из участков текста, и 5 лет в другом. Феопомп описывает события середины лета 394 г. до н.э., в которых царь Аэроп препятствовал силам Агесилая, что говорит о том, что Аэроп скончался не ранее 394/3 г. до н.э. Синкелл и Евсевий указывают на то, что Аэроп правил 7 лет, из которых 3 года он был опекуном Ореста. Изучая эти источники и рассчитывая по ним годы правления следующих царей, ученый приходит к мнению, что Аэроп скончался в 393 г. до н.э., так как Аминта, отец Филиппа взошел на престол в 392 г. до н.э. [14, S. 55–56].

О правлении этого царя сохранилось немного информации. Благодаря Полиену стал известен один эпизод с участием Аэропа (Polyaen. II. 1. 17). Спартанская армия, возглавляемая Агесилаем, пыталась пройти через земли Македонского царства. Агесилай отправил послов к Аэропу, с целью попросить дозволения пройти,

но тот, узнав, что у спартанцев мало всадников, сам выступил ему навстречу. Тогда Агесилай выставил вперёд пехоту, а позади неё выстроил всех вьючных животных, включая ослов, мулов и непригодных для боя лошадей вместе со своей конницей и рассадил на них всадников. Тогда Аэроп, увидев численность армии, не решился напасть и пропустил спартанцев через свои земли. Ю.Н. Борза датирует эти события 394 г. до н.э., а смерть Аэропа от болезни – 395/4 г. до н.э. [7, с. 233]. И.Г. Дройзен считает, что Аэроп скончался в 392 г. до н.э. [1, с. 70]. Н. Хаммонд предполагает, что годом его смерти стал 395/4 г. до н.э. [3, р. 168]. Диодор пишет, что после смерти Аэропа от болезни власть в стране получил его сын Павсаний (Diod. XIV. 84. 6). И.Г. Дройзен считает, что прежде, чем Павсаний стал царем, власть в стране узурпировал Аминта II Малый. Лишь после того, как Аминта II был убит Дердой, Павсаний смог обрести власть, и только в 390 г. до н.э. Аминта III убивает Павсания [1, с. 70].

Вскоре после обретения власти Аминте пришлось столкнуться с вторжением иллирийцев. Описание этих событий важно для понимания доли участия верхнемакедонской знати в этих событиях. Ю.Н. Борза называет датой вторжения иллирийцев в Македонию 393 г. до н.э. [7, с. 235]. Н. Хаммонд считает, что это произошло в 393/2 г. до н.э., [3, р. 172]. Диодор Сицилийский пишет, что иллирийцы изгнали из страны Аминту III, а на троне воссел и правил два года царь Аргей (Diod. XIV. 91. 3). И.Г. Дройзен не может точно ответить на вопрос о том, кем был этот Аргей. Он предполагает, что тот мог быть братом Павсания или принадлежать к роду Аргеадов, а также быть неуточненным потомком дома Линкестов [1, с. 70]. С. Ислами считает, что Аргей относился к линкестийской знати и был посажен на трон Македонии после вторжения иллирийцев [24, р. 272]. М. Паларет предполагает, что Аргей был царем из Линкестиды, а также, что именно Линкесты, а не иллирийцы инициировали вторжение в Македонию и в первый, и во второй раз [19, р. 29]. О. Абель считает, что царь Аминта был изгнан Линкестами-македонянами с поддержкой иллирийских племен, после чего трон занял царь Аргей [2, S. 206]. Также историк заявляет, что Аргей мог быть сыном Аэропа II и братом Павсания [2, S. 209]. А.С. Шофман предполагает, что Аргей из рода Линкестов, заняв

трон с помощью иллирийцев, но не удержав его, был изгнан Аминтой в союзе с фессалийцами и Дердой Элимейским [4, с. 65–66]. Н. Хаммонд считает, что Аргей, будучи сыном царя Архелая, был возведен в цари воинским собранием македонян и правил в период с 393/2 по 392/1 г. до н.э. [3, р. 175–176]. Эллис предполагает, что Аргей правил с 385 по 383 г. до н.э. и, вслед за Гейером, считает его ставленником Олинфа. К тому же, историк, ссылаясь на работы Гейера, связывает усыновление Ификрата, на тот момент служащего фракийскому царю Коттису, с падением власти Аргея. Он считает, что между Аминтой III и фракийцами сложился военный союз, подтвержденный усыновлением, направленный на свержение Аргея с македонского престола [25, р. 7]. Так или иначе, Аргей не смог удержать власть в стране, так как его изгнал Аминта III. Й. Уортингтон предполагает, что датой вторжения иллирийцев был 392 г. до н. э., и, что эта дата совпала с политическим браком Аминты III и Эвридики, дочери Сирры. Он также считает, что этот брак обеспечил царю союзнические отношения с Линкестами [26, с. 34]. Д. Эллис полагает, что первое вторжение иллирийцев произошло в 392 г. до н.э. и было столь успешным, что Аминта III не смог ничего ему противопоставить, и был практически изгнан из Македонии. Затем царь в изгнании получил помощь от олинфян и фессалийцев и заключил договор с иллирийцами, по которому он был вынужден платить их царю ежегодную дань, подкрепив договор браком с иллирийкой Эвридикой. По мнению ученого, эту дань он выплачивал больше 30 лет [25, р. 42]. Э. Карни также считает, что брак Аминты и Эвридики направлен на разрешение конфликта между царем Македонии и иллирийцами с Линкестами. В качестве аргумента она приводит тот факт, что конфликтов с Линкестидой не было вплоть до воцарения Александра II. Иллирийцы также прекратили беспокоить границы Македонии несмотря на то, что после брака Аминты и Эвридики они совершили вторжение в Молоссию [27, р. 27–28]. П. Кабан считает, что, взяв в жены Эвридику, Аминта получил в приданое Линкестиду, присоединив ее к Македонии [15, р. 52]. В 391 г. до н. э. Аминта был восстановлен в качестве царя Македонии с помощью фессалийцев, у которых, вероятно, и находился в изгнании [3, р. 172–173]. Согласно Диодору, во время правления Аминты III произошло два вторжения иллирийцев, но

многие ученые считают, что повторное вторжение является ошибкой автора. Э. Карни предполагает, что если второе иллирийское вторжение не существовало, то отсутствие этих событий является хорошим доказательством того, что с помощью брака с Эвридикой Аминта достиг своих целей по обеспечению безопасности страны [27, р. 28]. М. Хатзопулус считает, что с момента брака Аминты и Эвридики Линкесты и Темениды объединились в одно государство для противостояния иллирийской угрозе [12, р. 35]. Н. Хаммонд не согласен с тем, что Диодор ошибся, подчеркивая разный характер ответных действий Аминты на иллирийскую агрессию. В одном случае он использует фессалийцев, чтобы вернуть трон, а в другом ведет войну собственными силами [3, р. 174].

В 359 г. до н. э. происходит еще одно нашествие иллирийцев, которое обернулось катастрофой уже для сына Аминты III Пердикки III. Д. Хогарт считает, что мать Пердикки III спровоцировала вторжение, чтобы отомстить сыну за убийство своего любовника Птолемея Алорита, но Г. Макурди опровергает это заявления, считая его недостаточно доказанным [23, р. 18–19]. Пердикка выставил против Бардила и его воинов большую армию, учитывая, что только ее потери при поражении составили 4000 человек, но все же не смог победить и погиб со своими воинами [7, с. 255–256]. Босворт предполагает, что царь Пелагонии Менелай и, вероятно, дом Линкестов поддерживали иллирийцев в борьбе с македонянами [28, р. 99]. Теперь новому царю Филиппу II предстояло решить проблему с иллирийскими племенами. По мнению Й. Уортингтона, Филипп уладил иллирийский вопрос династическим браком с родственницей Бардила Аудатой. Филипп реформировал войско македонян, обучив его по новым стандартам. Реформы коснулись как пехоты и кавалерии, так и их вооружения, и способа ведения боя. В 358 г. до н. э., с армией в 10000 пехотинцев и 600 всадников [26, с. 49] Филипп выступил против царя Бардила, желая прекратить десятилетия грабительских походов своих беспокойных соседей. Бардил выставил против Филиппа 10000 пехотинцев и 500 всадников [26, с. 59]. Битва происходила на Линкестийской равнине [29, р. 7] возле Лихнидского озера близ Гераклеи Линкестидской [26, с. 59]. А.К. Нефедкин на основании сообщений Диодора и Фронтинана воспроизводит ход этой битвы. Бардил первым

выстроил свои войска, вероятно, встав по центру вместе с сильнейшими войсками, оставив фланги более слабыми. Неизвестно, где находилась кавалерия Бардила на одном или на обоих флангах. Филипп выставил конницу на правом фланге, возможно, частично на левом. Сам Филипп с отборными пехотинцами стоял также на правом фланге. Вероятно, македонская армия стояла косым строем, с выдвинутым правым флангом. В ходе битвы Бардил, расценив обстановку на поле боя, предотвращая обход вражеской кавалерии, выстроил войска в каре. Пехота правого фланга Филиппа сломила противника, а после фланговым ударом ворвалась кавалерия, прошедшая после этого в тыл иллирийцев. Армия бежала, и в ходе преследования македонцы уничтожили 8000 солдат противника [30, с. 45–47]. Бардил проиграл битву и был вынужден смириться с условиями Филиппа II. Это значило, что иллирийцы должны были покинуть все города Верхней Македонии. Таким образом и Линкестиды, и Пелагония были присоединены к царству Аргеадов, а Линкесты лишились своей независимости, если это не произошло ранее, и теперь уже навсегда. Ф. Шахермайр считает, что после изгнания иллирийцев Филипп II предстал перед народом Линкестиды как освободитель. Он полагает, что линкестийская знать, сокрушенная господством Бардила, полностью покорилась новому царю [31, с. 42]. Э. Карни заявляет, что победа Филиппа освободила народ Линкестиды, а также вернула бразды правления в руки потомков дома Аррабея в обмен на их лояльность и автономию [27, р. 49]. Р.М. Эррингтон видит представителей знати Линкестиды на стороне Филиппа в их конфликте с Бардилом. Более того, он полагает, что линкестийцы проявляли наибольшую лояльность до победы над Бардилом, так как Филипп II был их единственной надеждой вернуть земли, оккупированные иллирийцами. Он называет захват Верхней Македонии иллирийцами удачей для Аргеадов, так как в таких условиях можно было не ожидать сепаратистских движений от представителей верхнемакедонской знати [32, р. 39]. По версии В. Хекеля, Менелай правил и Пелагонией, и частью Линкестиды, а после него Аэроп, отец троих братьев взял бразды правления на короткое время. В этом случае, Аэроп, конечно же, не является тем Аэропом, что правил в Македонии, а выступает в качестве Линкестийского царя [8, р. 21–22]. После по-

беды Филиппа II и изгнания Бардила Линкестиды более никогда не обрела независимость и стала одной из областей Македонского царства. Представители царской династии Линка либо покорились царю Македонии после поражения Бардила, либо еще раньше, так как в последующем их можно видеть при дворе в качестве одной из партий.

В рассматриваемом вопросе наиболее затруднительным является вопрос происхождения царя Аэропа II Македонского. Наиболее важными аспектами аргументации ученых, придерживающихся мнения о том, что Аэроп происходил из рода Аргеадов, является предположение о том, что его линкестийское происхождение было недопустимым условием для македонского царствования. Прежде всего, нужно обратить внимание на то, что царь Архелай, до или во время своего правления, создал искусственный дефицит представителей своего рода. Убийства родственников не могли не настроить против него хотя бы часть знати, которая имела возможность сформировать оппозицию действующей власти. К тому же война Архелая с Линкестидой велась не в пользу македонского царя. По свидетельству Аристотеля, последний терпел поражения и был вынужден выдать свою дочь за соседнего царя, находясь в поиске военной поддержки. Вскоре после этих событий Архелай гибнет в результате заговора. О непопулярности этого царя может говорить переданное Платоном в диалоге «Алкивиад II» (Pl. Alc. 141d) и Элианом в «Пестрых рассказах» (Ael. VIII. 9) сообщение о том, что после совершенного убийства, любовник Архелая сам принял власть, хотя и на несколько дней до его устранения. Эти упоминания авторов имеют крайне важное значение, так как передача власти убийце царя красочно характеризует отношение к царю не только знати, но и армии. Затем, если принять предположение о том, что Аэроп происходил из Линкестиды и был сыном Аррабея, нужно обратить внимание на то, что он был бы не единственным правителем Македонии со спорным происхождением. Тот же Кратей, ставший царем, не имел аргеадского происхождения, но был допущен к власти. Весьма сомнительно, что Птолемей Алорит происходил из рода Аргеадов, хотя подобные мнения существуют. Однако, после убийства царя Александра II, он нашел способ убедить знать и армию в том, что ему позволительно пра-

вить, также под предлогом регентства при малолетних Пердикке и Филиппе. Согласно Диодору Сицилийскому, царь Аргей II Македонский, власть которого основывалась на силе иллирийского оружия, также смог занять македонский трон (Diod. XIV. 92. 3). Как и в случае с Птолемеем Алоритом, некоторые ученые придерживаются мнения о том, что Аргей происходил из рода Аргеадов, хотя, в действительности, никаких существенных доказательств этого не существует. Если абстрагироваться от гипотезы о том, что все цари Македонии были Аргеадами, то в этом случае стоит обратить внимание на то, что иллирийцы всегда выступали против македонских царей за исключением царя Аэропа II и Аргея II, чье происхождение часто рассматривается как линкестийское. Также можно увидеть, что непопулярный царь Архелай уничтожил несколько легитимных претендентов на власть, способных создать сопротивление вмешательству извне, а после погиб в результате заговора. Его заменяют его же убийцей, которого вскоре также убивают. Почему Аэроп, по предположению некоторых ученых, будучи сыном Архелая или его родственником, сам не казнил убийцу и не занял трон? Почему Кратея, любовника и убийцу царя, пришлось устранять с помощью заговора? Отвечая на эти вопросы, можно реконструировать события следующим образом. Архелай приобрел врагов, жестоко расправившись с несколькими влиятельными претендентами на трон. Их коалиция не была достаточно сильна, а Архелай, как царь-реформатор, некоторое время был популярен в Македонии. Развязав войну, в попытке присоединить регионы Верхней Македонии и, фактически, проиграв ее, он стал терять влияние. О военных неудачах царя Македонии можно судить по тому факту, что, терпя поражения от Сирры и Аррабея, силы его войска уже не хватало на отражение линкестийской угрозы, что заставило Архелая обратиться к союзам с соседями, а в частности к правителю Элимеотиды. По причине военных неудач, Архелай лишился поддержки армии, по причине брака его дочери с царем Элимеотиды, он лишился расположения ближайшего окружения, а оппозиция получила достаточно сообщников, чтобы осуществить заговор. По всей видимости, у оппозиции не было достойных претендентов для выдвижения на трон, а Архелай все еще имел влияние в македонском обществе, что заставило заго-

ворщиков, неспособных справиться с этим влиянием, обратиться к внешней силе в лице представителя дома Линкестов. Вероятно, договор заключался между Аррабеем I и Сиррой, с одной стороны, и заговорщиками из македонской знати, с другой. Аэроп стал править как наследник Аррабея I от партии Линкестов и как регент Ореста, сына Архелая, как следствие договоренностей между ним и армией Македонии. Для аргументирования точки зрения о том, что Аэроп был сыном Аррабея I, а не II, нужно обратиться к его потомкам, жизнь которых довольно полно освещена в источниках. Более того, их жизнеописание является также подтверждением того, что Аэроп II происходил из рода Линкестов.

Агномен Линкест можно неоднократно встретить в источниках, описывающих поход Александра. Нужно заметить, что именно переплетение упоминаний членов семьи в различных источниках дает возможность неоспоримо заявлять об их родстве. Интересно, что выпадение даже одного из этих сообщений ставит под сомнение связь между упоминаемыми людьми. Плутарх в трактате «Об удаче и доблести Александра Великого» сообщает о неких «сыновьях Аэропа» (Αερόπου παῖδας), на которых обращала взоры вся Македония (Plut. Mor. 327d). Из этого сообщения может быть не совсем ясно, кем могут быть эти сыновья Аэропа, так как историк не упоминает никаких конкретных имен. Единственным источником, позволяющим связать сыновей Аэропа и братьев-линкестийцев, является «Поход Александра» Флавия Арриана, в котором автор в единственном случае упоминает о том, что Александр является сыном Аэропа (Ἰσχυρὸν τὸν Ἀερόπου), к тому же напрямую называя его братом Геромена и Аррабея (ἀδελφὸς Ἡρομένους τε καὶ Ἀρραβαίου) (Arr. Anab. I, 25). Не остается сомнений, что Плутарх говорил именно об этих братьях, но в тексте Арриана нигде не используется агномен Линкест. Зато именно Линкестом называют Александра Квинт Курций Руф в «Истории Александра», Юстин в «Истории Филиппа» и Диодор Сицилийский в «Исторической Библиотеке». Юстин называет Александра – *Alexandro Lyncestae* (Just. XI. 2. 2). Диодор в «Исторической Библиотеке» называет его – Λυγκηστῆν Ἀλέξανδρον (Diod. XVII. 32), а Квинт Курций Руф – *Lyncestes Alexander* (Curt. VII. 1. 5). Как можно заметить, агномен Линкест был надежно закреплен за сыном Аэропа несколькими

античными авторами, а Квинт Курций Руф даже упоминает другого члена семьи – Аминту, которого также называет Линкестом – *Lyncstes Amyntas* (Curt. V. 2. 5). Однако К.К. Руф не раскрывает степень родства двух Линкестов, зато это делает Арриан. У Арриана достаточно подробно описывается боевой путь этого доблестного командира, где автор называет его Аминта, сын Аррабея (Ἄμύντας ὁ Ἀρραβαίου) (Arr. Anab. I. 12. 7). К тому же Арриан освещает еще и жизнь его брата Неоптолема, уточняя, что он также является сыном Аррабея (Νεοπτόλεμος ὁ Ἀρραβαίου), и напрямую называя его братом Аминты (τοῦ Ἄμύντου ἀδελφός) (Arr. Anab. I. 20. 10). По отдельности эти сообщения не дают полной картины родства в семье Линкестов, но в совокупности появляется отчетливая схема, по которой Александр Линкест является сыном Аэропа, братом Аррабея и Геромена, и дядей братьев Аминты и Неоптолема.

Определив степень родства и разветвленность потомков Аэропа, следует обратиться к исследованию содержания их упоминаний. Прежде всего, важнейшими сообщениями для исследования этой семьи являются эпизоды, в которых принимает участие Александр Линкест, и эти сообщения дают возможность оценить важность этой политической фигуры. Из сообщения Арриана известно, что Александр Линкест, после смерти царя Филиппа, первым явился к Александру Македонскому и, надев панцирь, отправился с ним во дворец (Arr. Anab. I. 25. 1). Э. Карни считает, что Александр Линкест, как и его братья, могли надеяться на повторение сценария с захватом трона Македонии по примеру своего отца Аэропа II. По ее мнению, в этом им должны были помочь два фактора: помощь иностранного государства и сокращение законных наследников трона. Э. Карни считает, что при наличии законных претендентов на трон шансы Линкестов на царствование были малы, но после смерти Аминты, сына Пердикки, из возможных правителей остались только Александр и Филлипп Арридей, что делало Линкестов опасными соперниками нового царя. Также она предполагает, что не Антипатр спас Александра Линкеста, как считают большинство историков, а он сам, обладая большой властью, помог Александру Македонскому взойти на престол. Следовательно, и помилован он был не потому, что сделал важный жест, первым объявив Александра царем, а потому что был фигурой для удержа-

ния власти в руках нового правителя. Э. Карни считает, что все три брата представляли для Александра Македонского большую опасность, и когда представилась возможность, он легко избавился от них, оставив одного в живых, так как тот купил свою жизнь ценой политической и военной поддержки. Это и поддержка Антипатра позволили Александру Линкесту так долго продержаться в новом мире царствования его тезки [17, р. 23–33]. Во время восстания Фив в 335 г. до н.э. зачинщики распространяли слухи, что на них идёт армия не Александра Великого, а Александра Линкеста для того, чтобы успокоить войско (Arist. Polit. I. 7). Это говорит о том, что Александр Линкест был не просто придворной знатью, а имел международную известность, личностью, которую знали солдаты и народ в соседних с Македонией городах и государствах. Продолжительное время Александр Линкест пользовался почётом и уважением Александра III, но, как видно из дальнейших событий, царь не забыл его происхождения и со временем подозрения только усиливались. Крах Александра Линкеста близился, и в 334 г. до н.э. к Пармениону в плен попал некий Сисина, доверенное лицо царя Дария. Он утверждал, что направлялся к Атизии, сатрапу Фригии, но после выяснилось, что Сисина искал Александра Линкеста. Он рассказал Пармениону, что Аминта, сын Антиоха, перебежчик, служивший в македонской армии, пришёл к Дарию и передал ему письма и указания от Линкеста. Дарий немедленно послал Сисина с ответом и обещал Александру, что если тот убьёт царя, то сам станет царём Македонии и, к тому же, получит тысячу талантов, о чем сообщает Арриан (Arr. Anab. I. 25) и Юстин (Just. XI. 7). Узнав об этом, царь незамедлительно пленил Линкеста, а спустя 3 года – казнил. Продолжая мысль об известности Александра Линкеста, можно отметить, что даже персидский царь знал о его существовании, и, более того, рассматривал его кандидатуру на роль царя. Historики приписывают родство с Аргеадами некоторым из сподвижников Александра Македонского, таким как Леоннат, Пердикка, Антигон, Гарпал, но ни один из них не рассматривался современниками как альтернатива Александру Великому. В свою очередь, Александр Линкест, по мнению некоторых ученых, потомок правителей регионального значения, несвязанный с царской фамилией, мог бы стать царем Македонии. Именно эти

указания на значимость Александра Линкеста, а также указание Плутарха на «сыновей Аэропа» говорит о том, что они не могли быть ни кем иным, кроме как потомками бывшего царя Македонии. И акцент на то, что Македония тяготела к сыновьям именно Аэропа, и говорит о том, что этот Аэроп был царем. Плутарх ссылался на известную личность, а не на личность незначительного князя, потерявшего свою власть в отдельном регионе Македонии.

Другой важной для определения возраста Аэропа фигурой является Аминта, сын Аррабея, внук Аэропа. Он неоднократно упоминается у Арриана как военачальник, занимающий высокий пост в армии. Г. Берве считает, что первое возможное упоминание об этом человеке могло сохраниться в фрагментах Марсия Пеллийского. Ученый считает, что Аминта мог быть посланником Филиппа II в Фивы в 338 г. до н. э. [20, S. 59]. Г. Берве также предполагает, что этот Аминта был послан в Малую Азию под началом Пармениона. П. Грин считает, что Аминта был одним из военачальников под командованием Пармениона и принимал участие в заговоре линкестийцев, имея при этом возможность оказать военную поддержку претенденту Аминте, сыну Пердикке [33, p. 115]. В. Хекель поддерживает его точку зрения, замечая, что в этом случае становится понятным его понижение в должности после казни его родных. Эти предположения говорят о том, что Аминта начал свою карьеру задолго до начала похода Александра, так как уже в 337 г. до н.э. имел одну из ведущих ролей в армии под руководством Пармениона, о чем и сообщает Юстин (Just. IX. 5. 8). После гибели Филиппа II и казни Геромена, и отца Аминты Аррабея, Аминта ничем не проявил свою нелояльность Александру III, а также продолжил службу на достойной должности. Вероятно, причиной сохранения Аминтой места в рядах македонской знати послужило заступничество и верность Пармениона, так как причин доверять Аминте, сыну казненного за убийство царя Аррабея, и брату изменника Неоптолема было немного. Арриан говорит о том, что Аминта командовал разведчиками во время вторжения Александра в Малую Азию и до битвы при Гранике в 334 г. до н. э. (Агг. Anab. I. 12. 7). При Гранике ему доверили командование всадниками-сариссоносцами (Агг. Anab. I. 14. 1). В 334 г. до н.э. Александр пошёл на штурм города Сагаласс, и Аминте было поручено командовать

левым флангом. В. Хекль замечает, что обычно левым флангом в битвах командовал Парменион, а в его отсутствие эту задачу доверили Аминте [8, р. 32]. Это замечание крайне важно и является еще одним аргументом в пользу того, что Аминта был в экспедиционном корпусе вместе с Парменионом в 337 г. до н.э., являясь частью его команды. Находясь между Вавилоном и Сузами в сатрапии, которую Квинт Курций Руф называет Ситтакской, Александр повелел устроить состязания в воинской доблести, в которых принимал участие и Аминта (Curt. V. 2. 5). В дальнейшем упоминания об Аминте Линкесте прерываются. Г. Берве считает, что причиной исчезновения Аминты является заключение его дяди Александра, а сообщения К.К. Руфа об участии Аминты в состязаниях в Вавилоне ошибочно [20, S. 59]. В. Хекель также считает, что конец карьеры Аминты связан с арестом его родственника Александра Линкеста. По словам Хекеля, Босворт не считает, что эти события связаны, так как в этом случае возникает вопрос, почему Аминта не был арестован вместе с отцом и дядей. В. Хекель предполагает, что в этом случае Александр мог дать члену опальной семьи шанс показать, что тот не желает вреда царю, но после ареста его дяди оставлять Аминте какую-либо власть было опасным [8, р. 32]. По этим свидетельствам можно сделать вывод о том, что Аминта Линкест не мог относиться к поколению Александра Великого, но был намного старше, так как выполнял важные функции уже при Филиппе II. Это, в свою очередь, определяет возраст и его отца Аррабея, сына Аэропа.

Многие ученые высказывают сомнения касательно родства Аэропа II и его предполагаемых детей, учитывая тот факт, что между его смертью и событиями, в которых принимали участие братья Линкесты, прошло около 60 лет. Однако, если взглянуть на это с точки зрения того, что Аэроп, сын царя соседнего государства-противника, стал регентом Македонии и с трудом мог удерживать страну в подчинении, становятся понятными, некоторые его действия. Например, Д. Грейнджер, отождествляющий Аэропа и Аэропа II Македонского, предполагает, что Аррабей, Геромен и Александр могли претендовать на трон Македонии, так как связь дома Линкестов и Теменидов прослеживалась через брак с неизвестной девушкой из рода Аргеадов [34, р. 19]. Возможное

принятие тронного имени Архелай также говорит о том, что его действия были направлены на легитимизацию своей власти. Это должно было быть сделано до смерти Ореста, так как в любом другом случае, Аэроп оказался бы регентом, погибшего царя, и не мог бы претендовать на царствование. А если бы он связал себя с женщиной из рода Аргеадов, дал бы законное потомство, которое претендовало бы на трон на правах потомков Аргеадов, то Аэроп уже бы не нуждался в сыне Архелая. Если учесть, что Архелай Македонский был убит в 399 г. до н.э., и Аэроп принял регентство с воцарением его сына Ореста, то брак с македонячкой из рода Аргеадов мог состояться сразу после этих событий. Следовательно, братья-линкесты могли родиться в промежуток между 399 г. до н.э. и 394/3 г. до н.э., то есть в год смерти царя или немного позже. Определять старшинство сыновей не имеет смысла, так как двое из них были казнены, но для удобства можно принять Аррабея за старшего сына, что согласовывалось бы с традицией давать сыну имя отца, Геромена – средним, а Александра – младшим. Соответственно, они могли иметь год рождения 398/7, 396/5, 394/3 г. до н.э. То есть на момент начала похода Александра Великого Александру Линкесту было бы 59–60 лет. Такой возраст вполне позволяет участвовать в политике и даже принимать участие в военных походах. На момент начала похода Александра Македонского, Александру Линкесту могло быть около 59–60 лет. Но обратимся к другим военачальникам Александра Македонского. Пармениону на момент начала похода было около 60 лет, Антигону – около 48, Полиперхону – около 60. Можно увидеть, что часть командного состава, который Александр унаследовал от отца, был уже в немолодом возрасте. Тем не менее, они принимали участие в битвах, подвергаясь физическим нагрузкам вместе со своими солдатами. Выглядит ли так удивительно, что Александр Линкест мог принимать участие в сражениях в 334 г. до н.э., когда получил управление фессалийской конницей в возрасте 59–60 лет? Примеры подобные ему встречаются в македонской армии, поэтому он вполне мог командовать в этом возрасте. Также год рождения Аррабея, сына Аэропа в таком случае согласовывался бы с возрастом его сына, дослужившегося до годов, позволяющих занимать высокие военные должности.

Возвращаясь к вопросу существования Аррабея II, нужно обратить внимание на другую личность, история которой сможет пролить свет на историю семьи Линкестов. По мнению А.С. Шофмана в Пелагонии правил царь Менелай Пелагонийский, чье имя указано в надписи, восхваляющую его помощь Афинам (IG. II². 110). Также его имя упоминается в надписи из Троады (Syll. 3. 188), где тот указан с агноменом «Афинский» и патронимом «Аррабей». Личность Менелая фигурирует в нарративных источниках, а в частности в речах Демосфена, где тот указывает на его помощь афинскому стратегу Тимофею в конфликте Афин и Амфиополя. В связи с последним источником К.Ю. Белох высчитывает примерную дату рождения Менелая, основываясь на том, что тот занимал должность гиппарха афинян в 351 г. до н.э. [14, S. 76–77]. По мнению ученого, Менелай должен был родиться около 400 г. до н.э., чтобы принимать участие в перечисленных событиях. В 410 г. до н.э. у Аррабея I уже была взрослая дочь, выданная замуж за Сирру, что говорит, о том, что, вероятно, Менелай был сыном Аррабея, но не I, а его сына Аррабея II. Ф. Гейер также считает Менелая внуком Аррабея I и сыном Аррабея II, а также указывает на то, что в надписи (IG II² 110) все его предки считаются благодетелями Афин, что согласуется с предположением о происхождении Менелая из семьи Линкестов. Ученый пытается воссоздать события его жизни, начиная с того, что тот был сыном царя Пелагонии Аррабея II в 363/2 г. до н.э., наследником власти, но не правителем. Какое-то время он правил в Пелагонии, очистил страну от иллирийцев и был настолько независим, что проводил самостоятельную внешнюю политику, выраженную в союзнических отношениях с Афинами. К 360 г. до н.э. он теряет всякий политический вес в Пелагонии и полностью переходит на афинскую службу. Ф. Гейер считает, что Менелай лишился власти в ходе кампании Пердикки III против иллирийцев, так как дом Линкестов традиционно выступал против Аргеадов. В 360/59 г. до н.э. Менелай мог быть отправлен в Азию, где выступал посредником между Харидемом и Артабазом, за что и получил почести в Илионе [21, S. 81–82]. К. Хабиخت уверен, что Менелай был сыном Аррабея II, а также правителем Линкестиды, либо братом царя Линкестиды Аэропа, до тех пор, пока не был изгнан Пердиккой III [6, S. 512]. Н. Хаммонд противопоставляет

этим мнениям тот факт, что Пелагония имела своего правителя в 365/4 г. до н.э., ссылаясь на надпись (IG. II². 190), где звучит имя царя, начинающееся на букву «Π-...». Ученый пытается воссоздать имя, предполагая, что оно звучало, как Пирехм или Пелагон. Н. Хаммонд считает, что Менелай, сын Аррабей из илионской надписи не связан с семьей Линкестов напрямую, но допускает, что эта связь может прослеживаться через династический брак по причине совпадения имени его отца и популярным среди линкестийской знати именем Аррабей. Хаммонд предполагает, что Менелай был пелагонийцем по происхождению, а между 362 и 359 г. до н. э. он получил афинское гражданство как благодетель, лишившись пелагонийского. После, как афинский гражданин, он сражался на стороне Афин против Филиппа II, а потом отплыл в Илион и стал гражданином этого города [3, р. 19–20].

Если принять гипотезу о том, что Аэроп Линкест тождествен Аэропу II Македонскому, то возникает вопрос о том, чем занимался Аррабей II, если его не было при дворе македонского царя? Вероятно, в скором времени после начала регентства Аэропа Аррабей I скончался. Аррабей II, по всей видимости, некоторое время оставался правителем Линкестиды, либо, как младший сын, князем области, присоединенной к Македонии. Второй вариант предпочтителен, так как истории неизвестны никакие гражданские войны за период правления Аэропа II. Предполагается, что Сирра, зять Аррабей I, если не имел главенствующую роль в союзе, тем не менее, был его движущей силой. Вполне вероятно, что с его помощью была покорена Пелагония, а после этого их союз стал угрожать Архелаю Македонскому. Учитывая, что уже в 393–390 г. до н. э. Аминта III заключал мир не с представителем из рода Линкестов, а с иллирийцами путем брака с дочерью Сирры Эвридикой, то возникает вопрос, что стало с властью Аррабей II и почему источники ничего не упоминают о нем с тех пор, как завершилась война с Архелаем? Почему Филиппу II пришлось очищать города Линкестиды от иллирийцев, а до того, подобно отцу заключать с ними договора путем брака? И в этом случае имена Линкестов не звучат нигде до смерти царя Филиппа II, что говорит о полном отсутствии их политической значимости. Все договора заключаются с представителями иллирийской знати, а Линкесты в это время на-

ходятся в безызвестности. По мнению автора, после смерти царя Аэропа II иллирийцы, а именно род Сирры, так как его дочь Эвридика стала женой Аминты III, были полностью освобождены от каких-либо обязательств перед Линкестами и стали делать то, что было выгодно им. Они захватили власть в Линкестиде, вытеснив потомков Аррабея I в соседний регион в Пелагонии, и стали проводить свою внешнюю политику без оглядки на бывших союзников. Потому-то Менелай и оказался в Пелагонии, а Аррабей, Геромен и Александр под защитой Аргеадов в Македонии. Также стоит обратить внимание на агномен или титул этого Менелая. Возможно, именно это может дать ответ на то, что происходило в Линкестиде в период между конфликтом Аррабея и Сирры с Архелаем и ее аннексии Филиппом II. Для того, чтобы называться «Пелагонийцем», Менелай должен был либо родиться в Пелагонии, либо вести свое происхождение от Пелагонийских правителей, как в случае с Александром Линкестом. Но известно, что имя Аррабей принадлежит к правящему дому Линкестов, поэтому титул «Пелагониец» может говорить о смещении центра власти Линкестов в Пелагонию. Также Менелай мог унаследовать эту область от отца, так как, если бы его отец Аррабей правил в Линкестиде, то сын получил бы титул «Линкест». Даже если Менелай и не был правителем Пелагонии, то в любом случае, он был сыном Аррабея и родился в Пелагонии, что говорит о невозможности правления Аррабея II в Линкестиде. Этим и можно объяснить последующие дипломатические отношения иллирийцев с Аминтой III и Филиппом II. Линкесты просто лишились власти и в Македонии, и в Линкестиде, а отдельные ее представители стали составлять разрозненные фракции. История не знает каких-либо конфликтов Аэропа II с иллирийцами, что неизбежно произошло бы в случае свержения в Линкестиде родственника царя, из чего можно сделать вывод, что Аррабей II был изгнан в период, следующий после смерти Аэропа II. Вероятно, жизнь Аррабея II в этом случае была в безопасности, так как Сирра был женат на его сестре. Если Аррабей II, когда-то и правил в Линкестиде, то правил крайне непродолжительно в промежуток времени между началом регентства Аэропа II и его смертью от болезни. Но правил ли Аррабей II в Пелагонии, или царем был его сын Менелай? Отвечая на этот вопрос, нужно иметь ввиду несколько условий. Во-

первых, необходимо вернуться к надписи (IG. II². 190), в которой звучит имя царя Пелагонии. Известно, что Менелай Пелагониец был сыном Аррабея и имел некоторые претензии на власть в Пелагонии. Надпись, в которой чувствуется некий «П-...», датируется 365/4 г. до н.э., а по предположению некоторых ученых, Менелай был изгнан из Пелагонии в период подготовки Пердикки III к войне против иллирийцев, то есть, примерно, в 360 г. до н.э. Как могли Афины поддерживать дружеские отношения с царем Пелагонии, укрывая претендента на власть в его стране? Эта надпись является доказательством того, что именно Аррабей II, а не Менелай был изгнан из Пелагонии, при этом, должно было пройти достаточное количество лет, чтобы дипломатические отношения Афин и Пелагонии стабилизировались без участия линкестийцев. Это говорит о том, что Аррабей II сопротивлялся иллирийской экспансии. Покинув Линкестиду, он некоторое время оборонял Пелагонию, а уже после этого оказался в Афинах вместе со своим сыном. Вероятно, эти события не заняли много времени и произошли сразу же после смерти Аэропа II. Во-вторых, нужно обратить внимание на погребальную стелу из Амфиополя, которая принадлежит некоему Аррабею Афиниону (Ἀρραβαῖος Ἀθηνίωνος). К. Хабихт считает, что этот Аррабей может быть родом из Верхней Македонии [6, с. 45]. По мнению Д. Афродити на стелле изображен мальчик в гимантии, смотрящего на свою правую руку. Надпись свидетельствует о том, что этот человек носил имя, распространенное в Македонии и агномен «Афинион», распространенный в греческом мире. Ссылаясь на С. Шмидта, Д. Афродити датирует стеллу концом IV в. до н.э. [35, р. 33–34]. М. Хатзопулос и Л. Лоукопулоу считают, что агномен «Афинион» в этом случае является распространенным теофором, образованным от имени богини Афины [36, р. 213]. С. Шмидт считает, что надгробие принадлежит мальчику Аррабею [37, р. 47]. К. Папаниколау считает, что имя этого человека распространено только в Македонии и датирует надгробную плиту концом IV в. до н.э. [38, р. 175]. Прежде всего, нужно отметить, что фигура, вырезанная на надгробии, совсем не обязательно должна идентифицироваться с «мальчиком». Возраст этой фигуры определить крайне трудно, так как она, судя по одежде, является просто силуэтом мужского пола. Этот силуэт напоминает скорбящего человека, оде-

того в гимантий, и не должен ассоциироваться с умершим. Вероятно, она изображает родственника (сына?) этого Аррабея. Конец IV века до н.э. вполне может соответствовать времени смерти Аррабея II, а Амфиполь, вблизи которого действовал его сын Менелай, также позволяет соотнести этого Аррабея с Аррабеем II. Как известно, Амфиполь перешел в сферу влияния Афин после того, как Филипп II вывел оттуда войска в 359 г. до н. э. Аррабей necessarily должен был быть идеологическим врагом Филиппа, так как ко времени взятия Амфиполя в 357 г. до н.э., ни Аррабей, ни Менелай не имели особой политической значимости в Македонии. Таким образом, Аррабей II вполне мог закончить свою жизнь в Амфиполе как частное лицо. Либо же, если Филипп II не забыл о его происхождении, Аррабей мог погибнуть после взятия города македонцами. Агномен Аррабея «Афинион» также указывает на судьбу Аррабея II, которая была прочно связана с Афинами. Богиня Афина являлась покровителем афинян, а Менелай, заслуженно носил агномен «Афинский», что вместе с вышеизложенными доводами, дает дополнительную связь между этими политическими фигурами.

Подводя итог, можно реконструировать события в Македонии и Линкестиде следующим образом. Аррабей I в союзе с иллирийцем Сиррой победил Архелая в нескольких боях, а после его убийства заговорщиками посадил на трон Македонии своего сына Аэропа в качестве регента и при поддержке македонской знати. Аэроп захватил власть в стране, убив своего подопечного, а Аррабей II остался наместником в Линкестиде, после кончины своего отца. После смерти Аэропа от болезни, Аррабей II некоторое время боролся за власть сначала в Линкестиде, а после в Пелагонии, но был изгнан задолго до того, как Пердикка III начал войну против иллирийцев. Далее Аррабей с сыном Менелаем, благодаря нескольким поколениям дружбы с Афинами, стали афинскими подданными. Аррабей II скончался в Амфиполе по неизвестным причинам, а Менелай нес военную службу в качестве гиппарха. Сыновья и внуки Аэропа II занимали высокие политические и военные посты при следующих македонских царях, но в ходе их правления были практически полностью истреблены.

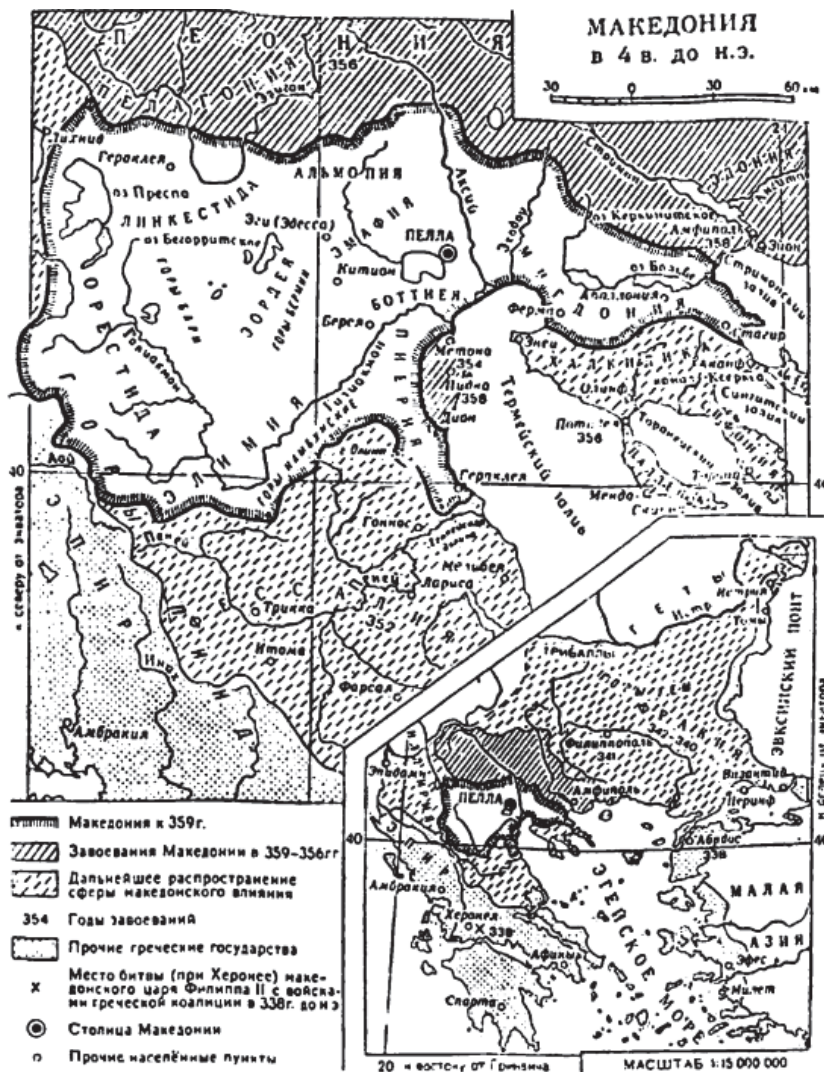

Рис. 1. Линкестиды на карте Македонии IV в. до н. э.
 (из кн. Шофман А.С. История античной Македонии.
 Ч. 1: Дозлиллинистическая Македония. Казань, 1960)

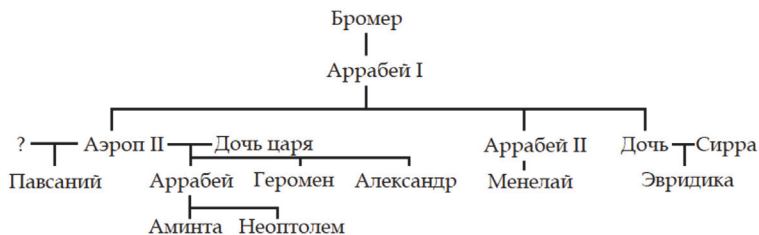

Рис. 2. Дом Линкестов

Библиография

1. Дройзен И.Г. История эллинизма. История Александра Великого: Пер. с нем. – М.: Академический Проект; Киров: Константа, 2011. 623 с.
2. Abel O. Makedonien vor König Philipp. Weidmann, Leipzig, 1847. 268 p.
3. Hammond N.G.L. Griffith G.T. A History of Macedonia. Vol. II. 550–336 B.C. New York, Oxford University Press, 1979. 755 p.
4. Шофман А.С. История античной Македонии. Ч. 1: Доэллинистическая Македония. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1960. 300 с.
5. Hoffmann O. Die Makedonen, ihre Sprache und ihr Volkstum. Göttingen, Vandenhoeck und Ruprecht, 1906. 297 p.
6. Habicht C. Zwei Angehörige Des Lynkestischen Königshauses. // Ancient Macedonia II, 1977. P. 511-516.
7. Борза Ю. История античной Македонии (до Александра Великого) / Перевод с английского, научная редакция М.М. Холод. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2013. 592 с.
8. Heckel W. Alexander's Marshals. A study of the Makedonian aristocracy and the politics of military leadership. Second edition. New York: Routledge, 2016. 372 p.
9. Hoffman R.J. Perdikkas and the Outbreak of the Peloponnesian War // Greek, Roman and Byzantine Studies. 1975. Vol. 16. P. 359-377.
10. Roisman J. Classical Macedonia to Perdiccas III // A Companion to Ancient Macedonia / Ed. by I. Worthington, J. Roisman. London: Blackwell Publishing, 2010. P. 145–165.
11. Ellis J.R. Philip II and Macedonian Imperialism. New Jersey: Princeton University Press, 1986. 312 p.
12. Hatzopoulos M.B. Ancient Macedonia. Berlin–Boston: De Gruyter, 2020. 241 p.
13. Dixon D.M. Late Classical and Early Hellenistic Corinth, 338–196 B.C. London–New York: Routledge, 2014. 256 p.
14. Beloch K.J. Griechische Geschichte. Bd. III. Bis auf Aristoteles und die Eroberung Asiens. Abt. 2. Berlin – Leipzig: Vereinigung Wissenschaftlicher Verleger, 1922 652 p.
15. Cabanes P. Iliri od Bardileja do Gencija. Zagreb: SVITAVA, 2002. 245 p.
16. Wissowa G. Real-Encyclopadie der classischen Altertumswissenschaft. Aal – Apollokrates. Stutgard, J. B. Metzlerscher Verlag, 1894, 2902 p.

17. Carney E.D. Alexander the Lyncestian: the Disloyal Opposition // Greek Roman and Byzantine Studies. 1980. vol. 21. P. 23–33.
18. Green P. Alexander of Macedon 356–323 B.C. A Historical Biography. Berkeley: University of California Press, 1991. 617 p.
19. Palairot M. Macedonia: A Voyage through History (Vol. 1, From Ancient Times to the Ottoman Invasions). Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2015. 839 p.
20. Berve H. Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage. New York, Arno Press, 446 p.
21. Geyer F. Makedonien bis zur Thronbesteigung Philippos II. Munich; Berlin, 1930. 147 p.
22. March A. Duane. The Kings of Makedon: 399-369 B.C. // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. 1995. Bd. 44. P. 257-282.
23. Macurdy H.G. Hellenistic queens: a study of woman-power in Macedonia, Seleucid, Syria, and Ptolemaic Egypt. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1975. 250 p.
24. Les Illyriens, Aperçu historique / Ed. S.Islami, avec la collab. de S. Anamali, M. Korkuti, F. Prendi. Tirana: Académie des sciences de la RPS d'Albanie, Centre des recherches archéologiques, 1985. 271 p.
25. Ellis J.R. Amyntas III, Illyria and Olynthos 393/2-380/79 // Μακεδονικά, 9, 1969. P. 1-8.
26. Уортингтон Й. Филипп Македонский / Пер. с англ. С.В.Иванова. Санкт-Петербург: Евразия, Москва, Клио, 2014, 397 с.
27. Carney E.D. Eurydice and the Birth of Macedonian Power. New York, Oxford University Press, 2019. 200 p.
28. Bosworth A. B. Philip II and Upper Macedonia. // Classical Quarterly. 1971. Vol. 21. No 1. P. 93–105.
29. Hammond N.G.L. The Battle between Philip and Bardylis // Antichthon. 1989. Vol. 23. P. 1–9.
30. Нефедкин А.К. Конница эпохи эллинизма. Санкт-Петербург: Издательство Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена, 2019. 784 с.
31. Шахермайр Ф. Александр Македонский (Сокр. пер. с нем. М. Ботвинника, Б. Функа). Москва: ТЕРА- Кн. клуб, 1999. 495 с.
32. Errington R.M. A history of Macedonia. Los Angeles: University of California Press Berkeley, 1990. 334 p.
33. Green P. Alexander of Macedon 356–323 B.C. A Historical Biography. Berkeley: University of California Press, 1991. 617 p.
34. Grainger D.J. Antipater's Dynasty: Alexander the Great's Regent and his Successors. Yorkshire – Philadelphia: Pen & Sword Books Ltd, 2019. 288 p.
35. Douitsi A. Funeral monuments in Macedonia during the Archaic and Classical periods. Thessaloniki – Greece: School of Humanities, 2017. 115 p.
36. Hatzopoulos M.B., Loukopoulos L.D. Recherches sur les marches orientales des Temenides. Athenes: Κέντρον Ελληνικής και Ρωμαϊκής 'Αρχαιότητος του Έθνικού Ιδρύματος Ερευνών, 1996. 448 p.

37. Schmidt S. Hellenistische Grabreliefs: typologische und chronologische Beobachtungen. Köln, Wien: Bohlau, 1991. 159 p.

38. Παπανικολαου Θ. Ξενιασ. Το Ονομαστικό Τησ Αμφιπολησ. Θεσσαλονικη, 2012, 291 p.

Автор публикации: Мубаракшин Артур Эдуардович, магистрант, кафедра всеобщей и публичной истории, Институт международных отношений, Казанский федеральный университет, Казань, Россия; email: artmubr@gmail.com.

The ruling elite of the Lynkestian kingdom in the 5th-4th centuries BC

A.E. Mubarakshin

Abstract. The Lynkestian kingdom, before its annexation by the Argeads, was a real threat to the Macedonian kingdom. Contemporaries considered it as a separate state entity, partly dependent on Lower Macedonia. The ruling elite of Lynkestis did not give up hope for independence, using all possible means in their struggle from diplomacy and attracting allies to a direct military clash. The opinions of historians on the results of this struggle vary, due to the fact that the affiliation of some historical figures remains controversial. The article discusses the process of the entry of the Macedonian region of Lynkestis into the Macedonian kingdom of the Argeads, the loss of independence of the Lyncestis kingdom, the political steps of the ruling house of Lynkestis, aimed at resisting the attempts of the Argeads to subjugate their kingdom, and also discusses the controversial issues of the origin of the representatives of the ruling house of Lynkestis. In the course of writing the article, an analysis of the opinions of authoritative scientists set forth in monographs and articles was used, a comparison of their arguments on issues with accuracy not established by modern science, such as the belonging of King Aeropus II of Macedon to the house of Lynkestis or the house of Argead and the existence of King Arrhabaeus II. The purpose of writing the article is to study the political processes taking place in the kingdom of Lynkestis in the 5th - 4th centuries. BC, and identifying the results of these processes, which will be discussed below. Keywords: Lynkestis, Argeades, Macedonia, Arrhabaeus, Aeropus II, Upper Macedonia, Lower Macedonia, subjugation of Lynkestis

Keywords: Macedonia, Lynkestis, Ruling elite, Kingdom, Argeads

For citation. Mubarakshin A.E. The ruling elite of the Lynkestian kingdom in the 5th-4th centuries BC // *Proceedings of the Society of Archeology, History and Ethnography at Kazan University*. 2023. 43(1). P. 16–44. DOI: 10.26907/2312–3400.2023.1.16-44.

Author of the publication: Mubarakshin Artur Eduardovich, MA student, Department of World and Public History, Institute of international relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia; email: artmubr@gmail.com.

Поступила в редакцию / Received 9.02.2023
Принята к публикации / Accepted 27.03.2023

Афинская кавалерия в конце IV–III вв. до н.э.

И.В. Востриков

Казанский (Приволжский) федеральный университет,

Казань, Россия

igor-vostrikov@bk.ru

Аннотация. В статье рассматривается, на основе ряда произведений античных авторов и эпиграфических документов, состояние афинской кавалерии в конце IV–III вв. до н.э. Прежде всего обращается внимание на военную активность афинских всадников в данный период на территории Аттики и за ее пределами. В частности, всадники отличились при обороне Афин от войск Плейстарха в 304 г. до н.э., а в следующем, 303 г. до н.э., были задействованы в военной кампании Деметрия Полиоркета на Пелопоннесе. В дальнейшем афинская кавалерия принимала участие в борьбе с кельтами в 279 г. до н.э. Было установлено, что порядок комплектования и службы всадников не претерпел изменений по сравнению со временем до Ламийской войны. Продолжала действовать специальная процедура набора на службу в кавалерию, выдача содержания всадникам со стороны государства и их ежегодная проверка Советом пятисот. Отмечено значительное снижение численности всадников в исследуемый период, что является следствием снижения военной мощи Афин после поражения в Ламийской войне и отказа от активной внешней политики. Вместе с тем Афины, по-видимому, могли использовать наемных всадников – тарентийцев как легкую кавалерию. О продромах нет никаких упоминаний в источниках, за исключением свинцовых табличек со смотра кавалерии, датируемых примерно серединой III в. до н.э. Поэтому можно предположить, что данный вид кавалерии в Афинах исчез в Афинах после этого времени.

Ключевые слова: Афины, военная организация, кавалерия, гиппархи, филархи, тарентинцы

Для цитирования: Востриков И.В. Афинская кавалерия в конце IV–III вв. до н.э. // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2023. Т. 43. № 1. С. 45–58. DOI: 10.26907/2312–3400.2023.1.45-58.

Афины, будучи одним из сильнейших полисов в классическую эпоху, традиционно играли ключевую роль в делах Греции. Общественно-политическое устройство Афин является ярким об-

разцом развития полисной системы. Вместе с тем в Афинах сложилась мощная военная организация, включавшая в себя сухопутные силы и флот, что позволяло полису на протяжении большей части классического периода быть одним из лидеров греческого мира. Основой сухопутных сил Афин было гражданское гоплитское ополчение. Конница, в силу объективных причин, играла второстепенную роль. Переломным в истории Афин стало поражение в Ламийской войне, следствием которого стал подрыв военного и политического могущества полиса. Основной задачей для афинян в конце IV–III вв. до н.э. стала борьба с македонским военным присутствием в Аттике, которая завершилась лишь в 229 г. до н.э. Сложившиеся обстоятельства оказали влияние и на кавалерийский корпус Афин. В историографии история афинской кавалерии рассматривается в основном в обобщающих работах, посвященных греческой коннице [1; 2; 3]. Исключением является монография Г. Бью, посвященная непосредственно афинской коннице [4]. Но в целом афинской кавалерии конца IV–III вв. до н.э. уделяется гораздо меньше внимания, чем коннице классической эпохи. Поэтому в данной статье будет рассмотрено участие афинской кавалерии в боевых действиях, ее численность, порядок комплектования в указанный хронологический период.

Прежде всего следует отметить, что военная активность афинян в конце IV в. до н.э. была вызвана необходимостью защиты полиса от притязаний Кассандра, который предпринимал попытки вновь подчинить себе Афины и оказанием поддержки Деметрию Полиоркету. Войска Кассандра вторгались в Аттику в 306 и 304 гг. до н.э. Именно во время обороны Афин отметились всадники полиса. В 304 г. до н.э. афинская конница у Дипилонских ворот победила брата Кассандра Плейстарха, который был начальником его конницы и наёмного войска, а на месте победы был поставлен трофей (Paus. I. 15. 1). Судя по тому, что бой произошел непосредственно у ворот, положение афинян было очень серьезным. Действия афинской конницы, по-видимому, предотвратили прорыв врага в город. Тем самым афинянам удалось выдержать натиск. Примечателен и сам характер сражения как кавалерийского столкновения. В данном случае мы придерживаемся версии Х. Хабихта относительно данного пассажа Павсания о по-

беде афинской конницы [5, с. 78–79]. В свою очередь А. Грегори так же связывает победу афинских всадников с обороной города в 304 г. до н.э. [6, р. 14–16]. Хотя относительно этой победы выдвигались и другие мнения. По предположению В Фергюсона битва могла состояться в 303 г. до н.э. [7, р. 129]. С. Бернштейн полагал, со ссылкой на того же В. Фергюсона, что победа над Плейстархом могла произойти в 303 г. до н.э., во время кампании Деметрия на Пелопоннесе [8, р. 128–129]. При этом исследователь связывает с этим событием декрет в честь Окситемиса из Лариссы (IG. II². 558), который, по-видимому, способствовал освобождению пленных афинских всадников. Следует отметить, что в данном случае, выглядит более логичным установка трофея в честь знаковой победы на месте сражения, то есть в Афинах, что соответствовало традициям того времени. Примечательным также является упоминание о пленных всадниках в надписи 303/2 г. до н.э. (IG. II². 558), которые, как можно предположить, могли попасть в плен как во время кампании Деметрия на Пелопоннесе в 303 г. до н.э., так и раньше, например, во время обороны Афин.

Афинские всадники были задействованы и в борьбе против вторгшихся в Грецию кельтов в 279/8 г. до н.э. В целом, роль Афин в этой войне была довольно скромной. По данным Павсания (Paus. X. 20. 3–5), численность афинян в сражении при Фермопилах составляла 500 всадников и 1000 пехотинцев во главе со стратегом Каллиппом. Конечно, остается открытым вопрос о достоверности приводимой Павсанием численности афинян. В свою очередь в документе 275/4 г. до н.э. сообщается об отправке всадников и эпилектов «ради общего спасения», однако не сообщается о численности воинов (IG. II². 680. 11–13).

Вместе с тем военная активность афинян в рассматриваемый период не ограничивалась лишь вышеописанными событиями. В частности, после поражения Деметрия и Антигона при Ипсе в Афинах установилась тирания Лахара, противники которого закрепились в Пирее. В 296 и 295 гг. до н.э. Деметрий пытался вернуть Афины под свой контроль, и вторая попытка увенчалась успехом (Plut. Demetr. 33–34). После осады и начавшегося голода афиняне вынуждены были сдаться царю и принять его гарнизоны. В 287 г. до н.э. афиняне подняли восстание против македонского

присутствия и взяли штурмом холм Мусейон (Paus. I. 26.2; 29. 13), однако освободить Пирей не удалось. Особенно тяжелой и изнурительной для Афин оказалась Хремонидова война 268–263 гг. до н.э., в результате которой полис потерпел поражение. Нужно отметить, что немногочисленные источники, посвященные этим событиям, не сообщают ничего определенного об участии всадников в боевых действиях. Хотя кажется вполне вероятным участие кавалерии в обороне Аттики в той же Хремонидовой войне.

Относительно порядка комплектования конницы В. Фергюсоном была высказана идея о введении добровольной службы в конце IV в. до н.э. [9, р. 127–128]. Данное утверждение кажется странным. Точку зрения Фергюсона раскритиковал Г. Бью, по мнению которого служба в кавалерии не была добровольной, так как в это время сохранялся ряд процедур, существовавший в течение времени службы всадников [4, р. 186]. Действительно, несмотря на снижение военной активности, введение добровольной службы в кавалерии выглядело бы необдуманно, потому что при этом возникли бы серьезные проблемы, поставившие бы под угрозу существование кавалерийского корпуса Афин как цельного боевого подразделения. При добровольной службе опасность заключалась в комплектовании контингента всадников: нашлось бы достаточное количество добровольцев для несения кавалерийской службы? Ведь, как известно, численность кавалерии в Афинах была строго определена, и служба кавалеристов регламентирована. Даже если бы находились добровольцы для службы в кавалерии, соответствовали бы они тем критериям, которые предъявлялись всадникам государством? К тому же, в отличие от гоплитов, кавалеристы находились в постоянной боевой готовности и подвергались проверкам. Возникли бы вопросы и относительно подготовки кавалеристов. Вопрос набора всадников в свое время рассматривался Ксенофонтом, и, как нам кажется, автор очень хорошо обрисовал существующую картину. Согласно его советам, гиппарх должен набирать всадников до нужного числа, но при отсутствии поступления новых всадников численность кавалерии будет уменьшаться из-за старости кавалеристов или других причин (Xen. Hipp. I. 2). Кроме того, не всякий афинянин, годный для службы в коннице, хотел в ней служить. Поэтому Ксенофонт предлагает требовать

в судебную палату тех, относительно которых может показаться, что не требующий их делает это по расчету. Если не принудить к этому прежде всего самых сильных, то это даст предлог к уклонению и менее сильным (Хен. Нипр. I. 10). Помимо этих строгих мер для привлечения людей Ксенофонт предлагает указать молодым людям блестящую сторону поступления в конницу (Хен. Нипр. I. 11). По этим причинам, как нам представляется, добровольный принцип комплектования кавалерийского корпуса не предполагался в Афинах.

По-видимому, порядок службы в коннице в конце IV–III вв. до н.э. оставался таким же, как до Ламийской войны: всадники состояли на учете у властей и получали содержание. Сведения о наборе в кавалерию в 30–20-е гг. IV в. до н.э. можно почерпнуть из «Афинской политики». Согласно Аристотелю (Arist. Ath. Pol. 49. 1–2), всадников заносила в списки специальная комиссия из десяти человек, которые избирались народом поднятием рук. Эта комиссия передавала перечень записанных гиппархам и филархам, которые, в свою очередь, докладывали его Совету пятисот. На Совете вскрывалась таблица с именами всадников. При этом если кто из прежде записанных под присягой заявит, что по состоянию здоровья не может быть всадником, то его вычеркивали. Затем призывались вновь записанные в число всадников, из которых отпускались те, кто заявлял под присягой о своей невозможности служить в коннице из-за состояния здоровья или недостатка средств. Относительно каждого из оставшихся Совет решал голосованием о пригодности к службе всадником, и, если человек признавался годным, его заносили в таблицу. Всадники получали средства на содержание лошади – σίτος. И всадники, и лошади ежегодно подвергались проверке Советом пятисот, по результатам которой всадник мог быть оштрафован за плохое содержание лошади, а также могло быть забраковано само животное.

До нашего времени дошло несколько сотен свинцовых табличек с ежегодных смотров лошадей. Они были обнаружены на агоре и Керамике, большая часть из них относится к середине III в до н.э., небольшое количество табличек относятся к IV в до н.э. [10, р. 83–140; 1, р. 274–280] В эти таблички заносилось имя всадника, масть, приметы и цена лошади. Весь массив этих табличек очень хорошо

показывает стоимость лошадей. Максимальная стоимость лошади в III в. до н.э., встречающаяся в табличках, составляла 1200 драхм, а минимальная 100 драхм. Средняя цена составляла 700 драхм, что было выше, чем в IV в. до н.э., когда средняя цена составляла 400 драхм [10, p. 88–89]. Конечно, цена зависела от характеристик конкретной лошади и, соответственно, от той суммы, которую мог потратить на покупку лошади человек. Но при этом надо помнить, что со временем, вследствие старения, цена лошади снижалась. Большая стоимость лошадей в III в. до н.э. по сравнению со стоимостью в IV в. до н.э. может свидетельствовать, с одной стороны, об инфляции, а с другой, о том, что в III в. до н.э. всаднический корпус стал элитарнее [5, с. 160; 3, с. 224]. Для лучшего понимания динамики стоимости лошадей И. Спенсом была составлена таблица цен [1, p. 276].

Подобно гоплитам, всадники были структурированы по филлам. Из всего состава граждан избирались два гиппарха, каждый из которых командовал кавалерийскими контингентами пяти фил, причем Аристотель указывает, что «они имеют ту же власть, как стратеги над гоплитами» (Arist. Ath. Pol. 61. 4) [11, p. 685–686]. Но, в связи с этим следует отметить, что гиппархи командовали только конницей и подчинялись стратегам, которые осуществляли высшее командование всеми афинскими силами. Такая подчиненность гиппархов стратегам обусловлена второстепенной ролью кавалерии в вооруженных силах полиса в отличие от гоплитов. Далее избирались десять филархов, по одному от филы. И они, подобно таксиархам, командовали кавалерийскими подразделениями своих фил (Arist. Ath. Pol. 61. 5). Получается, что каждому гиппарху были подчинены непосредственно по пять филархов. После свержения Деметрия Фалерского в 307 г. до н.э., афиняне в благодарность за освобождение города создали две новые филы Деметриаду и Антигониду, получивших свое название в честь освободителя Афин Деметрия Полиоркета и его отца Антигона Одноглазого [5, с. 73]. Кавалерийский корпус, структурированный по филлам, должен был увеличиться на два подразделения новых фил, и, соответственно, отныне состоять не из десяти, а из двенадцати кавалерийских подразделений.

О характере службы конницы в III в. до н.э. мы можем судить по ряду эпиграфических документов. В надписи 300/299 г. до н.э. говорится: «при Гегемахе архонте казначеи бога заботились о гиппархах, чтобы всадникам доставляли продовольствие от народа» (IG. II². 1264. 2–6). Этот документ свидетельствует о том, что всадники, как и ранее, получали продовольствие от государства. Очень важным для изучения конницы III в. до н.э. является документ 282/1 г. до н.э., представляющий собой декрет в честь гиппархов и филархов (SEG. XXI. 525). В нем говорится следующее: «... так как гиппархи и филархи при Никии архонте осуществлявшие власть согласно законам и заботившиеся о коннице ради пользы народа, позаботились и о каталоге всадников и дополнительно назначили сто всадников, чтобы всадники, дополненные по возможности до текущего состава и ставшие триста, выгоды предоставили стране; чтобы позаботились бы и о том, чтобы филархи были у всех фил и закон был бы отменен, запрещающий желающему из всех всадников быть филархом; позаботились бы и об оценках и докимасиях, совершали бы докимасию согласно закону хорошо и благоразумно по отношению к народу и всадникам; позаботились бы и о предоставлении провианта, чтобы иметь всадников в порядке в каждую пританею» (сткк. 2–21). Этот декрет содержит интересную информацию по афинской кавалерии.

Прежде всего, обращает на себя внимание численность всадников. Согласно декрету, первоначально она составляла двести всадников, но при архонте Никии корпус всадников был увеличен на сто, тем самым достигнув трехсот. В то же время в период с 440-х–30-х гг. до н.э. по 320-е гг. до н.э. конница насчитывала тысячу всадников [1, р. 9–10, 15–17; 4, р. 75–76]. Таким образом мы наблюдаем значительное сокращение афинской конницы в III в. до н.э. Получается, что при общем числе в триста всадников, контингент каждой из двенадцати фил должен был составлять всего по двадцать пять всадников, а при существовавшем ранее общем числе в двести всадников, контингент каждой филы состоял примерно из шестнадцати всадников. Однако нельзя сказать, когда именно произошло столь резкое сокращение всадников. Можно лишь говорить о том, что это произошло в период после Ламийской войны и до времени издания декрета, то есть 282/1 г. до н.э. Но

если исходить из политической ситуации в полисе, можно предположить, что сокращение корпуса всадников могло произойти еще в конце IV в. до н.э. Столь резкое сокращение числа конницы свидетельствует о том, что отпала необходимость в большом количестве всадников. Такая мера также вела к сокращению расходов на конницу и, как следствие этого, экономии средств полиса. Если в IV в. до н.э. расходы на кавалерийский корпус в тысячу всадников составляли 40 талантов в год (Хен. Нирр. I. 19), то в 282/1 г. до н.э. государственные расходы на 200 всадников должны были составлять 8 талантов в год, а при увеличении кавалерии с 200 до 300 всадников – 12 талантов. Следует обратить внимание и на еще одно обстоятельство: в декрете перечисляются имена двух гиппархов и всего лишь одиннадцати филархов (SEG. XXI. 525. 25–33). Отсутствует филарх филы Эгеиды. Г. Бью полагает, что в этот год в филе Эгеиде не нашлось кандидата на должность филарха и, возможно, поэтому мог быть отменен закон, запрещавший избрание филархов из всего состава всадников, чтобы такая ситуация больше не повторилась [4, p. 187]. На это может указывать и упоминающийся в декрете закон (SEG. XXI. 525. 11–14). Если интерпретация этого момента верна, то получается, что отныне филархи могли избираться не по одному от филы, как это было ранее (Arist. Ath. Pol. 61. 5), а из всего состава всадников. Однако возникает вопрос о том, кто же командовал всадниками филы Эгеиды, если у них не было в этот год своего филарха? Можно сделать несколько предположений. Первое – у них все-таки было лицо, исполнявшее должность филарха, но официально не утвержденное, поэтому его имя не присутствует в декрете среди других филархов. Второе – всадниками Эгеиды мог командовать кто-то из других филархов, наряду с руководством всадниками собственной филы. Третье – всадники Эгеиды могли быть временно распределены по другим филам. Командование всадниками сразу двух фил хоть и облегчалось их относительной малочисленностью, все-таки было затруднительным. Распределение всадников по другим филам означало расформирование кавалерийского контингента филы Эгеиды как боевой единицы, и получалось, что фактически отсутствовало представительство Эгеиды в кавалерийском корпусе в отличие от других одиннадцати фил. Это могло сказаться и на престиже самой

филы в полисе. Но так как кавалерийский корпус основывался на равном участии в нем всадников из всех фил под командованием филархов, наиболее вероятным кажется первый вариант.

Увеличение числа всадников с 200 до 300 в 282/1 г. до н.э. было как нельзя кстати, так как вскоре афинянам пришлось принять участие в борьбе с кельтами в 279 г. до н.э., о чем уже говорилось ранее. Однако, в надписи 275/4 г. до н.э. (IG. II². 680) не сообщается о численности задействованной кавалерии. Павсаний говорит о 500 всадниках и 1000 пехотинцах (Paus. X. 20. 3). Здесь снова возникает вопрос о численности конницы в этом походе. В 282/1 г. до н.э. число всадников увеличено с 200 до 300, у Павсания упоминается о 500 всадниках. Если верить Павсанию получается, что в 279 г. до н.э. численность афинской кавалерии была увеличена до 500 всадников. Это увеличение количества всадников могло произойти двумя путями: дополнительным набором в кавалерию граждан на случай войны или привлечением наёмников [3, с. 222–223]. Причем не факт, что после похода, численность конницы осталась на этом уровне [4, р. 190]. Обе версии о пополнении конницы в 279 г. до н.э. имеют право на существование. В частности, в пользу версии о привлечении наёмников может косвенно свидетельствовать декрет 281/0 г. до н.э. в честь гиппархов и филархов, которые чествуются за хорошее исполнение обязанностей и обеспечение продовольствием (Agora. I. 7587). Причем в этом декрете чествуются те же самые гиппархи и филархи (Agora I. 7587. 16–29), что и в рассмотренном декрете 282/1 г. до н.э. (SEG. XXI. 525. 25–33). Текст документа гласит (Agora. I. 7587. 3–14): «... так как гиппархи и филархи при Никии архонте осуществлявшие власть согласно законам, заботились о доставке провианта, и всадники и тарентийцы исправно осуществляли все остальное, и частным образом и сообщая были благорасположены в отношении всадников и тарентийцев». В совокупности оба декрета дают более полную картину функционирования афинской кавалерии.

Важно то, что в этом декрете, помимо афинских всадников, упоминаются всадники-тарентийцы, которые были наёмниками. При этом в документе разграничиваются афиняне и тарентийцы. Получается, что помимо собственного кавалерийского континген-

та, Афины в конце 280-х гг. до н.э. пользовались услугами наёмной конницы. Возможно, тарентийцы были задействованы в походе против кельтов в 279 г. до н.э. в составе афинского контингента [12, р. 257]. Тарентийские всадники были особым типом легкой кавалерии и получили свое название от южно-италийского города Тарента, откуда, по-видимому, и происходили. Свою известность тарентийские всадники получили в конце IV в. до н.э. благодаря участию в ряде военных конфликтов. Однако нельзя утверждать, что все встречающиеся в источниках эллинистического периода тарентийцы были родом из Тарента. Первоначально термин «тарентийцы» действительно мог указывать на этническую принадлежность всадников, но со временем этот термин стал техническим, обозначая кавалеристов, перенявших вооружение и тактику настоящих тарентийцев [3, с. 226–227, 511–512; 13, р. 14; 14, р. 292–294]. Подобную тенденцию можно проследить и в Афинах, где тарентинцы упоминаются в нескольких надписях II в. до н.э. (IG. II². 958. 56–59; 960. col. I. 33; 961. col. I. 34). Особого внимания заслуживает документ 155/4 г. до н.э., в котором сообщается о победе в смотре оружия всадников филы Эантиды под командованием тарентинархов (а не филархов) Эвфена и Полиника, сыновей Мосхиона из Марафона (IG. II². 958. 56–59). Их этническая принадлежность не вызывает сомнений: они были афинскими гражданами, а не наёмниками. Кроме того, так как среди командиров всадников появляются тарентинархи, получается, что на афинский кавалерийский корпус оказала влияние иностранная военная практика и, соответственно, в афинском кавалерийском корпусе появились «тарентийские всадники». Понятие «тарентийцы» в данном случае следует понимать как технический термин, потому что эти всадники были гражданами, а не наемниками, как в III в. до н.э.

В одном из документов последней трети III в. до н.э. (SEG. XXV. 157) отмечается деятельность Феофраста, который в год архонтства Менекрата (219/218 г. до н.э.) занимал должность гиппарха. Как следует из текста надписи, Феофраст, избранный гиппархом, заботился о коннице, разведении коней всеми всадниками, и чтобы они были оснащены как можно лучше оружием, дал он десять мин в качестве добровольного пожертвования лохагам (сттк. 14–17). Обращает внимание то, что филархи в документе

названы лохагами, то есть командирами пехоты. Примечательно также и то, что кавалерийский корпус Афин в год принятия декрета состоял уже из 650 всадников (сткк. 17–18), которые, наряду с Советом и народом увенчивают назначенного на Элевсин стратега страны, занимавшегося, в том числе, и охраной крепостей (сткк. 20–23). Документ, таким образом, может свидетельствовать об участии всадников в охране территории Аттики в тот год.

В «Афинской Политии» Аристотеля (Arist. Ath. Pol. 49. 1) при описании роли Совета пятисот в деле комплектования кавалерии, среди прочего сообщается о докимасии продромов (δοκιμάζει δὲ καὶ τοὺς προδρόμους), которые, проходили ту же проверку, что и обычные всадники [11, р. 565–566]. Вообще термин ὁ πρόδρομος переводится как «бегущий впереди». Однако информации об афинских продромах очень мало. Этот вид конницы появился в Афинах в первой половине IV в. до н.э. Если опираться на свидетельства о продромах в «Гиппархе» Ксенофонта, можно предположить, что уже в 365 г. до н.э. в Афинах существовали продромы. В частности, Ксенофонт пишет: «Но самое сильное, по моему мнению, побуждение для филархов дорожить предводительством хорошо подготовленных всадников своей филы будет состоять в том, когда ты будешь украшать свой конвой превосходнейшим оружием, заставишь как можно более упражняться в стрельбе аконтием и будешь вести их на место для упражнения, сам хорошо изучив это дело. (пер. Г.А. Янчевецкого: Xen. Hipp. I. 25). В этом пассаже Ксенофонта фразу εἰ τοὺς ἀμφὶ σὲ προδρόμους можно перевести как «сопровождающие тебя продромы». Также из этого фрагмента можно понять, что продромы были непосредственно связаны с гиппархом и, как легкая кавалерия должны были вести разведку и первыми вступать в бой, обстреливая противника дротиками.

Возникает вопрос о судьбе продромов в конце IV–III вв. до н.э., так как в источниках фактически отсутствует информация об этих всадниках. На свинцовых табличках со смотров лошадей середины III в. до н.э. встречаются имена продромов Хария и Анtimaха, указанных в родительном падеже (Χαρίου προδρόμου; Ἀντιμάχου προδρόμου) [15, s. 234; 10, р. 85, 125–127]. В свою очередь Дж. Кролл считает, что Харий и Анtimaх могли быть не продромами, а командирами конницы и владельцами лошадей, которыми поль-

зовались их продромы [10, р. 125–127]. Однако мы не располагаем сведениями о численности продромов. Как справедливо замечает Г. Бью, с общим сокращением численности афинской кавалерии с одной тысячи до двухсот к 282/1 г. до н.э. могло произойти и сокращение численности продромов и, в конечном итоге, потери ими своего военного значения [16, р. 88]. Позднее середины III в. до н.э. продромы в источниках не упоминаются. Единственным официальным документом, где встречаются продромы, является декрет в честь секретарей афинской кавалерии, которые хорошо заботились о всадниках и продромах. В нем сообщается следующее: «Решили продромы. Так как ... и Филодем, исполняющие должность секретарей в прежнее время во всем были благорасположены по отношению ко всадникам и теперь ко всадникам и продромам, прекрасно и справедливо позаботились о выдаче провианта, проявляя свое благочестие по отношению ко всадникам...» (Agora. I. 7551 = SEG. XLVIII. 122). Интересно то, что инициаторами данного декрета были сами продромы, и в документе видно разделение обычных всадников и продромов. Проблема заключается в том, что степень сохранности надписи не позволяет точно ее датировать. Можно лишь говорить о том, что данный декрет был принят в период с 330 по 285 г. до н.э. [16, р. 83–85].

Подводя итоги следует сказать, что после поражения в Ламийской войне Афины теряют свое политическое значение. Все это повлекло снижение военной активности афинян в конце IV–III вв. до н.э. и оказало влияние на военную организацию полиса, особенно на кавалерийский корпус. Происходит значительное сокращение численности всадников. Такое решение было обусловлено, по-видимому, отсутствием необходимости в таком большом числе всадников и снижением государственных расходов на кавалерийский корпус, но порядок комплектования и службы всадников не изменился. Всадники проходили ежегодную докиму и получали от государства средства. Вместе с тем в Афинах отмечено появление всадников-тарентийцев, представлявших собой легкую кавалерию. И если в III в. до н.э. тарентинцы были наемниками, то во II в. до н.э. это были граждане. Относительно продромов, появившихся в Афинах в IV в. до н.э., можно предположить, что они, возможно, существовали в 1-й половине III в. до н.э., но в даль-

нейшем исчезли. Основной задачей афинской кавалерии в рассматриваемый период была охрана территории полиса. В источниках отмечено участие афинских всадников в боевых действиях как на территории Аттики, так и за ее пределами.

Библиография

1. Spence I.G. *The Cavalry of Classical Greece: A Social and Military History with Particular Reference to Athens*. Oxford: Clarendon Press, 1993. 346 p.
2. Gaebel R.E. *Cavalry Operations in the Ancient Greek World*. Norman: University of Oklahoma Press, 2002. 345 p.
3. Нефедкин А.К. *Конница эпохи эллинизма*. Санкт-Петербург: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. 784 с.
4. Bugh G.R. *The Horsemen of Athens*. Princeton: Princeton University Press, 1988. 271 p.
5. Хабиخت Х. *Афины. История города в эллинистическую эпоху*. Москва: Ладомир, 1999. 416 с.
6. Gregory A.P. *A Macedonian δυνάστης: Evidence for the Life and Career of Pleistarchos Antipatrou* // *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*. 1995. Bd. 44. H. 1. P. 11–18.
7. Ferguson W.S. *Demetrius Poliorcetes and the Hellenic League* // *Hesperia*. 1948. Vol. 17. No. 2. P. 112–136.
8. Burstein S.M. *The Date of the Athenian Victory over Pleistarchus: A note on Pausanias 1.15.1* // *The Classical World*. 1977. Vol. 71. No. 2. P. 128–129.
9. Ferguson W.S. *Hellenistic Athens: An Historical Essay*. London: Macmillan, 1911. 487 p.
10. Kroll J.H. *An Archive of the Athenian Cavalry* // *Hesperia*. 1977. Vol. 46. No 2. P. 83–140.
11. Rhodes P.J. *A Commentary on the Aristotelian Athenaion Politeia*. Oxford: Clarendon Press, 1981. 795 p.
12. Camp J. McK. *Excavations in the Athenian Agora: 1994 and 1995* // *Hesperia*. 1996. Vol. 65. No 3. P. 231–261.
13. Fields N. *Tarentine Horseman of Magna Graecia: 430–190 B.C.* London: Osprey Publishing, 2008. 64 p.
14. Bugh G.R. *The Tarantine Cavalry in the Hellenistic Period: Ethnic or Technic?* // *Pratiques et identités culturelles des armées hellénistiques du monde méditerranéen* / Ed. Jean-Christophe Couvenhes, Sandrine Crouzet, Sandra Péré-Noguès. Bordeaux: Ausonius, 2011. P. 285–294.
15. Braun K. *Der Dipylon-Brunnen B: Die Funde* // *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung*. 1970. Bd. 85. S. 129–269.
16. Bugh G.R. *Cavalry inscriptions of the Athenian Agora* // *Hesperia*. 1998. Vol. 67. No. 1. P. 81–90.

Автор публикации: Востриков Игорь Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, кафедра всеобщей и публичной истории, Институт международных отношений, Казанский федеральный университет, Казань, Россия; email: igor-vostrikov@bk.ru.

Athenian cavalry at the end of IV–III centuries BC.

I.V. Vostrikov

Abstract. The article examines, on the basis of a number of works by ancient authors and epigraphic documents, the state of the Athenian cavalry at the end of the 4th–3rd centuries BC. First of all, attention is drawn to the military activity of the Athenian horsemen in this period on the territory of Attica and beyond. In particular, the horsemen distinguished themselves in the defense of Athens from the troops of Pleistarchus in 304 BC, and in the next, 303 BC, they were involved in the military campaign of Demetrius Poliorcetes in the Peloponnese. Later, the Athenian cavalry took part in the fight against the Celts in 279 BC. It was found that the order of recruitment and service of the horsemen has not changed compared to the time before the Lamian War. The special procedure for recruiting for service in the cavalry continued to operate, the issuance of maintenance to horsemen by the state and their annual check by the Council of Five Hundred. A significant decrease in the number of horsemen during the period under study was noted, which is a consequence of the decrease in the military power of Athens after the defeat in the Lamian War and the rejection of an active foreign policy. At the same time, Athens, apparently, could use mercenary horsemen – Tarentines as light cavalry. There is no mention of the prodromes in the sources, with the exception of lead tablets from the review of the cavalry, dating from about the middle of the 3rd century BC. Therefore, it can be assumed that this type of cavalry in Athens disappeared in Athens after this time.

Keywords: Athens, military organization, cavalry, hipparchs, phylarchs, Tarentines

For citation: Vostrikov I.V. Athenian cavalry at the end of IV–III centuries BC // Proceedings of the Society of Archeology, History and Ethnography at Kazan University. 2023. 43(1). P. 45–58. DOI: 10.26907/2312–3400.2023.1.45-58.

Author of the publication: Vostrikov Igor Vladimirovich, PhD in History, Associate Professor, Department of World and Public History, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia; e-mail: igor-vostrikov@bk.ru.

Поступила в редакцию / Received 31.01.2023

Принята к публикации / Accepted 27.03.2023

Культ Дианы в Лации и политические союзы латинских городов в VI–IV вв. до н.э.

Л.М. Шмелева

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, Россия
procella@rambler.ru*

Аннотация. В статье рассматривается использование культов богов в архаическом Лации в политической сфере на примере культа Дианы. Культ богини Дианы был распространенным в Лации, ей поклонялись как богине плодородия, в то же время она была покровителем воинов, лидеров, политических союзов. Это создавало возможности для использования этого культа и его святилищ в политических целях. Рим, Тускул и Ариция создавали политические объединения латинских общин, используя именно святилища Дианы. Опыт Рима в этом плане был неудачным, основанное при Сервии Туллии святилище использовалось как общелатинское только в его правление, но римляне принимали участие в объединении латинов с центром в святилище Дианы в Неми, хотя и оказались его рядовыми участниками. Культ Дианы в Тускуле упоминается только применительно к конфликту между Римом и латинами в начале V в. до н.э. В последующее время Рим, расширяя свои границы в Лации, добился гегемонии в Латинском союзе, а затем постепенно поставил под свой контроль весь Лаций, хотя это не сказалось на руководстве культом Дианы в Неми. В 338 г. до н.э. после Второй Латинской войны все союзы в Лации были распущены. Культ богини Дианы продолжал существовать, но утратил свое политическое значение.

Ключевые слова: Рим, латины, Лаций, культ Дианы, международные отношения

Для цитирования. Шмелева Л.М. Культ Дианы в Лации и политические союзы латинских городов в VI – IV вв. до н.э. // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2023. Т. 43. № 1. С. 59–68. DOI: 10.26907/2312–3400.2023.1.59-68.

VI – IV вв. до н.э. это время формирования государства в общинах Лация в форме *civitas*. В то же время это формирование сопровождалось заключением различных религиозно-политических союзов внутри Лация. К этому периоду относится и начало исполь-

зования религии для решения чисто политических задач: решение спорных вопросов между нарождающимися *civitas* внутри союза, объявление войны или заключение мира с соседними племенами и городами-государствами, выработка общей внешней политики. В этом плане представляет интерес изучение возникновения и эволюции религиозно-политических союзов, которые формируются вокруг святилищ богини Дианы в Лации.

Культ богини Дианы. Святилища и храмы

Диана была древнейшим божеством италиков, особенно широко почиталась латинами и их ближайшими соседями, с типичными функциями в начальный период богини леса и плодородия [1, р. 44–46]. В архаический период, по мнению исследователей ранней римской религии, Диана могла почитаться в рощах и алтарях, без строительства храмовых зданий, а сами статуи богини также находились под открытым небом [1, р. 109].

В ранний период культ Дианы ассоциировался также с гостеприимством. Отсюда отказ от оружия в ее святилищах и местах почитания. Это сделало места культа Дианы привлекательными для встреч, в том числе и воюющих сторон. В связи с этим места культа Дианы воспринимались в древнейшем Лации как нейтральная территория. Кроме того, в VIII–VI вв. до н.э. Диана была покровителем воинов и лидеров, а также божественным гарантом гегемонии для всех латинов [1, р. 44–46, 110], что делало этот культ наиболее значимым для разного рода альянсов внутри Лация [1, р. 110] поэтому святилище или храм Дианы по мнению А. Жолковски и А. Момильяно должны были быть не только религиозными, но и политическими центрами [2, р. 40; 3, р. 85]. Нейтральный статус святилища, по мнению Грин, делал культ Дианы притягательным для латинов и способствовало распространению ее святилищ на территории Лация [1, р. 46]. Это же предопределило и расположение святилищ: все они располагались вне померия, то есть вне городской черты, что делало их доступными для всех.

Такой статус святилища Дианы сделал его привлекательным для латинских общин, особенно тех, что стремились к лидерству. В VI в. до н.э. в Лации было несколько городов, которые пытались претендовать на гегемонию в этом регионе – это Ариция, Рим и Тускул. Ариция использовала святилище Дианы в Неми [1, р. 14].

Это святилище было основано в VIII–VII вв. до н.э., но политическое значение и статус общелатинского получило только в VI в. до н.э. [1, р. 14; 4, р. 420] или в V в. до н.э. после падения монархии в Риме и его захвата царем Клузия Порсеной как ответ на подчинение Рима этрускам [5, р. 52; 6, р. 273; 7, р. 128–130].

В Риме святилище, или как передают источники – храм, богини Дианы было основано при Сервии Тулии в середине VI в. до н.э. Причем это святилище сразу основывалось как общелатинское (Liv. I. 58). Располагалось оно за померием на Авентине. В Тускуле святилище было создано в Корне примерно в конце VI в. до н.э. [4, р. 417]

Однако, в последующем мы не встречаем в источниках, что в святилищах решались политические вопросы [6, р. 298]. Все известные сообщения о собраниях Латинского союза или союзов упоминают только *Lucus Ferentinae* в качестве места встреч представителей латинских общин [9, р. 95–96; 10, р. 297–299; 11, р. 276].

В последующем первоначальный – политический – смысл культа в Риме забывается и приобретает социальную направленность. В латинских же общинах культ Дианы продолжал процветать до времени их полного подчинения Риму в IV в. до н.э.

Политические союзы вокруг храмов (святилищ) Дианы

В тоже время необходимо отметить, что в Лации идут сложные процессы формирования государства в форме *civitas*, а также различных политических союзов, которые в течение VI в. до н.э. также подвергаются трансформации. В процессе трансформации выделяются два направления.

Во-первых, это усиление Рима и его претензии на гегемонию в Лации [4, р. 420–421; 6, р. 252–254; 12, р. 30–31], что прослеживается в ситуации с Турном Гердоном (Liv. I. 51.9), которую можно трактовать как возможность оспорить гегемонию Рима в Лации со стороны Ариции и Тускула (Liv. I. 49.9).

Во-вторых, в Лации начинают формироваться новые политические союзы, направленные против Рима и, соответственно, не включающие его в свой состав, или он не мог в этом союзе претендовать на ведущую роль (Dion. Hal. III. 34.3). К началу правления Тарквиния Гордого в Лации существовало два крупных союза латинских общин: Латинский союз под главенством Рима, который

восходил еще к VII в. до н.э. [9, р. 93] и Арицийская федерация, которая была создана в VI в. до н.э. в противовес Латинскому союзу и гегемонии в нем Рима [4, р. 417].

Для собраний новых союзов были выбраны святилища Дианы в Неми и Корне. В новых святилищах, в частности посвященных Диане, Рим уже не играл существенной роли. Так в святилище Дианы в Неми римские магистраты не исполняли обряды [1]. М. Кьяаба считает, что установление культов Дианы в Ариции (у озера Неми) и Корне – это плод политического раскола в первоначальном Латинском союзе, который произошел после установления в Риме республики [12, р. 37]. В то же время Дж. Мартинец-Пинна считает, что заметный толчок в развитии Латинской федерации произошел во второй половине VI в. до н.э., однако нет оснований полагать, что в качестве движущей силы выступали этруски, как считает исследователь [4].

При этом святилищем, где совершались общие жертвоприношения и решались политические вопросы в конце VI в. до н.э., продолжала оставаться Ферентинская роща (Dion. Hall. III. 51.3, IV. 45.3, V. 50.1, 60.1; 4; 9; 11). Местоположение ее определяется современными исследователями недалеко от Ариции, причем подчеркивается, что данное святилище располагалось вне римской территории [9, р. 92–93; 12, р. 24]. При Тарквинии Гордом Рим получил возможность собирать представителей латинских общин в этом святилище (Liv. I. 51).

Дальнейшая эволюция союза (союзов) связана со временем от изгнания Тарквиния Гордого из Рима до заключения *foedus Cassianum*. После падения царской власти в Риме латинские общины разорвали с Римом союзные отношения. Главенствующую роль играли Тускул и Ариция [5, р. 53–55; 4, р. 421–422; 7, с. 128–129]. Ю.Б. Циркин называет эту новую федерацию Тускуланским союзом [7, с. 130], однако в науке для нее чаще используют термин Арицийская федерация или говорят о Латинском союзе, не уточняя о каком именно союзе идет речь (см. например: [5, р. 52, 55; 9; 12; 14]).

В V в. до н.э. Ферентинская роща по-прежнему оставалась местом сбора представителей союза. Именно здесь, по сообщению Дионисия Галикарнасского, латины приняли решение о войне

с римлянами после установления Республики в Риме (Dion. Hall. V. 61. 1–2). Инициатором принятия такого решения Дионисий называл Тарквиния Гордого и правителя Тускула Октавия Мамилия. Дионисий Галикарнасский привел в своем труде список городов, которые заключили договор (Dion. Hall. V. 61. 2). Столкновение между Римом и латинами произошло в 499/496 г. до н.э. у Регильского озера. Латины проиграли эту битву, в результате был подтвержден старый договор, заключенный еще в царский период (Dion. Hall. VI. 21. 1–2). Позже, в 493 г. до н.э., под влиянием внешней опасности от эквов и вольсков римляне и латины заключили новое соглашение – *foedus Cassianum*. Но это соглашение не создавало нового союза, а скорее дополняло старое соглашение о создании Латинского союза. При этом продолжало собираться общее собрание латинов в Ферентинской роще, в нем также участвовали римляне и их колонии, и что создавало большие возможности влиять на дела союза [5; 11; 12].

Следующие изменения в структуре союзов в Лации связано с галльским нашествием IV в. до н.э. Поражение Рима от галлов привело к тому, что латины перестали соблюдать заключенные соглашения (Liv. VI) [5, р. 406–407]. Риму снова пришлось восстанавливать свою гегемонию в Лации и в ближайших землях. Делалось это тремя путями: выведение колоний, дарование прав гражданства и война. При этом следует учитывать, что все действия Рима в этот период приводили скорее к разрушению существующих структур Латинского союза, а большинство латинских общин продолжали сохранять лояльность Риму [10, р. 322].

Следующее соглашение с латинами, подтверждающее старые договоренности, было заключено в 358 г. до н.э., под угрозой нового вторжения галлов в Центральную Италию (Liv. VII. 12. 7–8). Ряд исследователей считает, что это соглашение не могло просто повторить договор 493 г. до н.э., а было заключено на более выгодных для Рима условиях [10, р. 324; 15, р. 58]. Также обращает внимание на то, что при заключении договора латины должны были согласиться на оккупацию римлянами Помтинской области, о чем говорит основание римлянами Помтинской трибы [10, р. 324], а герники уступить часть своей территории для римских граждан [10, р. 324]. А. Алфольди не упоминает о заключении до-

говора между Римом и латинами в 358 г. до н.э., но говорит об изменении политики Рима по отношению к латинам: римляне стремились заключать договоры с каждой отдельной общиной, а не со всей Федерацией в целом [5, р. 355–419]. В любом случае мы видим изменившееся отношение римлян к латинским общинам, которое выражалось в желании поставить каждую из них под свой контроль.

Отношения между Римом и Латинским союзом меняются в 40-е годы IV в. до н.э. В 349 г. до н.э. латины отказались поставлять контингенты в армию, несмотря на галльскую угрозу (Liv. VIII. 25. 5–6). В 348 г. до н.э. в Ферентинской роще латины заявили, что «довольно приказывать тем, в чьей помощи нуждаетесь: с оружием в руках латинам сподручней защищать свою свободу, а не чужое владычество» (Liv. VII. 25). В период первой самнитской войны (343–341 гг. до н.э.) римляне фактически перестали контролировать действия латинских общин. О чем говорит и обращение в римский сенат представителей самнитов и неоднозначный ответ римлян (Liv. VIII. 2. 11–13).

Экспансия Рима в Италии, раздача прав римского гражданства среди латинских общин привели к обострению отношений между римлянами и латинами. Представители латинских общин, собравшись в Ферентинской роще, выдвинули требования к римлянам, которое должны были фактически уравнивать латинов и римлян в правах: избрание одного из консулов из числа латинов и предоставление латинам мест в римском сенате (Liv. VIII. 3. 8–9; 4. 4; 4. 11). Это требование было отвергнуто римлянами (Liv. VIII. 5), также было принято решение начать войну с латинами (Liv. VIII. 6) [10, р. 322–323]. Военное потивостояние с латинами продолжалось с 340 по 338 гг. до н.э. и получило название Второй Латинской войны. В этой войне участвовали как древние города Лация, так и латинские колонии. Латинский союз в этот период возглавлялся представителями Цирцеи и Сетия – римских колоний. Ливий не приводит отдельного списка городов, которые участвовали в военных действиях, но в ходе описания войны и связанных с ней событий упоминает следующие города и колонии Тускул (Liv. VIII. 7. 2), Пед, Тибур, Пренест, Велитры, Ланувий, Антий (Liv. VIII. 12.7), Ариция, Велитры (Liv. VIII. 13. 5–6), Лавиний (Liv. VIII. 11. 3). Как

видим, здесь перечислены далеко не все города Лация и колонии, что говорит о том, что данное выступление на деле было поддержано не всеми латинами [15, р. 56]. Война закончилась победой Рима и роспуском Латинского союза, а также запретом на создание подобных объединения в пределах Лация в будущем, так как после войны Рим заключал договоры с отдельными общинами, а не их объединениями. По мнению De Sanctis это событие (ропуск Латинского союза и создание системы альянсов) было поворотным пунктом в Римской истории [10, р. 348].

Статус каждой общины определялся римским сенатом в соответствии с той позицией, которую занимала та или иная община в Латинской войне. Часть общин, не участвующих в противостоянии, получала права римских граждан (Ланувий, Ариция, Номент, Пед) (Liv. VIII. 14. 2–3) [10, р. 348]. Тускулу были возвращены старые права за его верность Риму [16, с. 41]. Тибур и Пренесте, которые более других оказали сопротивление Риму, тем не менее, сохранили свое положение и *ius conubii* и *ius commercii*, здесь римляне учитывали стратегическое положение городов. У прочих, по словам Ливия, было отнято право заключать между собой законные браки и право вести торговые дела и созывать собрания (Liv. VIII. 14.10).

На положении союзников особого ранга – латинские союзники – оказались те общины, которые ранее не входили в Аррицийскую федерацию. Их особое положение можно объяснить значением Лация для Рима, исконными связями гостеприимства и родства [16, с. 72]. Эти общины удержали за собой *ius conubii*, *ius commercii*, *ius migrationis*, а также право участвовать в основании колоний латинского права.

Таким образом, культ Дианы в Лации в архаический период олицетворял собой политическую сферу деятельности человека: богиня покровительствовала воинам, лидерам, политическим союзам. Ее святилища считались нейтральной территорией куда нельзя было приходить вооруженным и даже приносить оружие. Культ богини Дианы был распространенным в Лации, но в источниках, повествующих об архаическом периоде римской истории, выделяются три святилища – в Неми, в Риме, в Корне. Основание или, как в случае со святилищем Дианы у озера Неми, возвышение связы-

вается античной традицией с политическими амбициями городов, на территории которых эти святилища располагались. Так храм Дианы в Риме, располагавшийся на Авентине за чертой померия, был основан Сервием Туллием как место общего для всех латинов культа и место собраний представителей Латинского союза, однако после его смерти в таком качестве не использовался. Можно констатировать, что использование культа Дианы в политических целях было небольшим эпизодом в политике римских царей и не принесло желаемых результатов, в связи с чем он перестал удовлетворять целям римской внешней политики и произошла его замена культом Юпитера. Вокруг святилища в Корне, располагавшегося на территории Тускула, складывается объединение латинских общин, направленное против Рима в конце VI в. до н.э. В этот же период возвышается святилище у озера Неми, основанное примерно в VII в. до н.э., оно становится общелатинским, но римляне не играют здесь существенной роли.

Сформировавшиеся вокруг святилищ Дианы в Лации в VI–IV вв. до н.э. союзы просуществовали до 338 г. до н.э., когда их структуры прекратили свое существование под натиском римской экспансии.

При этом Рим в начале своей истории был заинтересован в участии в таких объединениях латинов и пытался поставить их под свой контроль, что ему удалось первоначально в царствование Тарквиния Гордого, а затем после заключения *foedus Cassianum*. Попытка Сервия Туллия использовать во внешней политике Рима в VI в. до н.э. общелатинский культ Дианы окончилась неудачей, а Тарквиний Гордый и вовсе отказывается от культа Дианы в пользу культа Юпитера. В тоже время, в период ослабления, например, после галльского нашествия начала IV в. до н.э., латины не соблюдали договоренности и проявляли враждебность по отношению к Риму.

В 338 г. до н.э. Рим добился окончательного подчинения Лация своей власти, а Латинский союз фактически и юридически был расформирован. С этого момента Рим стал гораздо в более широком масштабе использовать ресурсы союзников и зависимых общин для дальнейших завоеваний, которые теперь были нацелены на Центральную Италию.

Это положило начало формированию Римско-италийского союза, а созданная римлянами система альянсов обеспечивала ресурсы для экспансии и интеграцию в единое пространство союзников и завоеванных.

Библиография

1. Green C.M.C. *Roman Religion and the Cult of Diana at Aricia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 347 p.
2. Ziolkowski A. *Storia di Roma*. Milano: B. Mondadori, 2000. 512 p.
3. Momigliano A. *Origin of Rome // The Cambridge Ancient History*. Vol. VII. Part 2 / Ed. by F.W. Walbank, A.E. Astin, M. W. Frederiksen, R. M. Ogilvie. Cambridge, Cambridge University Press, 2008. P. 52–112.
4. Martinez-Pinna J. *Observaciones sobre el origen de la liga Latina // Mediterraneo antico*. 2012. Vol. 15 (1–2). P. 409–424.
5. Alföldi A. *Early Rome and Latins*. Michigan: The University of Michigan Press, 1965. 434 p.
6. Cornell N.J.: *Rome and Latium to 390 BC // The Cambridge Ancient History*. Vol. VII. Part 2. / Ed. By A. E. Astin, F. W. Walbank, M. W. Frederiksen, R. M. Ogilvie. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 243–308.
7. Циркин Ю.Б. *Первый римско-карфагенский договор // Пунические войны: история великого противостояния. Военные, дипломатические, идеологические аспекты борьбы между Римом и Карфагеном: коллективная монография / Науч. ред. О. Л. Габелко, А. В. Короленков. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Ювента, 2017. С. 125–142.*
8. Ливий Т. *История Рима от основания города: в 3 т. М.: Ладомир, 2002. Т. 1, кн. I–X. 702 с.*
9. Ampolo C. *Un supplizio arcaico : l'uccisione di Turnus Herdonius // Du châtement dans la cité. Supplices corporels et peine de mort dans le monde antique. Table ronde de Rome (9-11 novembre 1982)*. Rome, École Française de Rome, 1984. P. 91–96.
10. Cornell T.J. *The Beginnings of Rome: Italy and Rome from the Bronze Age to the Punic Wars (c. 1000-264 BC)*. London – New York: Routledge, 1995. 507 p.
11. Grandazzi A. *Identification d'une déesse: Ferentina et la ligue latine archaïque. // Comptes-rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*. 1996. Vol. 140e année. No. 1. P. 273–294. doi : 10.3406/crai.1996.15581.
12. Chiabà M. *Roma e le priscae Latinae coloniae: ricerche sulla colonizzazione del Lazio dalla costituzione della repubblica alla guerra Latina*. Trieste: Edizioni Università di Trieste, 2011. XX, 242 p.
13. Дионисий Галикарнасский. *Римские древности*. М.: Рубежи XXI, 2005. Т.2. 274 с.
14. Ogilvie R.M. *A Commentary on Livy. Books I – V*. Oxford: Clarendon Press, 1965. 776 p.
15. Sánchez P. 2014: *Le fragment de L. Cincius (Festus p. 276 L) et le commandement des armées du Latium // Cahiers du Centre Gustave Glotz*. 2014. Vol. 25. P. 7–48.

16. Маяк И.Л. Взаимоотношения Рима и италийцев в III–II вв. до н.э. (до гракханского движения). М.: Изд-во Московского университета, 1971. 159 с.

Автор публикации: Шмелева Людмила Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра всеобщей и публичной истории, Институт международных отношений, Казанский федеральный университет, Казань, Россия; email: procella@rambler.ru.

The cult of Diana in Latium and the political alliances of Latin cities in the VI–IV centuries BC

L.M. Shmeleva

Abstract. The article examines the use of the cults of the gods in the archaic Lazio in the political sphere on the example of the cult of Diana. The cult of the goddess Diana was a common occurrence in Latium, she was worshipped as the goddess of fertility, at the same time she was the patroness of warriors, leaders and political unions. This created opportunities for the use of this cult and its shrines for political purposes. Rome, Tusculum and Aricia created political associations of Latin communities using the shrines of Diana. Rome's experience in this regard was fruitless, the sanctuary founded under Servius Tullius was used as all Latin only during his reign, but the Romans took part in uniting the Latins with the center in the sanctuary of the Nemus Dianae, although they turned out to be its ordinary members. The cult of Diana in Tusculum is mentioned only in connection with the conflict between Rome and the Latins at the beginning of the 5th century BC. In a later period, Rome, having expanded its borders to Lazio, achieved hegemony in the Latin Union, and then gradually took control of the whole of Lazio, although this did not affect the leadership of the cult of Diana in 338 BC. after the Second Latin War, all unions in Lazio were dissolved. The cult of the goddess Diana continued to exist, but lost its political significance.

Keywords: Rome, Latins, Latium, the cult of Diana, international relations

For citation. Shmeleva L.M. The cult of Diana in Latium and the political alliances of Latin cities in the VI – IV centuries BC // *Proceedings of the Society of Archeology, History and Ethnography at Kazan University*. 2023. 43(1). P. 59–68. DOI: 10.26907/2312–3400.2023.1.59-68.

Author of the publication: Shmeleva Ludmila Mihailovna, PhD in History, Associate Professor, Department of World and Public History, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia; email: procella@rambler.ru.

Поступила в редакцию / Received 21.02.2023

Принята к публикации / Accepted 27.03.2023

Англоязычная историография нормандского завоевания Англии в оценке современных отечественных ученых

В.П. Дыганов

Казанский (Приволжский) федеральный университет,

Казань, Россия

weniamind@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье произведен анализ отечественных статей о проблеме нормандского завоевания за последние несколько лет и выявлена общая тенденция направленности изучения этой проблемы. Актуальность тематики обосновывается неиссякаемым интересом ученых современности к такому важному и переломному событию в истории как нормандское завоевание Англии. В результате исследования автор пришел к выводу, что за последние годы прослеживаются несколько направлений исследования в изучении вопроса нормандского завоевания Англии. Одним из направлений является вкрапление истории нормандского завоевания в общий контекст истории Англии. А другим направлением является выделение и углубленное изучение отдельных аспектов этого события, например, наделение его этнической составляющей главенствующей ролью.

Ключевые слова: Нормандское завоевание, преемственность, англосаксонская Англия, нормандская Англия, историография нормандского завоевания.

Для цитирования: Дыганов В.П. Англоязычная историография нормандского завоевания Англии в оценке современных отечественных ученых // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2023. Т. 43. № 1. С. 69–83. DOI: 10.26907/2312–3400.2023.1.69-83.

Введение

Успех завоевания Англии Вильгельмом Нормандским (1028–1087 гг.) в 1066 году во многом приписывали тому, что он привнес в Англию множество новых правовых, политических и социальных изменений, фактически ознаменовав 1066 год началом новой эры в английской истории. Но многие исследователи считают, что значимость нормандского завоевания во многом зависит от ре-

цепции административных, социальных и политических аспектов у англосаксов. Как справедливо замечено А.Г. Глебовым в статье «Континуитет и дисконтинуитет в англо-американской историографии Нормандского завоевания второй половины XX в», что к настоящему моменту сформировался достаточно широкий массив отечественной и зарубежной научной литературы, посвященной аспектам нормандского завоевания. Круг вопросов, затрагиваемых в них, очень широк. Формирование и передача исторической памяти, культурный «разрыв» и его отражение в жизни общества, сравнительный анализ датского и нормандского завоеваний с точки зрения их сути и последствий, отражение «опыта» завоевания в повествованиях, положение знатных женщин в поздний англосаксонский и ранний нормандский периоды – все эти проблемы были поставлены и изучены в связи с нормандским завоеванием в текущее десятилетие и ранее.

Изучение взглядов исследователей на нормандское завоевание Англии

Проблемам заимствований и взаимопроникновением культур посвятил свою статью «Континуитет и дисконтинуитет в англо-американской историографии Нормандского завоевания второй половины XX в.» Андрей Германович Глебов. [1] В статье рассматриваются работы английских и американских историков, изучающих нормандское завоевание Англии с позиций континуитета и дисконтинуитета. Начало спора о континуитете и дисконтинуитете в истории англосаксонской и англо-нормандской Англии было положено английским историком Э. Фрименом в XIX веке, который отмечал, что нормандские агрессоры многое заимствовали у процветающих англосаксов. О противоположной точке зрения впервые заговорил Дж. Х. Раунд, обративший внимание на английский феодализм, как результат творение нормандцев.

Далее автор выделяет 70-е гг. XX столетия, где наблюдается более скрупулезное изучение взаимосвязи культур. Различие мнений среди английских и американских историков растет, но также существуют моменты, в которых ученые солидарны. Таким особым моментом оказалось эффективное функционирование управленческих структур. Англосаксонские государственные институты не исчезли, а были модернизированы с приходом нормандцев.

Преемственность наблюдается в функционировании системы налогообложения, особенностях монетного производства и торговли, деятельности королевского двора с его кругом должностных лиц и органов местной власти. В последнем случае особо следует подчеркнуть то значение, которое придавалось институту шерифов при королях англо-нормандской династии [2, с. 169–171]. Автор цитирует Г.Р. Лойна, указывая на четкий сравнительный анализ, представленный последним, двух важнейших завоеваний англосаксонской Британии (датского и нормандского), выделяя плюсы нормандского.

С точки зрения правопреемства англо-нормандского государства от англосаксонского королевства, Глебов сравнивает П. Соьера и Д. Уайтлока с Ф. Барлоу [1, с. 176]. Барлоу считает, что завоевание, изменило сущность англосаксонского общества, стало для него своего рода «прогрессивной революцией». И хотя в некоторых сферах — судебной, монетной, отчасти в институциональной, англосаксонское наследие не было забыто даже в XII в., оно вряд ли играло существенную роль в истории постсаксонского английского государства [3, с. 131–140].

С точки зрения религии автором приводятся несколько историков (С. Ридьярда, Дж. Рубенштейн и М. Оттер) – сторонников преемственности.

Особое место автором отводится пониманию преемственности и дисконтинуитета на уровне социально-демографическом и на уровне элит. Рассматриваются работы Э. Фримена, который объединяет англосаксов на время прихода Вильгельма в единую «нацию» [4, с. 126], а также приводится мнение Д. Уайтлок: «...придерживалась мысли о том, что главным изменением англосаксонского общества с приходом нормандцев становится появление новой аристократии нормандского происхождения, заменившей собой англосаксонскую элиту».

Касаясь темы этнического состава элиты, автор обращается к П. Соьеру: «Уже не раз упоминавшийся П. Соьер прежде всего коснулся вопроса о смене землевладельческого слоя населения, отметив, что нормандские бароны приобрели значительные земельные дарения в Англии, а любые попытки знатных англосаксов отстаивать свои законные права оборачивались лишением

их поместий и постоянным натиском на еще не занятые англосаксонские земли». Важным обстоятельством, свидетельствующим о взаимопроникновении англосаксонской и нормандской культур, отмечается переустройство церквей и, как следствие, создание нового архитектурного стиля.

Автором затрагивается работа Э. Уильямс «Англосаксы и Нормандское завоевание», где процесс смены правящих элит рассматривается как следствие передела земельной собственности. Англосаксонская знать постепенно теряла свое могущество, что вынудило ее вступать нормандской властью в заведомо проигрышную схватку. Это существенно сократило количество англосаксов в числе элит.

В завершении статьи автор приходит к выводу, что изучение нормандского завоевания «рассматривается в современной англо-американской медиевистике в многообразных содержательных плоскостях». Плюсами такого подхода автор считает определение процента англосаксонского в новом англо-нормандском обществе. Несомненным положительным моментом также отмечается изучение этно-социальных и ментальных процессов в англо-нормандском обществе. Автор обращает внимание, что в спорах о континуитете и дисконтинуитете ученые пришли к общему пониманию итогов нормандского завоевания, выразившихся в смене политической элиты в пользу нормандцев.

В изучении более отдаленных последствий нормандского завоевания А.Г. Глебов считает, что «исследователям Великобритании и США удалось добиться заметных успехов, основой которых, на наш взгляд, стало постепенное преодоление так называемой теории «феодальной революции» и постепенный переход англо-американских историков на позиции типологического подхода к рассмотрению специфики формирования и развития английского феодализма». Отмечается интерес современных историков к эволюции служилого землевладения в раннюю англо-нормандскую эпоху. Автором отмечается тенденция использования в последнее время англо-американскими медиевистами смежных с историей наук, а также применение таких методик, как текстология, гендерный подход, история повседневности и т. д. [1, с. 181].

Проблеме нормандского завоевания в современной историографии посвящена работа Т.А. Сидоровой «Сэр Фрэнк Мерри Стэнтон как историк нормандского завоевания Англии». В этой работе автор рассматривает творчество английского историка Ф. Стэнтона и его взгляд на нормандское завоевание. В задачи Т. Сидоровой входило привнести корректировки в устоявшуюся историографию нормандского завоевания при помощи творчества Стэнтона. Стоит отметить глубокое ознакомление автора с работами Ф. Стэнтона, не являвшимися достаточно популярными и безосновательно не затронутыми. Эти работы – “William the Conqueror and the Rule of the Normans”, “The First Century of English Feudalism 1066–1666”, “Anglo-Saxon England” являются предметом изучения статьи Т.А. Сидоровой.

В заключение автор определила, что Ф. Стэнтон являлся сторонником дисконтинуитета: «...квалифицируя это событие как национальную катастрофу. Определения «катастрофа/ катастрофический», «бедствие», «разрушения/разрушительный» прилагаются историком к характеристике битвы при Гастинге, изменениям в социальной истории, содержанию Книги Страшного суда, страницы которой «демонстрируют величайшую катастрофу из всех, когда-либо случавшихся в национальной истории» и фиксируют грандиозные разрушения, содеянные нормандцами, поэтому англичане восприняли Завоевание как «безусловное бедствие». [5]. Но автор замечает, что «Ф. Стэнтон в своем труде «Англосаксонская Англия» вышедшим спустя 35 лет после публикации книги о Вильгельме Завоевателе, несколько изменил свои взгляды на проблему нормандского завоевания. «Ф.М. Стэнтон уделяет внимание не только нововведениям нормандцев – ..., но и сохранению национального компонента в Англии постзавоевательного периода – старинных институтов и методов местного управления, судов графств и сотен, элементов англосаксонского обычного права, непрерывности родословной значительной части английских аристократических семей. Тем самым Т.А. Сидорова указывает, что Ф. Стэнтон сместил приоритеты в направлении преемственности в проблеме нормандского завоевания Англии.

Трудоемкую работу на тему историографии нормандского завоевания провела З.Ю. Метлицкая в своих статьях «Англосак-

сонская Англия и нормандское завоевание» и «Две традиции в изучении нормандского завоевания: современная версия». В своем объемном труде «Англосаксонская Англия и нормандское завоевание» автор поднимает проблематику неоднозначности последствий нормандского завоевания и задает два важных вопроса: «в чем причина такого пристального внимания и неиссякаемого интереса историков к событиям столь давнего прошлого?» и «что полезное (помимо сведений общего характера) может почерпнуть из этих работ российский читатель, при том, что специалистов, занимающихся англосаксонским или ранним нормандским периодами английской истории, у нас пока мало». Отвечая на первый вопрос, автор пишет, что нормандское завоевание оказало большое влияние на современную Англию и на английский язык. Кроме того, поскольку свидетельства источников неполны и часто противоречат друг другу, историк, пытающийся воссоздать и понять всю цепь событий, приведших к нормандскому завоеванию, сталкивается с целым рядом «загадок». Предложить однозначное и обоснованное их решение едва ли возможно, но практически каждый исследователь стремится это сделать.

Однако существует еще один важный аспект интереса историка к данной тематике. «Англосаксонская Англия и Нормандское герцогство представляли две разные культуры и завоевание привело к замене одной культуры другой. Безусловно, развитие экономических отношений, социальной структуры и институтов в Англии шло в том же направлении, что и в Европе. Также несомненно, что континентальное влияние, особенно в сфере ученой христианской культуры, изначально было достаточно сильно. Между Англией и континентом всегда существовали тесные политические и торговые связи. Не будь завоевания, «смена культур» все равно бы произошла, как это случилось, например, в скандинавских странах. Но в Англии она свершилась практически в одночасье [6, с. 7]. То есть нормандское завоевание представляет огромный интерес с точки зрения взаимодействия культур, культурных связей и разрывов, позиций континуитета и дисконтинуитета.

Особенностью изучения нормандского завоевания автор называет небеспристрастность исследователей. «Д. Дуглас в работе 1946 г. писал: «И сегодня, хотя нормандское завоевание обсужда-

ется постоянно на протяжении вот уже четырех столетий, немногие события нашей истории вызывают столь же яростные споры». В рассматриваемый Д. Дугласом период, историки, представлявшие «англосаксонский» и «нормандский» лагеря, спорили с таким ожесточением, что порой выходили за рамки научной полемики. По моим наблюдениям противостояние продолжается и по сей день» [6, с. 8]. Некоторые ученые воспринимают события через свои личные переживания: «Элизабет ван Хотс, уроженка Нидерландов, ныне живущая и работающая в Оксфорде, в последние годы обратилась к изучению исторической памяти. В статье 1996 г., опубликованной в журнале “History Today”, Э. ван Хотс полемизирует, в частности, с историками, утверждающими, что перемены, происшедшие в 1066 г., затронули только высший слой общества, жизнь же кэрлов и горожан практически не изменилась, и они «не почувствовали» завоевания. Исследовательница приводит ряд аргументов, опровергающих подобную точку зрения, и затем пишет: «этим людям (имеются в виду современные английские исследователи – *З.М.*), не пережившим оккупации, никогда не понять всего ужаса ситуации, когда тобой правят люди, не понимающие твоего языка». Жизненный опыт автора, его личная боль и трагедия, присутствуют в осмыслении событий тысячелетней давности» [6, с. 9].

Второй особенностью, как указывает автор, является наличие «двух разных традиций в рассмотрении этой темы, которые условно можно назвать «повествовательной» и «аналитической» [6, с. 9]. Зависит это от того, какие вопросы в основании своих трудов ставит перед собой исследователь – «как?» или «почему?».

В заключение своей работы З.Ю. Метлицкая пришла к выводу, что огромное значение в изучении и прояснении событий прошлого играет личность исследователей. Это, несомненно, так, автор, производя на свет свое творение (а научный труд это такое же творение), вносит в него свое мировосприятие и взгляды, проводит работу по изучению событий прошлого через призму субъективности, хоть и стремиться к объективности.

Логически следуя своему первому выводу З.Ю. Метлицкая приходит ко второму: «за событиями 1066 г., помимо социального, политического, экономического, кроется еще некое «вечное»

общечеловеческое содержание. Недаром нормандское завоевание стало темой не только для исторических исследований, но и для литературы. В чем конкретно это содержание состоит сформулировать довольно трудно. Возможно, дело в том, что в моменты столь резких перемен, «разрывов» (лично я считаю, что «разрыв» имел место), в мгновения когда разверзается пропасть, отделяющая прошлое от будущего становится очень отчетливо видно, как поступки, характеры, мотивы и судьбы отдельных людей, действующих каждый в соответствии со своими стремлениями и пониманием, соотносятся с общим ходом истории и сплетаются в единый узор» [6, с. 76].

В статье «Две традиции в изучении нормандского завоевания: современная версия» З.Ю. Метлицкая останавливается более подробно на обзоре работ двух исследователей нормандского завоевания – Н.Дж. Хайэма и Ф. Маклинна. «Н.Дж. Хайэм – ридер истории Манчестерского ун-та, автор большого числа работ по ранней истории Англии. Франк Маклинн — профессор ун-та Стратклайда и литератор, автор биографий Ричарда Бартона, Роберта Льюиса Стивенсона, Наполеона и др. Различия в их методах просматриваются в выборе источников (документ и повествование), в принципах, по которым строится изложение (утверждение-доказательство или свободный рассказ с обильными отступлениями), в авторской позиции: Ф.Маклинн описывает и объясняет события прошлого с позиций человека конца XX столетия, обращающегося к своим современникам; Н.Хайэм в своих рассуждениях исходит из понятий и представлений англосаксов X в» [7, с. 100].

Обзор З.Ю. Метлицкой показывает, как определенное историческое событие может рассматриваться и трактоваться в зависимости от личности конкретного автора, способа сбора информации, форм переработки и стиля представления этой информации.

В заключении автор обращает внимание на несколько обстоятельств: «Во-первых, два рассмотренные здесь исследования не просто являют собой наглядные и показательные примеры современных тенденций в историографии нормандского завоевания, но и принадлежат определенным историографическим традициям. Во-вторых, оба автора так или иначе оговаривают, что их книги адресованы не узкому кругу профессионалов, занимающихся теми

же проблемами, а более широкой научной аудитории – историкам-специалистам в других областях, студентам и пр» [7, с. 111].

Еще одна небольшая статья З.Ю. Метлицкой посвящена нормандской идентичности – «Веббер Н. Эволюция нормандской идентичности. 911–1154 гг.». В этой статье автор изучает монографию Ника Веббера о зарождении и изменении нормандской идентичности в период от возникновения герцогства Нормандия (911), до 1154 г., ознаменовавшегося существенными переменами в статусе, восприятия и самовосприятия нормандцев на западе и на юге. Автор отмечает, что Н. Веббер выделяет три основных образующих элемента внутренней нормандской идентичности на этапе ее становления: воинский дух, воплощающийся в предводителях, общая земля и христианская вера. Далее нормандская идентичность на юге постепенно растворялась в море различных этнических групп: «При этом нормандцы в Италии и Сицилии составляли ничтожно малую долю от общего населения, которое никоим образом не могло «нормандиться». Внутренняя идентичность нормандцев на юге первоначально складывалась из тех трех составляющих, которые были выявлены автором в первой части. Но со временем, когда эпоха завоеваний закончилась и война перестала быть главным делом нормандских правителей, старая идентичность начинает распадаться. Рожер Сицилийский, принадлежавший к третьему поколению завоевателей, уже не связывал себя с Нормандией. Изменение идентичности шло двумя путями: в Италии ее основой стал «территориальный» признак, связь со своей новой родиной и ее правителем. На Сицилии нормандцы цеплялись за старые традиции, и в итоге их идентичность оказалась поглощена конгломератом более развитых и древних культур, существовавших на острове» [8, с. 21]. В целом похожие механизмы происходили в Англии после нормандского завоевания: «Если брать нормандские хроники, написанные после 1066 г., указывает Н. Веббер, в них заметно движение внутренней нормандской идентичности, по-прежнему воплощавшейся в правителе, от воина к рыцарю. В образе Вильгельма подчеркиваются такие аспекты, как благочестие, мудрость, милосердие к врагам. К середине XII в. в Англии происхождение уже не играло решающей роли при определении принадлежности человека к «нормандцам» или «англичанам», гораз-

до более важными оказывались территориальные и политические факторы» [8, с. 21]. Автор показывает, как Н. Веббер приходит к выводу: «... на юге, и в Англии, нормандская идентичность претерпевает сходные изменения. ... Кроме того, связи с предводителем или кровные связи с определенным народом отчасти утрачивают свое значение; на первый план выходит понятие «родины», *patria*, или своей земли. Именно эти процессы, заключает исследователь, привели к тому, что к 1054 г. нормандцы, хотя и не перестали существовать как народ, практически исчезли со страниц истории» [8, с. 22].

Тем самым, Н. Веббер в своей работе выражает во многом точку зрения континуитета в нормандском завоевании Англии, отмечая, что нормандцы – народ склонный к проникновению чужими культурами и крайне подверженный ассимиляции в связи со своей малочисленностью в завоеванных территориях.

Многоаспектная и небольшая статья С.С. Ходячих «Гарнетт Дж. Завоеванная Англия. Королевская власть, преемственность и землевладение, 1066–1166 гг.» затронула монографию профессора Оксфордского университета Джорджа Гарнетта «Завоеванная Англия. Королевство, преемственность и землевладение, 1066–1166 гг.». Статья интересная тем, что в ней затронута тема изучения нормандского завоевания как со стороны политики, так и в области землевладения. Изменение структуры землепользования оказало сильное влияние на фактор дисконтинуитета: «В результате завоевания Англии герцогом Вильгельмом коренным образом изменилась структура землепользования: она стала в значительной степени зависимой лично от короля. В этом отношении, утверждает автор, любые попытки продемонстрировать преемственность с политическими, экономическими и социальными институтами англосаксонской Англии обречены на неудачу» [9, с. 44].

Автор статьи разбирает монографию Дж. Гарнетта по главам. В первой главе «Оправдание завоевания» говорится о получении Вильгельмом права собственности на всю землю Англии: «Вильгельм получил Англию по завещанию, как получают феодальные поместья, поэтому вся земля в Англии принадлежала королю. Вступив в свои права (т. е. после коронации), король имел

официальное право начинать раздачу земель своим сторонникам» [9, с. 44]. Вторая глава «Король как аномалия» посвящена появлению новой феодально – иерархичной системы: «что самым значительным по своему масштабу и последствиям шагом Вильгельма Завоевателя явилось введение нового требования, в соответствии с которым каждый вступающий в должность епископа или аббата должен был сначала стать «человеком короля», принеся ему присягу. Только потом он получал пастырский посох из рук правителя и приобретал контроль над своими землями. С этого момента епископы и аббаты становились полноправными землевладельцами ... И нормандцы, и уцелевшие англосаксы были обязаны приносить феодальную присягу английскому королю. Таким образом, устанавливалась новая, неизвестная Нормандии и Франции в целом феодально-иерархическая система, главный принцип которой можно сформулировать как «вассал моего вассала – мой вассал» [9, с. 45]. В заключении С.С. Ходячих приводит «Послесловие» Дж. Гарнетта: «что одним из результатов Нормандского завоевания... явилось выдвижение на первый план «уникальной роли короля в Англии, что оказалось следствием оправдания Завоевания» и позднее существенно повлияло на формирование так называемого общего права (*common law*)» [9, с. 47].

Завоевание Англии осуществлялось элитами нормандского герцогства и эти самые элиты в дальнейшем сыграли значительную роль в построении английского государства. На тему значимости элит в формировании английской идентичности до и после нормандского завоевания были написаны статьи вышеупомянутого С.С. Ходячих «Нормандская аристократия в Англии (1066–1087): проблемы конструирования идентичности и *self-identification* (на материале анализа титулатуры в «Грамотах Вильгельма I)» и «Этно-социальные именованья нормандцев в последней трети XI века».

Первая работа затронула вопросы взаимоотношений англосаксонских этносов с пришлым нормандским этносом. Нормандская элита, оказавшись у руля нового королевства, была вынуждена неким образом саморепрезентовать себя, оправдать свою легитимность. Формирование идентичности выражалось в создании источников юридического и документального характера,

которые являются предметом изучения вышеупомянутой статьи. «Конструирование идентичности и self-identification осуществляются посредством ряда паттернов, то есть набора поведенческих стереотипов, последовательностей действий и идеологических установок того или иного этноса в конкретный момент времени (ностальгия и воспоминания о прошлом, идея единого прошлого, единого предка, стремление сохранить моральные ценности предков, идея этнонационального континуитета, сохранение исторической памяти и нарративная «латентизация» образа врага, образ Другого и потеря близкого как детерминанта обострения этой потребности, image и self-image). Особое место в данном ряду занимает концепт непосредственной, аутентичной, саморепрезентации представителей этнической группы, который выражен в титулатуре» [10, с. 218].

Источников саморепрезентации автор выделил три – Английские грамоты, Нормандские грамоты и Французские грамоты. Во всех этих грамотах титулатура Вильгельма разнится. В Английских грамотах Вильгельм зачастую предстает как король англичан: «Во многих грамотах, вышедших из королевской канцелярии после 1066 г., но написанных на древнеанглийском языке, Вильгельм Завоеватель фигурирует, как правило, как «король» (*kyng*, *siŋcg* и т. д.)... С другой стороны, в документах, составленных на латыни, неизменно присутствует формула «король англичан» (*rex Anglorum*)». А в нормандских грамотах Вильгельм предстает перед нами с различными титулами, но с преобладающим герцогским.

Итогом статьи является выделение определенного феномена англо-нормандской идентичности: «следует вести речь о феномене так называемой англо-нормандской идентичности, которую можно охарактеризовать как «двусмысленную идентичность» (выражается в соединении двух концептов – английской и нормандской идентичностей по отдельности) [10, с. 220].

Существует небольшая статья Е.А. Каниболоцкой «Английские и нормандские епископы XI века: сравнительная характеристика». Работа примечательна тем, что в ней рассматриваются изменения в английском обществе после нормандского завоевания в религиозной сфере. «Нормандское завоевание 1066 г. привело к значительным изменениям в англосаксонском обществе. Эти из-

менения в определенной степени коснулись и всей религиозной жизни страны, и в частности, епископства» [11, с. 300].

Главную мысль работы автор выражает в начале: «Нормандские источники чаще всего сообщают нам о происхождении епископов, т. к. многие нормандские епископы были выходцами из аристократии, т. е. людьми светскими. Основная же масса английских епископов – монахи, не имевшие знатного происхождения [12, с. 154]. Это основное отличие английских и нормандских епископов. Но высказанное утверждение дает слишком примитивную картину. На самом деле сквозь призму этого отличия можно рассмотреть европейское общество во времена религиозной реформы и проследить истоки некоторых коренных событий в истории английской церкви в Средние века» [11, с. 300]. А в основном содержании статьи во многом идет разложение и объяснение этой главной мысли.

В завершении автор приходит к такому выводу: «К началу XII в. кафедры и собрания каноников по обе стороны Ла-Манша представляли собой картину, сильно отличающуюся от той, которая была в 1000 г. В Нормандии, как собственно и в Англии, в начале XII в. несколько епископов-монахов и значительное число «светских» епископов, среди которых были и титулованные особы, осуществляли контроль над церквями [13, с. 100]. Несмотря на это, монашеская доминанта, просуществовавшая в Англии долгое время, сам дух времен церковной реформы и такие деятели, как Ланфранк и Ансельм, дали монашеским идеалам огромную силу и привели к беспрецедентному увеличению числа монастырей» [12, с. 354–367].

За последние годы прослеживаются несколько тенденций в изучении вопроса нормандского завоевания Англии. Одной из тенденций является изучение взглядов на нормандское завоевание отдельных исследователей. В некоторых работах («Континуитет и дисконтинуитет в англоамериканской историографии Нормандского завоевания второй половины XX в», «Две традиции в изучении нормандского завоевания: современная версия», «Англосаксонская Англия и нормандское завоевание») рассматриваются мнения исследователей в сравнении. В частности, З.Ю. Метлицкой были выявлены и объяснены две традиции в изучении нормандского завоевания, обусловленные личностными характеристиками, взгля-

дами авторов и своеобразной задумке таких авторов представить изучаемую тему как информацию не только для узких специалистов, но и «историкам – специалистами в других областях, студентам и прочее». Второй тенденцией является более узкое изучение аспектов нормандского завоевания, например, этно-политической сферы, представленной С.С. Ходячих («Нормандская аристократия в Англии (1066–1087): проблемы конструирования идентичности и self-identification (на материале анализа титулатуры в «Грамотах Вильгельма I)»), «Этно-социальные именованья нормандцев в последней трети XI века»), и сферы религиозной («Английские и нормандские епископы XI века: сравнительная характеристика»).

Обе такие тенденции, по мнению автора, движутся в контексте дихотомии тематики континуитета и дисконтинуитета нормандского завоевания Англии. Это позволяет во многом избежать субъективизации такого многосложного и многоаспектного явления как нормандское завоевание.

Библиография

1. Глебов А.Г. Континуитет и дисконтинуитет в англо-американской историографии Нормандского завоевания второй половины XX в. // Петербургский исторический журнал. 2014. №3. С. 172–182.
2. Loyn H.R. The Governance of Anglo-Saxon England, 500–1087. London, 1984. 222 p.
3. Barlow F. The Norman Conquest and Beyond. London, 1983. 328 p.
4. Freeman E. A. The History of the Norman conquest of England, its Causes and its Results. Oxford, 1867-1876. Vol. I. 680 p.
5. Сидорова Т.А. Сэр Фрэнк Мерри Стэнтон как историк нормандского завоевания Англии // *Juvenis scientia*. 2018. №7. С. 30–32.
6. Метлицкая З.Ю. Англосаксонская Англия и нормандское завоевание. Аналитический обзор. М.: РАН ИНИОН, 2003. 84 с.
7. Метлицкая З.Ю. Две традиции в изучении нормандского завоевания: современная версия // Историческое знание на рубеже столетий. Сборник обзоров и рефератов. — М.: ИНИОН РАН, 2003. С. 99–112.
8. Метлицкая З.Ю. 2006. 04. 003. Веббер Н. Эволюция нормандской идентичности. 911–1154 гг. Webber N. The evolution of Norman identity, 911–1154. – Woodbridge, 2005. – 195 p // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5, История: Информационно-аналитический журнал. 2006. №4. С. 19–22.
9. Ходячих С.С. 2010. 02. 010. Гарнетт Дж. Завоеванная Англия. Королевская власть, преемственность и землевладение, 1066–1166 гг. Garnett G. conquered England. Kingship, succession and tenure, 1066–1166. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2007. – XVII, 401 p. – bibliogr.: p. 360–378 // Социальные и гуманитарные науки.

Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5, История: Информационно-аналитический журнал. 2010. №2. С. 360–378.

10. Ходячих С.С. Нормандская аристократия в Англии (1066–1087): проблемы конструирования идентичности и self-identification (на материале анализа титулатуры в «Грамотах Вильгельма I») // Теория и практика общественного развития. 2012. №8. С. 218–221.

11. Каниболоцкая Е. А. Английские и нормандские епископы XI века: сравнительная характеристика // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. №3. С. 300–304/

12. Blair J. The Church in Anglo-Saxon Society. Oxford, 2005. 512 p.

13. Lawrence C.H. Medieval Monasticism: Forms of Religious Life in Western Europe in the Middle Ages. London, 2001. 230 p.

Автор публикации: Дыганов Вениамин Петрович, аспирант, кафедра всеобщей и публичной истории, Институт международных отношений, Казанский федеральный университет, Казань, Россия; email: weniaind@mail.ru.

English-language historiography of the Norman Conquest of England in the assessment of modern Russian scientists

V.P. Dyganov

Abstract. This article analyzes domestic articles on the problem of the Norman conquest over the past few years and identifies a common tradition of studying this problem. The relevance of the topic is justified by the inexhaustible interest of modern scientists in such an important and crucial event in history as the Norman conquest of England. As a result of the research, the author came to the conclusion that in recent years there have been several directions of research in the study of the Norman conquest of England. One of the directions is the incorporation of the history of the Norman conquest into the general context of the history of England. And another direction is to highlight and in-depth study of certain aspects of this event, for example, giving its ethnic component a dominant role.

Keywords: Norman Conquest, succession, Anglo-Saxon England, Norman England, historiography of the Norman Conquest.

For citation: Dyganov V.P. English-language historiography of the Norman conquest of England in the assessment of modern Russian scientists // Proceedings of the Society of Archeology, History and Ethnography at Kazan University. 2023. 43(1). P. 69–83. DOI: 10.26907/2312–3400.2023.1.69-83.

Author of the publication: Dyganov Veniamin Petrovich, PhD student, Department of World and Public History, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia; email: weniaind@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 27.01.2023

Принята к публикации / Accepted 27.03.2023

Специфика изображения фигур Зла в средневековых лицевых апокалипсисах

А.Ш. Рафикова¹,

Н.А. Шадрина²,

^{1,2} Казанский (Приволжский) федеральный университет,

Казань, Россия

¹ adeliarafikova7@gmail.com

² shadrina_nata@list.ru

Аннотация. В статье рассматриваются средневековые лицевые апокалипсисы как источники по иконографии образов Зла. В средневековье, не мыслимом без эсхатологического контекста, ожидания прихода Мессии и наступления Судного дня, перед мастерами стояла задача не только передачи содержания Откровения Иоанна Богослова, которое содержало каноническое описание Апокалипсиса, но и демонстрации мощи власти государства, специфики общественных настроений, и даже отдельных особенностей жизни заказчиков манускриптов. В этой связи представляет особенно интересным проследить, как в средневековых лицевых апокалипсисах трансформируется репрезентация образов Зла, выраженная через фигуры главных героев конца времен – Антихриста и его сподвижников. Особый интерес вызывает тот факт, что при создании образов Зла средневековые художники опираются не только на текст Откровения, но и на античные традиции, а также на отдельные образы, возникшие непосредственно в средневековом обществе. Так, в образе Зла репрезентуются сразу несколько важнейших категорий культуры – это, в частности, властность, воинственность, греховность. Следовательно, на примере трансформаций фигур Зла в лицевых апокалипсисах можно проследить не только с усложнение иконографических схем и появление новых традиций изображений, но и изменения уклада жизни средневекового общества, развитие судебного правосознания, а также процесс укрепления европейских монархий, расширения бюрократического аппарата.

Ключевые слова: лицевые апокалипсисы, Антихрист, эсхатология, Высокое Средневековье, образ Зла, Откровение, Иоанн Богослов, Страшный суд

Для цитирования: Рафикова А.Ш., Шадрина Н.А. Специфика изображения фигур Зла в средневековых лицевых апокалипсисах // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2023. Т. 43. № 1. С. 84–112. DOI: 10.26907/2312–3400.2023.1.84-112.

Проблема соотношения добра и зла в мире, попытка определить категории «добро» и «зло», а также вопрос о том, почему существует зло – это темы, которые всегда привлекали внимание людей. По отношению общества к данным категориям, отраженному в многочисленных и разнообразных источниках, можно судить о ключевых основаниях той или иной культуры на определенном этапе её развития. Настоящую «экспансию» в отношении трактовок образов зла, в том числе и визуальных, совершило средневековье, когда в условиях постоянных войн, голода и болезней, в обществе обостряются эсхатологические ожидания. В это время обращение к главной фигуре Зла – Дьяволу, как к источнику всех бед, и, в противоположность ему, к Христу – как к источнику спасения, становится особенно частым и выражается, в частности, в изображении в самых разных вариантах сцен Страшного суда и Второго пришествия. После длительного периода формирования канонических текстов Нового завета и самой противоречивой его части – Откровения Иоанна Богослова (посвященной, как известно, событиям Апокалипсиса) [1] – в христианском искусстве начинается масштабное обращение к апокалиптическим сюжетам [2, р. 27]. В период Высокого средневековья особо широкое распространение получают иллюминированные апокалипсисы – манускрипты, ключевой целью которых является изложение событий, описанных в Откровении Иоанна Богослова.

Крупнейший немецкий исследователь средневековых лицевых апокалипсисов Петер Кляйн связывает «популяризацию» текста Апокалипсиса с толкованиями Тихония и Августина Блаженного, благодаря которым этот неоднозначный и очень сложный для своего времени текст «утратил свою взрывоопасность и силу» [2, р. 28].

Несмотря на то, что окончательно канонический текст Нового завета был закреплен в 692 году [3, р. 115], сюжеты из Апокалипсиса начали появляться уже в римском монументальном искусстве начала V века [4, 5]. Самое же раннее свидетельство о живописном цикле, полностью посвященном Апокалипсису, относится к VII веку. Причем создание такого живописного цикла имело весьма прагматичный характер: как сообщает английский историк и теолог Беда Венерабилис (672–735), первый живописный цикл

был привезен в Нортумбрию аббатом Бенедиктом Бископом из поездки в Рим (676 год), где Апокалипсис был использован в качестве модели для настенной живописи в церкви аббатства Святого Петра Уэрмуте [2, p. 29].

К периоду Высокого средневековья формируется достаточно значительный корпус рукописей Апокалипсисов, который делится исследователями на группы в зависимости от времени и места их создания. Так, для раннего средневековья выделяет галльская группа (представлена циклом Апокалипсисов из Трира и Камбрэ, которая относится к северо-восточному франкскому региону VIII–IX века и предположительно воспроизводит старую христианскую модель V–VI века); итальянская группа (основана на утраченной итальянской ранней христианской модели V–VI века и имевшая влияние вплоть до Верхней Германии, к этой группе относятся Апокалипсис Валансьена и Бамбергский Апокалипсис школы Рейхенау (около 1000 года)); испанская группа (восходят к комментариям Беатуса из Лиебаны, VIII век), а также богатая традиция более поздних англо-французских апокалипсисов. [2, p. 28]

Средневековье разработало колоссальное количество образов Зла, как вербальных, так и визуальных, иконография которых имела самые разные воплощения и вариации. В лицевых апокалипсисах, тем не менее, можно встретить лишь несколько устойчивых иконографических типов Зла. Причем, это были не только описанные в Откровении классические апокалиптические персонажи – звери с суши и моря, а также Антихрист, но и образы, имеющие античные истоки. В связи с этим представляется интересным проследить, в каком контексте средневековые мастера обращались к образам Зла в лицевых апокалипсисах и какую трансформацию в искусстве подобные обращения претерпели.

В раннее средневековье, когда ещё не была сформирована единая устойчивая традиция изображений главных сцен Апокалипсиса, мастера вдохновлялись античными образами и заимствовали ряд элементов с античных фресок, саркофагов и рукописей. Так, например, доподлинно известно, что в основу Трирского апокалипсиса (созданного в период 800–825 гг.), лёг раннехристианский римский цикл иллюстраций Апокалипсиса VI века. Однако, франкские мастера значительно дополнили античную тради-

цию особыми специфическими чертами, позволяющими отнести Трирский апокалипсис именно к периоду Каролингов: это особое расположение текста в Трирском манускрипте, имеющее каролингское происхождение и детали франкского костюма (горбатые щиты, крылатые копья, а также появившаяся в то время у франков сбруя «чуммет»). [2, р. 28]

Если данные каролингские дополнения в Трирском апокалипсисе не вызывали у исследователей вопросов о принадлежности данных элементов именно к каролингской традиции, то вопрос о происхождении образов Зла в данном кодексе оставался долгое время дискуссионным. [6, 7] Считалось, что образы Зла, выраженные в таких иконографических типах, как крылатый дракон и эйдолон, были также каролингским приобретением, не характерным для античного искусства.

Таким образом, интересно выяснить, присутствовали ли такие фигуры Зла, как крылатый змей и эйдолоны в позднеантичном искусстве и какую трансформацию прошли данные иконографические типы уже в Средние века.

Проведя сравнительный анализ изображений крылатого змея из Трирского цикла (листы 37 г, 38 г, 39 г) и поиск подобных образов в античном искусстве, можно заключить следующее: данный иконографический тип существовал и в античном искусстве, что отражено в рельефах саркофагов II века н.э, особенно в изображениях колесницы богини Деметры, запряженной крылатыми змеями (рис. 1 и 2).

О том, что образы Зла существовали уже в римском цикле Апокалипсиса, и были заимствованы, а не вновь введены художниками из Трира, свидетельствует и следующее сравнение. Сцена с синими и красными крылатыми фигурками демонов, населяющих грешный город Вавилон в Трирском кодексе, напоминают нам демонов из позднеантичного кодекса *Vergilius Vaticanus*, ввергнутых в пещеру Аида с тенями мертвых (лист 67 г). [8] Подобные им фигурки в Трирском Апокалипсисе, иногда обнаженные, иногда одетые (листы 56 г, 57 г), могут быть отнесены к древнему типу эйдолонов, который был зафиксирован в раннехристианском искусстве с VI века, например, в сирийских Раббульских Евангелиях. (рис. 3–5).

Рис. 1 и 2. Трирский Апокалипсис. IX век. Закованный Сатана,
крылатый дракон и вооруженное франкское войско.
Саркофаг богини Деметры, запряженный крылатыми змеями

Рис. 3. Евангелие Рабулы, VI век. Исцеление бесноватого

Рис. 4. Позднеантичный кодекс
Vergilius Vaticanus. Эйдолоны,
ввергнутые в пещеру Аида с тенями мертвых

Рис. 5. Трирский Апокалипсис. IX век. Эйдолоны,
населяющие грешный город Вавилон

Милленаристские ожидания в Трирском апокалипсисе скорее преуменьшены, ведь сцены со Вторым пришествием Христа не столь часто представлены трирскими художниками, в отличие от апокалиптических фигур. Таким образом, задача демонстрации главного образа Зла – крылатого змея, и борьбы с ним была перво-степенной для творцов данного манускрипта.

Необходимо отметить, что художники из Трира были верны античному образцу Апокалипсиса. Нововведения касались лишь деталей одежды и расположения текста, а не образов Зла. Возможно, данная тенденция была продиктована тем, что у художников просто не было других образцов и они вынуждены были следовать за образцами позднеантичными. Необходимо также учитывать то, что, вероятно, в этот период не существовало и никаких внешних негативных стимулов к изменениям иконографических схем.

Как известно, государство франков во время создания данного апокалипсиса переживает значительный подъём – с 800 года провозгласив себя императором, а своё государство империей, Карл Великий осуществляет ряд успешных военных походов, благодаря чему держава Каролингов стремительно разрастается. Возможно, именно поэтому и в визуальных источниках того времени особое внимание уделено как раз военным столкновениям земных войск.

В Трирском апокалипсисе же, подчеркнутое обращение к профанным элементам, стремление передать особое обмундирование франкских воинов, и, вместе с этим, доблесть воинов, воплощенную в сценах битв с фигурами Зла, позволяют продемонстрировать трирским художникам военную мощь своего государства. Художники доносят до зрителя/ читателя мысль о том, что в случае войны битву придётся вести в реальности, на земле, усилиями земных государей и простых воинов. Несмотря на то, что всё Средневековье было пронизано христианской идеологией, даже в таких глубоко религиозных текстах, как лицевые апокалипсисы, можно увидеть множество светских, связанных с развитием государства и общества, аспектов.

Не стоит также забывать, что в период создания Трирского апокалипсиса франкское общество переживает настоящее возрождение. Каролингская культура являлась, прежде всего, культурой книги. Вместе с этим реформы в сфере образования коснулись не

только текста и его наполнения, но и художественных образов. Настояния «иконоборческого» Франкфуртского синода 794 года касались прежде всего оформления священных текстов и в какой-то степени были направлены против повествовательных изображений. [9, с. 191–203]. Согласно церковным представлениям, повествовательное изображение могло привести к ереси и даже к идолопоклонству – ведь если изображение окажется некорректным, оно исказит Слово Божие для людей, не знающих грамоты. Именно поэтому долгое время во франкском искусстве преобладает символическая манера описания событий. Тем не менее, нарративная миниатюра все-таки зарождается в каролингском искусстве около 800 года, в одном из провинциальных скрипториев – ярким подтверждением тому является исследуемый нами Трирский апокалипсис, украшенный 74 полностраничными миниатюрами. Именно благодаря упрощенной и более натуралистичной форме изображения, рукописи нарративного характера становятся наиболее пригодными для передачи идеологического содержания. Изображения там соответствуют потребностям разнородного населения, объединенного единой верой.

Еще одним примером нарративного изображения, в иконографической программе которого отражаются те или иные аспекты развития средневекового общества, является Апокалипсис из Бамберга, шедевр оттоновской книжной миниатюры. Кодекс относится к последним годам правления императора Оттона III (около 1000 / 1001 гг.) и, вероятно, первоначально предназначалась для его придворной капеллы. Именно здесь предпринимается первая попытка оторваться от античной традиции и создать новую, упрощенную и более понятную для зрителя версию Апокалипсиса.

Бамбергский Апокалипсис представляет ценность еще и потому, что в нем появляются принципиально новые сюжеты, в частности сюжет освобождения Сатаны из тысячелетнего заточения демоном, не упомянутый в библейском тексте. Появление этого сюжета особенно важно, поскольку подчеркивает уже не идею наступления тысячелетнего царства Христа, а именно разрушение мира в конце времен, т.е. эсхатологические ожидания приобретают более драматичные черты. Ссылка на ожидание последних времен,

присутствует и в словах современника того периода бургундского хрониста, монаха-бенедектинца и автора «Истории своего времени в пяти книгах» Родульфуса Глабера (985–1047): «все это согласуется с пророчествами Иоанна, который говорил, что Сатана будет освобожден после тысячи лет». [2, р. 30]

Действительно, в десятилетия, предшествовавшие началу нового тысячелетия, существовали сектантские группы, ожидавшие конца света к наступлению тысячного года. [2, р. 31] Однако, не следует воспринимать создание Бамбергского Апокалипсиса лишь в узком контексте ожидания конца света в 1000 году, поскольку главные сцены именно апокалиптических событий, установление небесного царства Христа на земле (Апк 20, 4–6) [1] появления Христа на облаках (Апк 1, 7), катастроф после открытия шестой печати (Апк 6, 12–17) в Бамбергском Апокалипсисе нет, в отличие от Апокалипсиса Беата и Трирского Апокалипсиса.

Таким образом, эсхатологические элементы в Бамбергском Апокалипсисе скорее приуменьшены, чем преувеличены, и можно предположить, что Оттон III и его советники осознавали актуальность Апокалипсиса и особенно его отрывка об освобождении Сатаны после тысячи лет, но не разделяли соответствующих миллениаристских ожиданий некоторых сектантских групп.

Художники-монахи аббатства Рейхенау, где был создан Бамбергский кодекс, стремились, прежде всего, создать выразительное, художественно впечатляющее воспроизведение библейского текста, без каких-либо особых экзегетических или догматических намерений. В то же время они лучше всего сохранили раннесредневековую центральноевропейскую традицию иллюстрирования Апокалипсиса. Особенно это прослеживается в стремлении к строгой симметричной композиции, что иногда даже приводит к отклонениям от библейского текста. В иллюстрации битвы Михаила и его ангельского воинства против сатанинского дракона (Апк 12, 7–12), бамбергские мастера (лист 30 v) уменьшили ангелов до двух симметрично соответствующих фигур (по сравнению с Трирской картиной (лист 38 г), но прежде всего зеркально-симметрично удвоили дракона в нижней зоне, даже при том, что в библейском тексте говорится только об одном драконе (Рис. 6 и 7).

Таким образом, в Бамбергском апокалипсисе изменения в репрезентации фигур Зла были продиктованы, скорее, организацией самого изображения, принципами симметрии и упрощения, а не возросшими в обществе эсхатологическими ожиданиями.

Рис. 6 и 7. Бамбергский Апокалипсис (ок 1000)
Связывание и освобождение Дьявола

Рис. 8. Зеркальное изображение схватки Ангела
и крылатого дракона

В то время как большинство центральноевропейских традиций Апокалипсиса более или менее взаимосвязаны, и, в конечном итоге, восходят к позднеантичному римскому архетипу, иллюстрации к комментарию к Апокалипсису, выполненные североиспанским священником-монахом Беатом из Лиебаны (после 800 г.), представляет собой отдельную художественную традицию. Хотя самый старый сохранившийся фрагмент Беатусов (списков рукописи Беата) датируется концом IX века, комментарий был иллюстрирован в своей первоначальной версии в 776 / 784 гг. [10] Почти все Беатусы были созданы в Испании, а их иллюстрированные копии представляя собой отдельную традицию, которая, вероятно, восходит к поздним древнеиспанским или североафриканским источникам. Текстуально и иконографически кодексы Беатусов делятся на две группы: рукописи старшей версии, относящиеся к эпохе Беата Лиебанского (776 / 784 гг.), и рукописи младшей версии, созданные уже после его смерти и датируемые примерно 940 г. [10] Старшая версия обычно имеет меньший формат, ее довольно скромные изображения обычно иллюстрируют только текст Апокалипсиса. В этой первоначальной версии комментарий Беата, вероятно, был предназначен, в первую очередь, для монашеской практики духовного чтения Библии (“lectio divina”), где изображения предназначались для визуального запоминания библейского текста. [2, р. 31] С появлением более поздних версий X века, [11] функция рукописей Беатусов изменилась: теперь они в основном использовались для литургических чтений, таких как Месса. [2, р. 32] В соответствии с этим изменением в использовании, они теперь создавались как крупноформатные великолепные рукописи, с большим количеством полностраничных или даже двухстраничных иллюстраций, а также с четким расширением описи текста и изображений. [2, р. 32]

На некоторых иллюстрациях более поздних версий присутствуют отдельные исламские мотивы, происхождение которых восходит к ситуации, сложившейся на тот момент на Пиренейском полуострове, который, практически полностью, за исключением северных территорий, был захвачен мусульманами еще в начале 8 века.

Таким образом, испанская традиция лицевых апокалипсисов демонстрирует нам колоритную картину средневековых пред-

ставлений об Апокалипсисе. Яркие краски, широкие развороты с полностраничными изображениями Зла держат читателя/зрителя в напряжении. Вероятно, именно в таком состоянии зарождалась иконографическая традиция Беатусов – как известно, сам Беат Ли-ебанский был крайне уверен в наступлении конца света в 800 году.

Несмотря на специфический стиль испанских рукописей, с их яркой контрастной колористикой, трактовка фигур, олицетворяющих Зло, здесь вполне, если можно так выразиться, классическая. На страницах манускриптов мы можем увидеть главных героев Апокалипсиса – крылатого змея и апокалиптического зверя. При этом тема наказания человечества за грехи практически отсутствует. Интересно и то, как показан закованный в конце времен Дьявол – здесь он не просто связан цепями, как это обычно демонстрирует северная традиция, а заперт в клетке.

Рис. 9 и 10. Беатус Фукундус.
Крылатый змей и закованный в клетке Дьявол

Иллюстрации Апокалипсиса в период Высокого Средневековья относительно однородны по стилю. Прежде всего, здесь следует упомянуть «англо-французскую» группу иллюстрированных рукописей XIII–XV вв., из которой возникла, в частности, позднесредневековая немецкая традиция.

На формирование англо-французской апокалиптической традиции, по мнению исследователей, могли повлиять сочинения Иоахима Флорского (1130–1202), которые и вдохновляли иллюстраторов на новые разработки. Для сравнения стилей иллюстрирования Апокалипсисов в данный период необходимо также рассмотреть Апокалипсис Дайсон-Перринса, изготовленный около 1250 года предположительно в Лондоне. Причем, здесь автор опирается не на комментарии Иоахимом Флорским, а на сочинения монаха Беренгаудуса, труд которого, составленный в IX веке, был чрезвычайно широко распространен в северной Европе. В манускриптах данной группы всё явственнее проступает стремление художников отойти от религиозного контекста и сделать акцент на жизни современной им аристократии. Первоначально английские апокалипсисы предназначались только для священнослужителей, поэтому они были написаны на латыни и снабжены довольно простым изобразительным оформлением. Со временем оформление и наполнение английских апокалипсисов значительно меняется: тексты теперь пишутся на англо-нормандском языке, старофранцузском наречии английской знати и украшаются великолепными иллюстрациями с большим количеством золота и серебра, а также заметным количеством сцен сражений и жанровых элементов. Исследователи справедливо полагают, что подобный стиль оформления подразумевал использование данных рукописей не только для религиозного назидания, но для эстетического наслаждения и образованного развлечения придворных, «подобно чтению современных рыцарских романов» [2, р. 33].

Изображение Зла в английских апокалипсисах также переживает огромную трансформацию: мы можем увидеть, что снаряжение апокалиптических зверей здесь подобно снаряжению лошадей земных войск – они одеты в попоны и сбрую; Антихрист представлен в одеянии идентичном человеческому, он и царь, и воин с соответствующими атрибутами – в короне, с державой и скипетром, в мантии со щитом и мечом (рис. 11–12).

В связи с укреплением европейских монархий, возрастанием роли бюрократии и развитием правового сознания граждан, меняется жестика и атрибутика образов Зла в иллюминированных апокалипсисах. Например, в Апокалипсисе леди де Куинси мы можем

заметить, как мастер запечатлевает и момент совершения договора между Антихристом и высшими силами, и момент его расторжения. Как и подобает царственной особе, Антихриста сопровождает бес-советник и даже бес-писарь (рис. 13–14).

Рис. 11. Троицкий Апокалипсис, XIII век

Рис. 12. Англо-нормандский Апокалипсис
Гульбенкянского музея

Рис. 13 и 14. Апокалипсис леди де Куинси в Лондоне.
Ламбетский дворец

Кроме того, значительно расширился круг пользователей и читателей подобного рода произведений, в него вошли и низшее дворянство и низшее духовенство, а, следовательно, увеличилось и количество книг - число сохранившихся иллюстрированных апокалипсисов удвоилось по сравнению с XIII веком. [2, р. 33]

С возрастанием профанных элементов в поздних рукописях апокалипсиса всё более и более опускается религиозный контекст. На смену изображениям отвлеченно-религиозного свойства приходят изображения современной аристократии. В апокалипсисах среди таких элементов – многочисленные фигуры зрителей, изображающие покровителей Иоанна, которые здесь представлены в облачении придворных. Придворных в них выдают, помимо прочего, элегантные позы и жесты. Кроме того, подобным Апокалипсисам присуще большое количество сцен разнообразных сражений и осад, достаточно детально здесь представлено рыцарство.

Так, например, битва Христа-всадника против семиглавого зверя и сатанинского люрфоа (Апк 19, 19) переосмыслена в духе, своего рода, рыцарского поединка, в котором обе стороны нападают друг на друга с копьями, а битва морского зверя против святых (Апк 13, 7–10) превращена в сражение тяжеловооруженного отряда рыцарей против чудовища (лист 31). [1]

Схожий мотив прослеживается и в Апокалипсисе Гульбенкянского музея в Лиссабоне. [12] Слева изображён Антихрист, величественно восседающий на троне и отдающий приказы казнить

Еноха и Илию, два палача выполняют его приказ, а справа звери из бездны нападают на двух свидетелей, лежащих поверженными на земле, и трактовка этой сцены крайне приближенной к изображению рыцарских боев. Возможно, мастер хотел подчеркнуть противоборство двух фигур, выразив его понятным зрителю языком. Данное изображение интересно еще и тем, что художнику здесь удалось совместить как буквальное, так и символическое прочтение Апокалипсиса, показать образ Антихриста и как зверя, и как лжепророка. Оба прочтения соединены в центре картины. Здесь один из палачей антихриста с левой стороны картины хватается за волосы одного из павших свидетелей с правой стороны. Как считает американский историк-искусствовед Джордж Хендерсон, данная сцена сочетает в себе обе традиции англо-нормандского цикла (антропоморфный и звериный Антихрист), обеспечивая, по его словам, им «механическое слияние». Иллюстрация эффективно доносит до зрителя заложенный в сцене накал: палачи Антихриста (изображенные слева) соединяются в одной точке с апокалиптическим зверем (изображенным справа) [13].

Рис. 15. Англо-норманский Апокалипсис Гульбенкянского музея в Лиссабоне. Fol. 26

Придворные и профанные элементы настолько глубоко проникают в пространство священного текста, что порой затмевает изначальный религиозный контекст. Рукописи теперь служат не только для чтения и обучения монахов, но и для развлечения светских элит, происходит своеобразное «обмирщение» и упрощение как языка текста, так и смыслов, заложенных в нём. Несмотря на это, эсхатологические аспекты всё же, возможно, вызывают отторжение и страх в высших кругах, именно поэтому мастера сознательно преуменьшают эсхатологический контекст в лицевых апокалипсисах.

Таким образом, мы можем проследить значительную трансформацию образов Зла в средневековых лицевых апокалипсисах. В период раннего средневековья мы видим лишь зарождение традиции изображения Зла, которая, очевидно, восходит к поздней античности, видоизмененная и дополненная средневековыми мастерами. Так, иллюстраторы Трирского апокалипсиса значительно переработали античную традицию и преобразовали как образы античных эйдолонов, так и образ крылатого змея. Иконография эйдолонов, которые в античности были представлены как крылатые фигурки, олицетворяющие душу человека, в Средние века приобретает негативные коннотации. В Трирском апокалипсисе художники отводят эйдолонам особое место: они – души нечестивцев, населяют грешный город Вавилон.

В средневековых лицевых апокалипсисах приобретает новые черты и иконография крылатого змея. В образах богини Деметры, в колесницу которой часто был запряжён крылатый змей, мы усматриваем, прежде всего, символ плодородия. Переноса некоторые черты змея в средневековые апокалипсисы, мастера иллюстраторы на первый план выносят агрессивную составляющую его образа. Теперь это крылатое существо больше напоминает дракона и противостоит ангелам и войскам праведных. В раннее средневековье образ крылатого змея-дракона мы лишь отдаленно соотносим с фигурой Левиафана, главного апокалиптического зверя. Дракона, наделенного всеми классическими атрибутами апокалиптического Левиафана (7 головами, 10 рогами и коронами), мы видим наиболее полно не в Трирском и даже не в Бамбергском, а в апокалипсисе Беата.

Лишь в англо-французских лицевых апокалипсисах апокалиптические персонажи показаны во всем многообразии. Художники здесь уделяют внимание как образам зверя с суши (Бегемота) и зверя с моря (Левиафана), так и образу Антихриста. В связи с укреплением европейских монархий, расширением бюрократии, ростом судебного правосознания в средневековом обществе, в лицевые апокалипсисы оказываются вплетено большое количество властных, светских элементов. Данный аспект отражается и в иконографии Зла. Антихрист показан царственно восседающим на Левиафане, раздающий приказы своим подчиненным, военные столкновения переосмыслены как рыцарские поединки. Данные трансформации в изображении фигур Зла были вызваны рядом причин, среди которых, в частности, изменение назначения лицевых апокалипсисов и их аудитории, к которой добавляется, помимо служителей церкви, светская элита.

Необходимо отметить и тот факт, что, зачастую, при изображении положительных и отрицательных персонажей художники использовали принципы симметрии и противопоставления, что, с одной стороны, уравнивало композицию произведения, а с другой, усиливало антитезу «добро – зло».

Библиография

1. Библия, или Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. URL: <https://archive.org/details/bibliailiknigis00sankuoft/mode/2up> (дата обращения: 08.03.2023).
2. Klein P.K. Traditionen und Etappen der mittelalterlichen Apokalypse Illustration // *Apocalypse Now! : Visionen von Schrecken und Hoffnung in der Kunst vom Mittelalter bis heute* / Hrsg. von H. Höfchen, C. Zuschlag. München, 2014. S. 27–39.
3. Рассел Дж. Б. Люцифер. Дьявол в средние века. СПб.: Евразия, 2001. 447 с.
4. Ihm Ch. Die Programme der christlichen Apsismalerei vom vierten Jahrhundert bis zur Mitte des achten Jahrhunderts. Wiesbaden, 1992. 255 S.
5. Kinney D. The Apocalypse in Early Christian Monumental Decoration // *The Apocalypse in the Middle Ages* / Ed. by R.K. Emmerson, B. McGinn. Ithaca and London: Cornell University Press, 1992. P. 200–216.
6. Juraschek F. Die Apokalypse von Valencienne (Linz a. d. Donau, Schillerplatz 2: Ges. f. die österr. Forschung an früh- u. hochmittelalterl. Denkmälern), 1954. S. 26–34.
7. Brenk B. Tradition und Neuerung in der christlichen Kunst des ersten Jahrtausends. Studien zur Geschichte des Weltgerichtsbildes. Bd. 3. Wien : Wiener Byzantinische Studien, 1966. 170 S.

8. Vergilius Vaticanus. URL: https://digi.vatlib.it/view/MSS_Vat.lat.3225 (дата обращения: 24.06.2022)
9. Сидоров А. И. В ожидании Апокалипсиса. Франкское общество в эпоху Каролингов, VIII—X века. СПб.: Наука, 2018. 223 с.
10. The Illustrated Beatus: a corpus of the illustrations of the commentary on the Apocalypse by John Williams. L., 2002. 356 p.
11. The Girona Beatus // Museu de la Catedral de Girona. Num. Inv. 7(11). 284 fols. – URL: <http://www.pedresdegirona.cat/beatus.htm>.
12. Апокалипсис Гульбенкянского музея. URL: https://gulbenkian.pt/museu/en/works_museu/apocalypse/ (дата обращения: 24.06.2022).
13. Henderson, G., Studies in English Manuscript Illumination. L: Journal of the Warburg and Courtauld Institutes, 1967. 104 p.

Авторы публикации: Рафикова Аделя Шавкатовна, магистрант, кафедра всеобщей и публичной истории, Институт международных отношений, Казанский федеральный университет, Казань, Россия.

Шадрина Наталия Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент, кафедры всеобщей и публичной истории, Институт международных отношений, Казанский федеральный университет, Казань, Россия; shadrina_nata@list.ru.

The specificity of the image of the figures of Evil in the medieval illustrated Apocalypses

A.Sh. Rafikova, N.A. Shadrina

Abstract. The article deals with medieval facial apocalypses as sources for the iconography of the images of Evil. In the Middle Ages, inconceivable without an eschatological context, waiting for the coming of the Messiah and the coming of the Day of Judgment, the masters faced the task of not only conveying the content of the Revelation of John the Theologian, which contained a canonical description of the Apocalypse, but also demonstrating the power of the power of the state, the specifics of public sentiment, and even individual features the lives of the customers of the manuscripts. In this regard, it is especially interesting to trace how the representation of the images of Evil is transformed in medieval facial apocalypses, expressed through the figures of the main characters of the end of time - the Antichrist and his associates. Of particular interest is the fact that when creating images of Evil, medieval artists rely not only on the text of Revelation, but also on ancient traditions, as well as on individual images that arose directly in medieval society. So, in the image of Evil, several most important categories of culture are represented at once - these are, in particular, dominance, militancy, sinfulness. Therefore, using the example of the transformations of the figures of Evil in the facial apocalypses, one can trace not only the complication of iconographic schemes and the emergence of new traditions of images, but also the changes in the way of life of medieval society, the development of judicial awareness, as

well as the process of strengthening European monarchies, expanding the bureaucratic apparatus.

Keywords: illustrated apocalypses, Antichrist, eschatology, High Middle Ages.

For citation. Rafikova A.Sh., Shadrina N.A. The specificity of the image of the figures of Evil in the medieval illustrated Apocalypses // Proceedings of the Society of Archeology, History and Ethnography at Kazan University. 2023. 43(1). P. 84–102. DOI: 10.26907/2312–3400.2023.1.84-102.

Authors of the publication: Rafikova Adelia Shavkatovna, MA student, Department of World and Public History, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia.

Shadrina Natalia Anatolievna, PhD in History, Docent, Department of World and Public History, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia; shadrina_nata@list.ru.

Поступила в редакцию / Received 1.03.2023
Принята к публикации / Accepted 27.03.2023

Образы средневекового рыцарства в современной массовой культуре

А.С. Глухова¹,

Н.А. Шадрина²,

^{1,2} Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, Россия

¹ gluhovaanastasia27@gmail.com

² shadrina_nata@list.ru

Аннотация. На сегодняшний день кинематограф является едва ли не самым доступным продуктом массовой культуры, в пространстве которого формируется, в том числе и образ тех или иных исторических эпох. Именно это делает кино важным источником для изучения формирования массовых представлений об истории. С другой стороны, особый интерес вызывает обращение современной культуры к эпохе средневековья в поиске тех или иных идей важных и актуальных в современном мире и стремление найти истоки определенных актуальных явлений и процессов в далеком прошлом. Таким образом, в центре данного исследования находится анализ образов средневекового рыцарства, воплощенных в кинематографе первого десятилетия XXI века (2001–2010 гг.) с целью выявления основных тенденций в репрезентации рыцарства в современной массовой культуре, а также тех целей, которые ставят перед собой авторы художественных фильмов, обращаясь как к средневековью в целом, так и к образу рыцарства в частности. Помимо этого, была предпринята попытка выявить наиболее актуальные для массового кинематографа XXI века варианты трактовки феномена средневекового рыцарства и те современные топики, которые трактуются через образ рыцаря.

Ключевые слова: образ средних веков, образ средневекового рыцаря, современная массовая культура, кинематограф, публичная история, медиэвализм.

Для цитирования: Глухова А.С., Шадрина Н.А. Образы средневекового рыцарства в современной массовой культуре // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2023. Т. 43. № 1. С. 103–112. DOI: 10.26907/2312–3400.2023.1.45-112.

Исторические сюжеты на протяжении практически всей истории культуры служили источником вдохновения для писателей,

поэтов и художников, не стали здесь исключением и кинорежиссеры. Причем, кинематограф, как специфический вид искусства, способный за счет разнообразных аудиовизуальных художественных средств создавать максимально яркие и запоминающиеся образы, становится на сегодня одним из важнейших источников исторического знания для массового потребителя. Кинематограф, безусловно, касается самых разных исторических эпох, однако, зачастую, на отдельных из них, очевидно, наиболее привлекательных для зрителя, делает особый акцент. Такой популярной с точки зрения массового кино является эпоха Средневековья. Благодаря доступности кинематографа и широкой растражированности создаваемых им образов, именно кино может стать одним из объектов для изучения истоков массовых представлений о той или иной исторической эпохе, в частности эпохе Средних веков.

В целом, работы по изучению кинематографа как источника, который может быть использован в историческом исследовании – сравнительно недавнее явление. Так, на сегодняшний день в исторической науке существует дискуссия, связанная с вопросом об уместности отнесения внеэпохальных фильмов к историческим источникам, поскольку бытует мнение о том, что только фильмы, снятые в конкретную эпоху, могут служить источником по изучению именно этой эпохи [1, р. 44–47]. Однако в случае данного исследования кинематограф будет выступать в роли источника по изучению образов прошлого в современной культуре, т.е. станет источником по публичной истории, в котором, в той или иной степени, безусловно, отражается и контекст того периода, когда данный фильм был снят.

Обращение кинематографа к средневековым сюжетам не случайно. Средние века актуальны в современности по целому ряду причин. С одной стороны, благодаря тому, что средневековое культурное наследие частично сохранилось до сегодняшнего момента [2, с. 250] и окружает нас в повседневной жизни, в связи с чем именно средневековье, зачастую, является своеобразной опорой национально-культурной идентичности того или иного народа или государства (многие существующие ныне государственные образования формировались именно в Средние века, для них обращение к средневековью – это обращение к собственной истории), с дру-

гой, из-за усложнения художественного нарратива и появления всё новых и новых форм распространения средневековых сюжетов (в частности, разнообразные новые форматы передачи информации в сети Интернет), а также из-за омассовления культуры, подразумевающего стилистические и структурные изменения нарратива о Средневековье ориентированного на широкого потребителя [3, с. 397]. В итоге, именно в XXI веке интерес к художественному воплощению образов средневековья в кинематографе достигает апогея.

Развитие технического прогресса также способствует расширению обращения кинематографистов к средневековым сюжетам. Распространившаяся в конце XX века компьютерная графика, существенно упрощает и удешевляет кинопроизводство [4, с. 11], в результате чего становится проще и выгоднее снимать в том числе и масштабные фильмы, посвященные такой сложной для художественного воплощения эпохе, как эпоха Средневековья. При этом расширяются возможности разнообразных интерпретаций данного исторического периода.

Появляются кинопродукты, своеобразно представляющие эпоху средневековья, избирая некоторый средневековый антураж как пространство, в котором разворачивается основное повествование фильма, сюжет которого полностью вымышлен и не имеет под собой никакой исторической подосновы. К таким фильмам относятся: экранизация романа Дж.Р.Р. Толкина – кинотрилогия «Властелин колец» 2001–2003 года Питера Джексона [5]; мультфильм «Шрек» 2001 года Эндрю Адамсона [6] с образом альтернативных Средних веков, созданным для детей, и наполненным сатирой; а также экранизации двух первых романов Джоан Роулинг из её эпопеи о «Гарри Поттере» Криса Коламбуса [7] с множеством средневековых элементов на всем протяжении повествования (от школы Хогвартс, которая располагается в средневековом замке, до рыцарей-призраков и заклинаний, отсылающих к алхимическим экспериментам). Все эти фильмы получили высокое признание и огромный отклик у зрителей и дали толчок к созданию множества других кинопродуктов в подобной стилистике, подогревая, параллельно, интерес публики к историческому средневековью.

В 2001 году выходят сразу два фильма посвященных средневековому рыцарству – «Черный рыцарь» Джила Джангера [8] и «История рыцаря» Брайана Хелгеленда [9]. Оба эти фильма продемонстрировали совершенно безжалостное отношение к истории и отсутствие какого-либо соотнесения их собственной художественной интерпретации образа рыцаря с представлениями, сложившимися в исторической науке. Оба фильма созданы в жанре комедия, при этом в первом из них средневековье необходимо только для как пространство повествования и образ этой эпохи, также, как и образ рыцарства, не претендует ни на какую историчность. Главные герои фильма «Черный рыцарь» совершает путешествие в средневековье, что позволяет авторам картины в буквальном смысле смешать историю и современность (современность, безусловно, всегда присутствует в любом историческом фильме, однако, чаще всего, лишь косвенно). Создание образа рыцаря в данном фильме строится по принципу от обратного: стереотипные представления о средневековом рыцарстве, бытующие в современной культуре, переворачиваются и создается своеобразный рыцарь-антипод. При этом какого-то нового, оригинального прочтение фигуры средневекового рыцаря не происходит. Фильм «История рыцаря» несколько больше обращается к историческому нарративу, но при этом также использует лишь устоявшиеся и, порой, давно опровергнутые в науке стереотипы. Так, образ рыцаря раскрывается в фильме, в основном, с опорой на следующие главные темы: рыцарское ученичество (путь от сквайра до титулованного рыцаря), рыцарская этика и ее отличие от этики других социальных групп, рыцарь как участник турниров, воинский престиж рыцарства и куртуазная любовь. Акцентируя внимание на этих темах, авторы фильма конструируют следующий образ рыцаря: человек благородного происхождения, выставляющий любые свои действия напоказ, который похваляется своими победами, выбирает лучшую женщину, даже если она не соответствует ему по статусу, статусу, который выстраивается за счет побед в турнирах.

В результате повествовательные стратегии, выбранные авторами данных фильмов, оказались довольно значимое влияние на последующие фильмы о средневековье, снятые в комедийном жанре. При этом подобные фильмы не ставят своей целью создание

образа средневековья с опорой на исторический нарратив, но, тем не менее, будучи довольно популярными среди зрителей, формируют в сознании массовой публики определённый образ Средних веков.

В промежутке с 2001 по 2010 годы на экраны вышел 51 фильм, сюжетно затрагивающий Средневековье и, в частности, тему рыцарства. Представление рыцарей в фильмах обычно многоплановое, поэтому один фильм может включаться в несколько категорий. Так из 51 фильма, снятого с 2001 по 2010 год рыцари представлены как:

- Военно-аристократическое сословие – 34 фильма;
- Рыцари мира фэнтези – 16 фильмов;
- Орденное рыцарство, крестоносцы – 14 фильмов;
- Легендарное и полуполулегендарное рыцарство – 11 фильмов;
- Сатирические рыцари – 8 фильмов;
- Кургуазные рыцари – 7 фильмов.

В 66,7% этих фильмов рыцари изображены как представители военно-аристократического сословия, обладающие не только специфическим визуальным обликом, но и определёнными этическими и идеологическими установками. В 31,4 % фильмов рыцари представляют собой фэнтезийных воинов, которые охраняют замки и сражаются с чудовищами, будь то ведьмы или драконы. Нередко в таких фильмах рыцарей наделяют волшебными качествами. В 27,5% фильмов представлены рыцари как члены военно-монашеских орденов и рыцари-крестоносцы. В таких фильмах акцент делается на приверженности рыцарей христианскому вероучению, что выражается даже в их костюме (рыцари здесь одеты, зачастую, в белые одеяния с красными крестами). В 21,6% фильмов демонстрируются рыцари, являющиеся героями средневековых легенд, чаще всего – это рыцари круглого стола из английского цикла легенд о короле Артуре. В 15,7% фильмов рыцари представлены в сатирическом, а в 13,7% - в романтическом ключах. В последнее группе сюжет фильма выстраивается вокруг любовной линии, и рыцарь совершает подвиг во славу любимой женщины.

Очевидно, что на производство фильмов, которые, предположительно, вызовут наибольший отклик у публики, выделяется больше всего средств. Таким образом, исходя из данных о бюд-

жетах того или иного кинопроизводства мы можем сделать выводы о том, какие темы и сюжеты, связанные со средневековым рыцарством, представляются наиболее востребованными в массовой культуре, по мнению кинематографистов.

Для выявления представлений о том, какой именно образ рыцаря может максимально заинтересовать массовую публику и, следовательно, принести наибольший доход, необходимо обратиться к наиболее высокобюджетным фильмам на данную тематику. Так, в фильме «Робин Гуд» (бюджет 200 млн \$) [10] образ рыцаря выстраивается через противопоставление его главному герою, следовательно, раскрывается феномен рыцарства довольно однобоко. Рыцарство здесь – лишь часть государственной машины во главе с королем, рыцарям не присуща этика и чувство долга. Они – конные воины в единой форме, несправедливые и жестокие. В дихотомии «простой народ против государства», которая является главной идеей фильма о Робине Гуде, именно рыцари становятся олицетворением образа государства. В качестве антипода главного героя рыцарь представлен и в фильме «Другой мир 2: Эволюция» (бюджет 50 млн \$) [11]. Следовательно, стратегия изображения рыцаря не в качестве главного персонажа, а лишь в качестве антипода главного героя, посредством которого черты протагониста становятся более яркими, является достаточно распространенной. Можно предположить, что это связано с идеей о наличии в создании массового зрителя некоторого устоявшегося образа рыцаря, от которого зритель может отталкиваться в построении своих представлений о главном герое фильма.

В отдельную группу необходимо выделить фильмы, специально обращающие внимание на феномен рыцарства, затрагивающие, в первую очередь проблемы рыцарской этики и жизненных принципов. Например, фильм «Беовульф» 2007 года (бюджет 150 млн \$) [12], в котором повествование не строится непосредственно на образе рыцаря, однако демонстрируется рыцарская доблесть. Или же фильм «Царствие небесное» 2005 года (бюджет 130 млн \$) [13], поднимающий вопросы рыцарской этики и основных принципов жизни рыцаря. Особый акцент на проблемах рыцарской этики ставится и в «Короле Артуре» 2004 года (бюджет 120 млн \$) [14], и во «Времени ведьм» (бюджет 40 млн \$) [15]. Таким образом, можно

утверждать, что рыцарство как феномен призвано стать для массового зрителя специфическим образцом должного поведения, основанного на принципах чести, доблести, отваги, и прочих идеях, лежащих в основе рыцарской этики и одобряемых современным обществом.

К последней группе можно отнести фильмы, в которых происходит романтизация рыцарства. Так, например, в фильме «Код да Винчи» (бюджет 125 млн \$) [16] образ рыцаря фигурирует в изложении истории тайных обществ. Рыцари здесь – это образованные воины, защищающие свой орден, мирных жителей, а также великие тайны, при этом они показаны односторонне и исключительно в положительном ключе. Схожим образом рыцарство представлено в фильме «Кольца дракона» (бюджет 32 млн \$) [17]. Здесь в образе рыцарства присутствуют куртуазные мотивы, воплощенные в идее борьбы с нечистой силой во имя любви. В фильме «Храбрые перцем» (бюджет 49,9 млн \$) [18] встречаются два противоположных образа рыцаря, один из которых чрезмерно романтизирован (что соответствует стратегии выстраивания образа рыцаря, представленной в данной группе), а другой является антиподом первого. Романтизация также является одной из самых распространённых стратегий выстраивания образа средневекового рыцаря в массовой культуре, поскольку основана на широко известном и глубоко укоренившемся стереотипе о рыцарстве.

Из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что коммерчески ориентированный кинематограф первого десятилетия XXI века при раскрытии образа средневекового рыцарства ориентировался на три основные стратегии:

- 1) репрезентация образа рыцаря как антипода главного героя (рыцарь предстает в негативном ключе)
- 2) создание приближенного к историческому образу рыцаря с акцентом на рыцарской этике;
- 3) конструирование романтического образа рыцаря, основанного на расхожих массовых представлениях

На сегодняшний день все большую актуальность приобретает изучение формирования образа исторических эпох, отдельных событий и исторических персонажей в массовом сознании, поскольку исторический материал становится всё более и более востребован

в публичном пространстве. Кинематограф является источником по публичной истории, поскольку в кинематографических текстах, с одной стороны, отражаются представления массовой культуры об определенных исторических феноменах, а с другой стороны, кино само по себе является источником формирования подобного рода представлений.

Рыцарство, будучи одним из важнейших феноменов средневековья, привлекает особое внимание кинематографистов. При всем разнообразии образов рыцарства, воплощаемых в кинематографе, можно, тем не менее, выделить две главные тенденции в их интерпретации. С одной стороны, авторы стремятся в образе рыцаря воплотить некий морально-этический идеал, задачей которого становится привить зрителю идеи нравственности и гуманности. С другой, рыцарь может предстать перед зрителем и как негативный персонаж, лишенный каких-либо ценностей и способный на самые страшные злодеяния, отчасти потому, что наделен властью и владеет оружием.

При этом основной целью массового кинематографа всегда является получение максимальной коммерческой выгоды, а для достижения этой цели авторам необходимо было решить задачу конструирования понятных и доступных массовому зрителю образов средневекового рыцарства. Авторам фильмов наиболее привлекательным для массового потребителя видится образ рыцаря, в основу которого положены простые и широко распространенные стереотипы. С одной стороны, это благородный воин, защищающий слабых, с другой – романтический герой, действующий во имя любви. Однако, довольной большой популярностью начинает пользоваться и образ жестокого рыцаря, добивающегося собственных целей или целей, который ему навязаны властью, при помощи насилия. Тем не менее, очевидно, что массовый кинематограф, опираясь в своих повествовательных стратегиях на стереотипные представления, закрепляет их в сознании зрителей, транслируя через эти образы не представления об истории как таковой, а определенные проблемы и идеи, существующие в современных реалиях.

Библиография

1. Deshpande A. Films as Historical Sources or Alternative History // Economic and Social Weekly, 2004. № 39 (40). P. 4455 - 4459. URL.: <https://mcshistory.files.wordpress.com/2013/11/deshpande-films-as-historical-sources.pdf> (дата обращения: 15.02.2023)
2. Fuhrmann H. Überall ist Mittelalter: Von der Gegenwart einer vergangenen Zeit. 3 ed. Minich: Beck'sche Reihe, 2010. 328 pp.
3. Беленький И. Киносъемки, кинопромышленность, киноискусство. М.: Альпина паблишер, 2019, 405 с.
4. Шпаков П.С., Юнаков Ю.Л., Шпакова М.В. Основы компьютерной графики, Из-во: Сибирский федеральный университет, 2014. 396 с.
5. «Властелин колец: Братство кольца»// «The Lord of the Rings: The Fellowship of the Ring»/ Реж. Питер Джексон, 2001. URL.: <https://www.kinopoisk.ru/film/328/> (дата обращения: 02.01.2023)
6. «Шрек»// «Shrek»/ Реж. Эндрю Адамсон, 2001. URL.: <https://www.kinopoisk.ru/film/430/> (дата обращения: 19.12.2022)
7. «Гарри Поттер и философский камень»// «Harry Potter and the Sorcerer's Stone»/ Реж. Крис Коламбус, 2001. URL.: <https://www.kinopoisk.ru/film/689/> (дата обращения: 14.02.2023)
8. «Черный рыцарь» // «Black Knight» / Реж. Джил Джангер, 2001. URL.: <https://www.kinopoisk.ru/film/8110/> (дата обращения: 02.09.2022)
9. «История рыцаря» // «A Knight's Tale» / Реж. Брайан Хелгеленд, 2001. URL.: <https://www.kinopoisk.ru/film/729/> (дата обращения: 02.09.2022)
10. «Робин Гуд»// «Robin Hood»/ Реж. Ридли Скотт, 2010. URL.: <https://www.kinopoisk.ru/film/278177/> (дата обращения: 17.02.2023)
11. «Другой мир 2: Эволюция»// «Underworld: Evolution»/ Реж. Лен Уайзман, 2005. URL.: <https://www.kinopoisk.ru/film/77441/> (дата обращения: 23.09.2022)
12. «Беовульф» // «Beowulf» / Реж. Роберт Земекис, 2007. URL.: <https://www.kinopoisk.ru/film/102232/> (дата обращения: 02.09.2022)
13. «Царство небесное» // «Kingdom of Heaven» / Реж. Ридли Скотт, 2005. URL.: <https://www.kinopoisk.ru/film/2602/> (дата обращения: 16.12.2022)
14. «Король Артур» // «King Arthur» / Реж. Антуан Фактуан, 2004. URL.: <https://www.kinopoisk.ru/film/22138/> (дата обращения: 08.08.2022)
15. «Время ведьм»// «Season of the Witch»/ Реж. Доминик Сена, 2010. URL.: <https://www.kinopoisk.ru/film/197243/> (дата обращения: 13.01.2023)
16. «Код да Винчи»// «The Da Vinci Code»/ Реж. Рон Ховард, 2006. URL.: <https://www.kinopoisk.ru/film/77711/> (дата обращения: 13.01.2023)
17. «Кольцо Дракона»// «George and the Dragon»/ Реж. Том Рив, 2004. URL.: <https://www.kinopoisk.ru/film/1979/> (дата обращения: 06.08.2022); Отзывы на фильм «Кольцо Дракона», 2004. URL.: <https://www.kinopoisk.ru/film/1979/reviews/> (дата обращения: 06.08.2022)
18. «Храбрые перцем»// «Your Highness»/ Реж. Дэвид Гордон, 2010. URL.: <https://www.kinopoisk.ru/film/455105/> (дата обращения: 02.01.2023)

Авторы публикации: Глухова Анастасия Сергеевна, магистрант, кафедре всеобщей и публичной истории, Институт международных отношений, Казанский федеральный университет, Казань, Россия; email: gluhovaanastasia27@gmail.com.

Шадрина Наталия Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент, кафедре всеобщей и публичной истории, Институт международных отношений, Казанский федеральный университет, Казань, Россия; email: shadrina_nata@list.ru.

Images of medieval chivalry in modern mass culture

A.S. Glukhova, N.A. Shadrina

Abstract. To date, cinema is perhaps the most affordable product of mass culture. The accessibility of cinema and the reflection of historical plots in it speaks about its potential as a source of formation of knowledge about history among the mass audience. The relevance of the work lies in the fact that most researchers still do not perceive cinema as a source for the formation of knowledge about the past. Also, in modern historiography, the transformation of ideas about individual medieval phenomena in modernity is practically not investigated. The research focuses on the analysis of images of medieval chivalry embodied in the cinema of the first decade of the XXI century (2001–2010) in order to identify the main trends in the representation of chivalry in modern popular culture, as well as the goals set by the authors of feature films, referring both to the Middle Ages as a whole and to the image of chivalry in particular. Based on special historical methods and systematic film analysis, the main trends in the interpretation of chivalry were identified, as well as the tasks of the authors of film production. In addition to the above, the most popular images of chivalry for the mass consumer were identified.

Keywords: the image of the Middle Ages, the image of a medieval knight, modern mass culture, cinema, filmmaking, narrative strategies.

For citation. Glukhova A.S., Shadrina N.A. Images of medieval chivalry in modern mass culture // Proceedings of the Society of Archeology, History and Ethnography at Kazan University. 2023. 43(1). P. 103–112. DOI: 10.26907/2312–3400.2023.1.103-112.

Authors of the publication: Glukhova Anastasia Sergeevna, MA student, Department of World and Public History, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia; email: gluhovaanastasia27@gmail.com.

Shadrina Nataliya Anatolievna, PhD (History), Docent, Department of World and Public History, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia; email: shadrina_nata@list.ru.

Поступила в редакцию / Received 1.03.2023
Принята к публикации / Accepted 27.03.2023

Образ императора Фридриха II в «Хронике» францисканца Салимбене

А.А. Зайцев

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, Россия
alex-q1@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается один из знаковых текстов Высокого средневековья – «Хроника» Салимбене (1221–ок. 1288). В центре внимания находится образ императора Священной римской империи Фридриха II Гогенштауфена (1194–1250), представленный в данном сочинении. Проблема исследования заключается в выявлении характера репрезентации, которую осуществляет её автор, знаменитый монах-францисканец Салимбене. Также рассматриваются некоторые особенности репрезентации Фридриха II в исследовательской литературе. Автор статьи анализирует образ Фридриха сквозь призму биографического, политического и символического аспектов. В результате делается вывод о сложном и несимметричном характере дискурса Салимбене, посвящённого императору Фридриху II. Кроме того, обозначаются вероятные перспективы дальнейшего исследования.

Ключевые слова: Фридрих II Гогенштауфен, Салимбене де Адам, Италия, хроника, образ власти, историография, медиевализм

Для цитирования: Зайцев А.А. Образ императора Фридриха II в «Хронике» францисканца Салимбене // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2023. Т. 43. № 1. С. 113–124. DOI: 10.26907/2312–3400.2023.1.113-124.

Фридрих II Гогенштауфен (1194–1250) является, вероятно, одним из самых известных и ярких западноевропейских правителей Высокого средневековья, одной из тех фигур, по имени которых называют эпохи. История его правления находит отражение в значительном массиве научной и популярной литературы, а оценки его личности и той роли, которую он сыграл в истории, часто обгрызают разного рода клише, вроде известного и едва ли не общепотребимого выражения “stupor mundi”, или «чудо мира».

Прежде чем рассматривать проблему, поставленную в заглавие этой работы, необходимо актуализировать некоторые моменты, связанные с её историографическим измерением.

Следует констатировать, что «идеализированный и *идеологизированный* образ Фридриха II» [1, с. 17], имеющий место в историографии, многомерен и сложен. Конструируя его образ, авторы зачастую проводят параллели с иными эпохами, причём делают это различным образом. Так, например, в книге для чтения по истории средних веков, составленной под редакцией П.Г. Виноградова (1897), то есть уже в школьной литературе, приводится интересная в этом отношении характеристика императора. Здесь отмечается, что Фридрих II «по степени своего образования, по религиозному индифферентизму и широкому пользованию жизнью является предвестником далёкой ещё эпохи Возрождения» [2, с. 411], а как политик и государственный деятель он несёт в себе черты, уместные «в представителе просвещённого абсолютизма XVIII века» [2, с. 411]. В популярной статье В. Кёлера (1903) подчёркивается, что если признаком современного разума является его антитрадиционализм, то Фридрих II был в высшей степени современен [3, с. 247]. Эти отдельные примеры иллюстрируют то, какую отчасти парадоксальную форму вольно или невольно приобретают темпоральные оценки личности Фридриха II и её значения для истории.

Ещё один знаковый пример специфического конструирования образа Фридриха II в историографии обнаруживается в творчестве Э. Канторовича [4]. Особенности подхода Канторовича к фигуре знаменитого императора были рассмотрены в ряде взаимодополняющих статей и рецензий [5; 6; 7, с. 280–281]. О.Г. Эксле рассматривает сюжет с Фридрихом II и Канторовичем в контексте интеллектуального климата Германии конца XIX – первой трети XX вв. [5]. Эксле проясняет откровенно националистическую интенцию, а также глубоко идеологизированный и политизированный подход Канторовича, учитывая обстоятельства «консервативной революции» и той характерной формы медиевализма, которая расцвела в Германии в указанный период. Во вступительной статье к книге Канторовича «Два тела короля» М.А. Бойцов дополняет творческую биографию её автора важными штрихами: так, в один из

переломных моментов немецкой истории Канторович далеко не пером сражается на стороне реакции [6, с. 10–11]. В рецензии на названную выше книгу О.С. Воскобойников в целом критикует позицию Эксле и утверждает, что работа Канторовича о Фридрихе II остаётся вполне авторитетной и «ссылаться на неё не зазорно» [7, с. 281]. Здесь стоит, однако, отметить: Эксле отказывает в значении книге Канторовича о Фридрихе II с учётом её *идейной составляющей*, но при этом признаёт её общенаучное значение в качестве справочника или даже учебника [5, с. 233–234]. И это принимая во внимание своеобразие методологических установок и политических взглядов Канторовича, а также высокую степень идеализации им императора: в ряду всех германских императоров Фридрих II занимает исключительное место, будучи наиболее «римским» из всех, как никто ни до, ни после него [4, с. 385]. Так или иначе, но дискуссия вокруг работы Канторовича, очевидно, не исчерпывается только лишь фактографическим её наполнением и затрагивает массу острых, актуальных вопросов истории науки в социальном контексте, также как и проблема образа Фридриха II в историографии.

Этот образ формируется в значительной степени исходя из источниковой базы исследований. Одним из интереснейших источников для изучения западноевропейских реалий XIII века является знаменитая «Хроника» брата-минорита Салимбене де Адам, родом из Пармы (1221–ок. 1288) [8]. Что характерно, авторы приведённых выше текстов, посвящённых Фридриху II (Кёлер и Канторович), либо вовсе не обращаются к сочинению Салимбене, либо делают это, используя «Хронику» как некий дополнительный материал, что вполне объяснимо: именно здесь обнаруживаются такие оценки личности Фридриха II, которые сложно сочетать с любой формой превозношения или апологии.

Текст Салимбене многократно привлекал внимание учёных. Из классических исследований, посвящённых «Хронике», нельзя не назвать фундаментальные работы Дж. Коултона (1907) [9] и П.М. Бицилли (1916) [10]. Как отметил Б.С. Каганович, книга Бицилли о Салимбене – это «оригинальная и единственная в русской научной литературе монография об этом ярком авторе» [11, с. 258]. Следует сказать, что за тридцать лет, прошедших с публикации Ка-

гановича, монографий, специально посвящённых Салимбене, так и не появилось. Однако ценность его труда как информативного и уникального источника по самым разным аспектам истории европейского Высокого средневековья вполне очевидна. Сама за себя говорит тематика современных исследований, выстроенных на основе «Хроники» Салимбене. Так, например, Ю. Ханска рассматривает различные аспекты употребления вина и то, как они отражены в «Хронике» [12]. С.С. Грозов и Д.В. Образцов рассматривают изображения животных, присутствующие у Салимбене, и сюжеты, в которых образы животных играют, например, символическую роль [13]. П.В. Мезенцева ставит масштабную задачу реконструкции социальных практик францисканцев по «Хронике» Салимбене [14] – и продолжение исследований в этом направлении можно только приветствовать.

Если рассматривать повествование францисканца Салимбене, учитывая драматический аспект, то главным антагонистом и ключевой фигурой, к которой постоянно стремится мысль хрониста, несомненно, окажется император Фридрих II Гогенштауфен. Нет возможности привести все характеристики, которыми снабжает Фридриха Салимбене, здесь достаточно указать лишь, что он склонен отождествлять императора с антихристом: «слова в Книге Даниила, написанные об антихристе, могут исполниться на нём и подходят ему» [8, с. 219]. Между тем такие крайние оценки сочетаются с массой нейтральных и даже позитивных высказываний в адрес императора. Возникает вопрос, как полярные оценки уживаются в одном тексте и как возможно соотнести их между собой.

При этом важно подчеркнуть, что Салимбене отделяет фигуру императора Фридриха II от иных императоров и от понятия «империя». В начальной части «Хроники», наименее самостоятельной, Салимбене ведёт рассказ о событиях третьего крестового похода. Фридрих I Барбаросса, «великодушный» [8, с. 16] и «непобедимый» [8, с. 18] император, посылает к Саладину своего представителя с тем, чтобы уговорить того «покинуть землю Иисуса Христа, в которую он вторгся. Ведь таков обычай империи: объявлять войну врагам, ибо не в её правилах начинать войну тайно» [8, с. 16]. Смерть императора трактуется в тексте как горе, а Фридрих I, со ссылкой на некое пророчество, именуется лучшим

из людей и могущественнейшим из всех [8, с. 21]. Салимбене, монах-францисканец, как известно, сочетает в своей идентичности несколько начал – орденское, воинское и городское, при этом ключевым аспектом при оценке того или иного правителя становится для Салимбене отношение этого правителя с церковью. Поэтому невольно обращает на себя внимание возвеличивание им Фридриха I, учитывая непростую историю взаимоотношений последнего с церковью и папским престолом. Между тем преемник Фридриха I, его сын император Генрих VI, по эмоциональной оценке Салимбене, «всегда проявлял самовластие по отношению к Римской Церкви» [8, с. 25], и этот тезис хрониста ставится в параллель с ярким описанием беспримерных стихийных бедствий, бурь с градом и пожаров.

Как тонкий и внимательный наблюдатель, Салимбене отмечает, что папы порой сами совершают действия, вызывающие печальные для церкви и народа последствия. Папа Иннокентий III берёт под опеку малолетнего Фридриха, наследника Генриха VI, «чтобы помочь сироте и защитить права Церкви», он активно участвует в политике, сражаясь, по выражению Салимбене, «обоими мечами» [8, с. 27] – хронист прекрасно видит политическую подоплёку действий папы. Можно вспомнить метафору, к которой прибегает Н.Ф. Колесницкий, описывая мотивы действий Иннокентия III: «апулийский мальчик» Фридрих воспринимается папой как последний козырь в борьбе с Оттоном IV [15, с. 161]. Салимбене сообщает, что Иннокентий III сам «со своими императорами Оттоном IV и Фридрихом II» положил начало разногласиям между империей и церковью, но его «можно оправдать, поскольку он низложил Оттона и возвысил Фридриха по доброму побуждению» [8, с. 39].

Таким образом, не желая зла, Иннокентий III возвеличил того, кто «был человеком, несущим гибель, проклятым, раскольником, еретиком и эпикурейцем, разорителем всей земли» [8, с. 39]. Такова краткая характеристика, которую Салимбене в виде формулы даёт в этом месте Фридриху II. Вместе с тем он делает небольшие экскурсы в жизнь императора также и в более взвешенном тоне. Например, он говорит, что Фридрих «издал превосходные законы в защиту свободы Церкви и против еретиков. И всех других

Фридрих превосходил богатством и славою, но он злоупотребил ими в своей гордыне» [8, с. 30]. Здесь представлена картина возвышения и падения: Фридрих поначалу не злоупотребляет властью и не сразу действует как враг папы. В другом месте этой же части «Хроники» Салимбене нейтрально описывает коронацию Фридриха в соборе Святого Петра, указывая срок его правления и день смерти, и воздерживаясь от каких бы то ни было инвектив [8, с. 41]. Интересно, что в этом же фрагменте как бы между строк Салимбене оставляет одно из своих замечаний, отличающих в целом его манеру изложения: Фридрих с супругой были коронованы при *всеобщем согласии римлян*, чего до Фридриха, по мнению Салимбене, не случалось никогда.

Как уже было обозначено, Фридрих II предстаёт в «Хронике» в том числе и как законодатель. Вообще, мотив отношения к закону присутствует в характеристике императора и тогда, когда Салимбене, поясняя судьбу Фридриха, проводит параллели с ветхозаветной историей и евангелиями, подразумевая беззаконие императора [8, с. 99–100]. В исследовательской литературе законотворчеству Фридриха и его отношению к праву традиционно уделяется значительное внимание. Например, Канторович исследует «теологию власти» Фридриха II, который выступает как “*Sol Iustitiae*” («Солнце Справедливости»), и даёт характеристику «веку юристов», в который происходил сложный процесс уподобления церкви и выстраивания противоположности ей же со стороны светской власти [16, с. 180]. Так, развитие идеологии светской власти приводит Фридриха к актуализации представления о короле–священнике [16, с. 208]. Эта тенденция обнаруживается уже во времена Фридриха I Барбароссы, когда принятое в отношении империи наименование «Священная» должно было оградить императора от папских притязаний на верховный суверенитет [15, с. 124].

Но вот какой случай отношения Фридриха II к праву и справедливости приводит Салимбене, когда повествует о событиях после смерти Генриха, старшего сына императора (1242). Императора не было на похоронах, и брат-минорит, Лука из Апулии, избрал темой проповеди жертвоприношение Авраама, что вызвало опасения учёных людей: император-де снесёт Луке голову. Но в речи Лука восхвалял правосудие так, что император пожелал иметь её

у себя [8, с. 97]. Этот небольшой, но говорящий эпизод из жизни показывает, что когда Салимбене отступает от формул и штампов в изложении событий, в тексте проглядывают и такие оценки, которые не вполне согласуются с его общим полемическим подходом в оценке императора.

Ещё один аспект образа Фридриха II, одновременно бытовой и символический, связан с обвинениями в эпикурействе. Салимбене несколько раз затрагивает этот мотив [8, с. 39; с. 384–386] с опорой на Писание, поясняя, что именно он понимает под эпикурейством. Одним из проявлений его становится удовлетворение плоти при отсутствии веры в загробную жизнь и «преисполнение дорогим вином» [8, с. 385]. В своей статье Ханска подмечает, что Салимбене, понимая вред злоупотребления вином и будучи сам знатоком, нигде не указывает употребление вина в качестве негативной характеристики того или иного лица, но в «Хронике» присутствуют два исключения – это император Фридрих II и Альберт из Кремоны, виночерпий [12, с. 149]. В первом случае употребление вина трактуется как признак опасной ереси, во втором Салимбене критикует культ святого, стихийно сложившийся вокруг упомянутого Альберта после его смерти [8, с. 584–585]. Таким образом, негативный аспект отношения к вину актуализируется Салимбене тогда, когда речь идёт непосредственно о вопросах веры.

Важным также представляется затронуть символический аспект власти императора на примере сюжета с императорской короной. Корона, как символ высшей власти и как один из её атрибутов, занимает важное место в политике и в формировании образа правителя. Королевская и императорская коронация совмещает византийские и римские элементы, апеллирует к ветхозаветной традиции и очень рано обретает отчётливо сакральный характер. Коронация очевидным образом стала важнейшим элементом утверждения всякого нового императора на престоле. Фридрих II коронуется многократно (и как король Сицилии, и как король римлян, и как император). Сама корона также приобретает символическое значение. Например, дед Фридриха II, Фридрих I Барбаросса (как и Оттон III до него) вскрывает склеп Карла Великого, покровителя династии: он убеждается, что тот сохраняет свой золотой венец и после смерти [17, с. 400]. Фридрих II, в свою очередь, помещает

изображение себя в венце на раке с мощами Карла Великого в ряду других Штауфенов [18, с. 268]. Вместе с тем Фридрих II апеллирует и к римской традиции: лавровый или дубовый венок вновь становится символом имперской власти [19, с. 306].

Как король Сицилии и император Священной римской империи, Фридрих II Гогенштауфен крайне активно утверждает свою власть, прибегая к разнообразным средствам, от пропаганды и дипломатии до войны. Для раскрытия темы уместно сделать акцент на «обратной стороне» этой героической истории. В качестве переломного момента в борьбе Фридриха II с папским Римом можно рассматривать его неудачную осаду города Пармы в 1247/48 гг., с которой связан символический аспект поражения императора, точнее сюжет утраты Фридрихом II имперской короны.

Как уже упоминалось, в «Хронике» Салимбене занимает позицию церкви, в целом поддерживает и разделяет резкую критику в адрес отлучённого и свергнутого императора, названного в 1245 г. антихристом. Однако под критику Салимбене попадают все облечённые властью, но достойные, с его точки зрения, порицания, в т. ч. и папа Иннокентий IV, низложивший императора [8, с. 455]. Т. е. оценки Салимбене достаточно сложны.

Фридрих II противостоит пропагандским силам в Италии, и начало войны в Италии (1236) приносит ему, после битвы при Кортенуова (1237), триумф в Кремоне. Однако в дальнейшем фортуна не всегда благоволит императору, и поражение под Пармой (1248) становится самым суровым в его жизни [4, с. 656]. Город был осаждён в течение полугода, и в случае победы императора он, вероятно, был бы разрушен. Но пармцы и их союзники делают удачную вылазку и, пока Фридрих II с частью войска охотится, разрушают его укрепленный лагерь, захватывают пленных, казну, драгоценности и корону императора. Салимбене в двух местах «Хроники» упоминает о захвате короны, каждый раз приводя дополнительные детали, явно стараясь подкрепить правдивость рассказа [8, с. 222; с. 375]. Он дважды повторяет, что знает человека, нашедшего корону, и что сам лично держал её в руках.

При этом многие факты он иллюстрирует примерами из Писания, подбирая подходящие аналогии. Хотя в первом рассказе о короне Салимбене упоминает Давида и цитирует Вторую кни-

гу Царств (12:30), точно такими же аналогиями он сопровождает и остальные факты. Из описания захвата карроччо кремонцев и резкой реакции пармских союзников становится видно, что именно карроччо, а не корона является для победителей главным трофеем [8, с. 221–222]. Также из текста можно заметить, что не столько потеря короны, сколько потеря казны трактуется как основной урон, нанесённый Фридриху II. Несомненно, захват короны с точки зрения Салимбене имеет символическое значение. Это следствие реализации высшей справедливости, находящей выражение и в иных ситуациях (например, священной истории). Но вместе с тем потеря короны лишь дополняет ряд «несчастий», которые пережил Фридрих II [8, с. 374–376], в т.ч. то, что «он хотел обездолить церковь» или, что важнее, что «при его жизни власть его была передана другому».

Обнаруживается определённый контраст между тем значением, которое фактически придаётся короне как символу власти в случаях утверждения правления (коронация, официальные изображения и т. п.) и тем, как корона воспринимается в момент упадка конкретного правителя. В целом, невозможно стать монархом, не заполучив корону. В то же время утрата короны становится только штрихом, пусть знаковым и символичным для современников, но далеко не определяющим общего хода борьбы за власть.

Теперь следует подвести некоторые итоги исследования.

Способ конструирования образа Фридриха II, к которому прибегает хронист Салимбене, может казаться противоречивым и непоследовательным, при этом следует говорить о «несимметричности» негативных и позитивных оценок: при всей пристрастности Салимбене в отношении к Фридриху он создаёт сложный, многомерный образ, который не укладывается в простую дуалистическую схему. Часть суждений Салимбене приводится в виде формул, определяемых авторитетами, однако в отдельных местах он выражается менее опосредованно, напрямую. Этот момент для своего прояснения требует анализа текста с точки зрения жанра, дополнительных исследований в области языка, а также, по видимому, исторической психологии.

Ряд аспектов образа Фридриха II в рамках данной статьи остался нераскрытым. Например, это вопрос его происхождения, «чуждачества» и «несчастия» императора, а также «просветительский» аспект его деятельности. Заслуживают более подробного изучения в контексте темы как военно-политическая деятельность Фридриха, так и его дипломатия. С точки зрения перспективы исследования актуальным оказывается рассмотрение образа императора Фридриха II в контексте представлений о власти как таковой.

Литература

1. Воскобойников О.С. Душа мира: Наука, искусство и политика при дворе Фридриха II (1200–1250). М.: Российская политическая энциклопедия, 2008. 559 с.
2. Рашков С. Фридрих II Гогенштауфен // Книга для чтения по истории средних веков / Составленная кружком преподавателей под редакцией профессора П.Г. Виноградова. Вып. 2. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1897. С. 410–439.
3. Köhler W. Emperor Frederick II, the Hohenstaufe // *The American Journal of Theology*. 1903. Vol. 7. No. 2. P. 225–248.
4. Kantorowicz E. *Frederick the Second (1194–1250)*. N.Y.: Frederick Ungar publishing co., 1957. 761 p.
5. Эксле О.Г. Немцы не в ладу с современностью: «Император Фридрих II» Эрнста Канторовича в политической полемике Веймарской республики // *Одиссей. Человек в истории. Ремесло историка на исходе XX века*. М.: Наука. 1996. С. 213–235.
6. Бойцов М.А. Три книги Канторовича // Канторович Э.Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. Изд. второе, исправленное. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. С. 7–57.
7. Воскобойников О.С. Сколько тел у короля? Рец. на: Канторович Э.Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии / Пер. с англ. М.А. Бойцова и А.Ю. Серёгиной. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. 752 с. // *Логос*. 2014. №3(99). С. 279–288.
8. Салимбене де Адам. Хроника / Пер. с лат. М.: РОССПЭН, 2004. 981 с.
9. Coulton G.G. *From St. Francis to Dante*. London: David Nutt, 1907. 448 p.
10. Бицилли П.М. Салимбене (Очерки итальянской жизни XIII века) // Бицилли П.М. *Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад*. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 233–525.
11. Каганович Б.С. П.М. Бицилли как историк культуры // *Одиссей. Человек в истории*. 1993. Образ «другого» в культуре. М.: Наука, 1994. С. 256–271.
12. Hanska J. “Volebam tamen ut nomen michi esset Dyonisius” – Fra Salimbene, Wine and Well-Being // *Mental (Dis)Order in Later Medieval Europe*. Leiden, Boston: Brill, 2014. P. 128–150.

13. Грозов С.С., Образцов Д.В. Животные в «Хронике» Салимбене де Адам // Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура. Материалы IX Всероссийской, с международным участием, научной конференции молодых учёных. Сост., отв. ред. Д.В. Пузанов. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2022. С. 53–57.
14. Мезенцева П.В. Социальные практики францисканцев по «Хронике» Салимбене // Ratio et Natura. 2022. №2(6). URL: <https://ratio-natura.ru/sites/default/files/2023-02/socialnye-praktiki-franciskancev-po-khronike-salimbene.pdf> (дата обращения: 10.03.2023)
15. Колесницкий Н.Ф. «Священная Римская империя»: притязания и действительность. М.: Наука, 1977. 211 с.
16. Канторович Э.Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. Изд. второе, исправленное. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 752 с.
17. Бойцов М.А. Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М.: РОССПЭН, 2009. 550 с.
18. Воскобойников О.С. Репрезентация власти и «искушение портретом». О нескольких изображениях Фридриха II // Власть, общество, индивид в средневековой Европе. М.: Наука, 2008. С. 264–300.
19. Герштейн А.Б. Традиции и новаторство в имперской идее Фридриха II Гогенштауфена // Власть, общество, индивид в средневековой Европе. М.: Наука, 2008. С. 301–318.

Автор публикации: Зайцев Александр Александрович, кандидат исторических наук, старший преподаватель, кафедра всеобщей и публичной истории, Институт международных отношений, Казанский федеральный университет, Казань, Россия; email: alex-q1@yandex.ru

Image of the emperor Frederick II in the Minor's Salimbene "Chronicle"

A.A. Zaitsev

Abstract. The article deals with one of the iconic texts of the High Middle Ages – the “Chronicle” of Salimbene (1221–ca. 1288). The focus is on the image of the Holy Roman Emperor Frederick II of Hohenstaufen (1194–1250), presented in Salimbene’s work. The purpose of the study is to identify the nature of the representation to which its author, the famous Franciscan monk Salimbene, resorts. Some features of the representation of Frederick II in the research literature are also considered. The author of the article analyzes Friedrich’s image through the prism of biographical, political and symbolic aspects. As a result, the conclusion is made about the complex and asymmetrical nature of the Salimbene’s discourse dedicated to Emperor Frederick II. In addition, the probable prospects for further research are indicated.

Key words: Frederick II Hohenstaufen, Salimbene di Adam, Italy, chronicle, image of power, historiography, medievalism

For citation: Zaitsev A.A. Image of the emperor Frederick II in the Minor's Salimbene "Chronicle" // Proceedings of the Society of Archeology, History and Ethnography at Kazan university. 43(1). P. 113–124. DOI: 10.26907/2312–3400.2023.1.113-124.

Author of the publication: Zaitsev Alexander Alexandrovich, PhD in History, Senior Lecturer, Department of World and Public History, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia; e-mail: alex-q1@yandex.ru.

Поступила в редакцию / Received 28.02.2023

Принята к публикации / Accepted 27.03.2023

Средневековое прошлое Франции на страницах французских рисованных историй “Les Reines de sang“

Н.Ю. Бикеева

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, Россия*

Natalia.Bikeeva@ksu.ru

Аннотация. В рамках данной статьи рассматриваются особенности репрезентации истории средневековой Франции в современной массовой культуре, а именно на страницах французских рисованных историй “Les Reines de sang“. Сегодня репрезентация исторического прошлого всё чаще осуществляется через истории в картинках. Это связано с повышением роли истории как культурной практики. В результате конструируются представления об истории, которые отвечают современным общественным запросам и мнениям. Создатели таких исторических серий, как “Les Reines de sang“, используя традиционные интерпретации, отсылают читателя к уже известным произведениям, созданным в литературе, живописи, кинематографе. Большое внимание современными сценаристами и художниками уделяется попыткам точного воспроизведения деталей быта, костюма и других повседневных реалий средневековой эпохи. Благодаря этому читатель погружается во вполне достоверную атмосферу с правдоподобными, хотя и упрощёнными сюжетами и персонажами. В настоящее время во Франции создаются комиксы в сотрудничестве с профессиональными историками, благодаря которым в доступной форме постепенно в массовое сознание начинают транслироваться современные научные подходы и точки зрения на различные исторические сюжеты. Автор приходит к выводу, что профессиональные историки должны более активно участвовать в распространении научных взглядов через неакадемическую среду.

Ключевые слова: Bandes dessinées, “Les Reines de sang“, комиксы, средневековье, Франция, историческое знание.

Для цитирования. Бикеева Н.Ю. Средневековое прошлое Франции на страницах французских рисованных историй “Les Reines de sang“// Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2023. Т. 43. № 1. С. 125–142. DOI: 10.26907/2312–3400.2023.1.125-142.

Рисованные истории¹ сегодня являются популярным и массовым явлением, влияние которого на современное общественное сознание трудно переоценить. При этом «комиксы» очень тесно связаны с мифотворчеством, стереотипами и клише, особенно в том, что касается исторических представлений. В наши дни все больше исследователей задумываются о соотношении академического и неакадемического знания о прошлом. Подобные вопросы задают и историки-медиевисты, размышляющие о месте их дисциплины в современном мире. Поэтому исследователей сегодня все больше интересует публичная история как историческое знание, создаваемое за пределами академического историописания [2, с. 224]. Такое знание общество может получать из разных массовых источников, в частности из комиксов.

В последние десятилетия все чаще издаются комиксы на научные темы, в том числе и на исторические. Не случайно сегодня комикс является действенным способом привлечь внимание к истории, культуре, искусству и т.д. В этих рисованных историях сочетаются простота и насыщенность информацией, доступность и глубина. Не удивительно, что комиксы в наши дни очень востребованы обществом – и детьми, и взрослыми. Выполняя развлекательную функцию, комикс удовлетворяет потребности читателя в разнообразии, активном действии, визуализации образов, в ненавязчивой форме участвует в воспитании и формировании этических и эстетических взглядов [3, с. 117].

Как уже указывалось выше, во Франции и Бельгии рисованные истории называются не комиксами, а «*bandes dessinées*» (BD), т. е. «рисованными полосками». BD являются неотъемлемой частью франкоязычной культуры, занимая достаточно большую часть книжного рынка [4, с. 168]. Существует множество различных жанров BD: от научно-фантастического до исторического, от детективного расследования до учебного, и поэтому его аудитория его читателей обширна, представляет разные возрасты и уровни образования.

¹ Существуют разные названия: комиксы (*Comic Book*) в англоязычных странах; *bandes dessinées* (“BD”) во Франции и Бельгии; *fumetti* в Италии; *bilderbogen* в Германии; *strip* в Сербии и Хорватии; *manga* в Японии и т.д. [1]

Отражение исторических событий в комиксах довольно широко представлено в современных французских ВД. Каждый читатель может найти по своему вкусу эпоху и её интерпретацию. Средневековье привлекает большое внимание как учёных, так и деятелей культуры и искусства. Рисованные истории собственного производства для жителей Франции являются нечто большим, чем просто развлечением. Они гордятся ими и считают их настоящим национальным достоянием [1]. ВД во Франции сильно отличаются от привычных для большинства людей американских комиксов, прежде всего, тем, что они наделены более сложными сюжетами. Качество работы художников, уровень детализации рисунка здесь значительно выше. Во Франции ВД издаются в основном в виде графических романов – толстых книг с завершённым сюжетом в толстом переплёте, хотя имеются и журналы с мягкой обложкой. Как правило они издаются в формате многосерийных историй с цветными иллюстрациями, помещенные в твердые альбомы формата А4, в среднем по 56 страниц каждая [5, р. 22]. Но главное отличие в том, что *Bande Dessinée* тесно переплетены с культурой и историей французского народа, став частью их повседневной жизни.

С конца 1970-х годов Министерство образования Франции стало активно использовать ВД и в педагогической практике. Примером может служить серия “*L’Histoire de France en BD*”, которая начала издаваться в 1976 г. [6; 7; 8]. С тех пор французский государственный телеканал FR3 в партнерстве с издательством *Larousse* выпустили двадцать четыре тома ВД об истории Франции. Конечно, эта серия не предназначалась для замены учебников, но она была рекомендована Министерством в качестве дополнительных материалов. Серия имела большой успех, что побудило издать ещё два выпуска того же издательства на исторические темы, а спустя тридцать лет подготовить немного переработанное издание оригинала. В серии поднимаются, в числе прочих, идеологические вопросы, касающиеся национальной истории, особенно в контексте их педагогического использования [5, р.156–157].

Среди исторических комиксов большое внимание уделяется периоду Средних веков. Такие комиксы были широко распространены в 60–70-е гг. прошлого столетия, на фоне возрастания инте-

реса к Средневековью. Большой популярностью они пользуются и сегодня.

С 2012 г. начала выходить новая серия французских исторических комиксов „*Les Reines de sang*“ («Кровавые королевы») издательства *Delcourt*, одного из крупнейших издательств франко-бельгийских комиксов [9].

Данная серия к настоящему времени насчитывает уже свыше тридцати томов. Они рассказывают о судьбах великих женщин разных эпох – от истории Древнего Египта до рубежа XIX–XX вв. Серия “*Les Reine de Sang*” появилась по инициативе Марии Смирнофф, редактора издательства *Delcourt* [10] чтобы рассказать о жизни выдающихся женщин-правительниц в истории, традиционно имевших плохую репутацию. Цель состояла в том, чтобы дать исторически верное представление об эпохе, при этом показав характер и мотивы деяний героинь. В данной статье будут рассмотрены ВД, посвященные средневековым королевам – Алиеноре Аквитанской, Изабелле Французской, Фредегонде и Жанне Бургундской.

Первой в серии “*Les Reine de Sang*” в 2012 г. вышли тома, посвященные Алиеноре Аквитанской (ок. 1122–1204), выдающейся женщине, королеве Франции, а затем Англии, одной из самых просвещенных женщин Средневековья. Алиенора Аквитанская до сих пор волнует воображение историков, пытающихся проникнуть в ее тайну, и возбуждает интерес у множества читателей.

Всего в серии “*Les Reine de Sang*” было издано шесть томов об Алиеноре, в которых авторы рассказали традиционную «черную» легенду о властной и решительной королеве, неверной супруге и покровительнице искусств [11]. В данном случае мы видим воспроизведение традиционных взглядов на Алиенору, сложившихся в исторических исследованиях XIX–XX вв. Одним из авторов этого ВД является итальянская сценаристка комиксов Симона Могавино. Она получила художественное образование, работала в престижной миланской фирме по реставрации произведений искусства и архитектуры. По её словам [12], в 2008 г. она увлеклась чтением биографии Алиеноры Аквитанской, написанной в 1965 г. Режином Перну (1909–1998) [13], французским историком-медиевистом, специалистом по истории Франции и Англии XII–XIII вв.,

автором более двадцати книг по истории Средневековья. Во Франции книги Р. Перну уже давно пользуются заслуженным успехом и популярностью, как в среде специалистов, так и у широкого круга читателей. Р. Перну умела совмещать научную деятельность с широкой популяризацией истории. Она смогла показать читателю средневековый мир с позиций чувств и переживаний самого средневекового человека, придерживаясь при этом исторических фактов и научных трактовок [13, с. 6].

Прочитав книгу Р. Перну об Алиеноре, С. Могавино разработала проект сценария ВД, который вскоре воплотился в жизнь благодаря встрече с редактором М. Смирнофф. В сотрудничестве с французским писателем, автором нескольких исторических романов Арно Делаландом и аргентинским художником Карлосом Гомесом, С. Могавино создала шеститомную историю неординарной средневековой королевы.

Интересно, что незадолго до того, как С. Могавино взялась за создание сценария ВД, во Франции вышла новая научная биография Алиеноры [14]. Её автор Жан Флори (1936–2018) – известный современный французский медиевист, ученик знаменитого историка Жоржа Дюби (1919–1996). Ж. Флори в своей книге стремился отделить реальную Алиенору от легендарной. Однако авторы ВД об Алиеноре не использовали эту монографию. Возможно, это связано с тем, что эти сценаристы не имеют исторического образования и ориентировались на ставшие уже традиционными работы, а может просто не были знакомы с новейшими профессиональными исследованиями.

Авторы рисованных историй о королеве Алиеноре постарались создать исторический контекст эпохи, рассказали о реальных событиях и персонажах, старательно воспроизвели детали костюма и быта. Чтение этого произведения представляет собой захватывающий рассказ об исторических событиях XII в. Художник К. Гомес внимателен к повседневным реалиям эпохи, что не только является скрупулёзной исторической реконструкцией, но также выполняет роль самостоятельного исторического повествования. Но при этом, авторы смешали реальных персонажей и события с выдуманными персонажами и ситуациями, что позволило внести элементы драматизма и помогло восполнить пробелы

в знаниях о жизни главной героини. Некоторые реальные факты были пропущены, если они не укладывались в замысел авторов, например, попытка примирения супругов Папой Евгением III, после которой у Алиеноры и её супруга короля Людовика VII родилась дочь. Конечно, рисованные истории, в первую очередь, художественные произведения, и его создатели могут быть более свободны в трактовке своего персонажа, чем профессиональные историки. Читатели положительно оценили BD об Алиеноре, отметив в отзывах, что «команда Арно Делаланда, Симоны Могавино и Карлоса Гомеса вдохнула жизнь в пыльный скелет исторического повествования» [15].

Следующая часть «Les Reines de Sang» не заставила себя долго ждать, и вслед за шумевшей историей Алиеноры Аквитанской в октябре 2012 г. выходит первый том «Изабеллы, французской волчицы» (“Isabelle, la Louve de France”). В центре внимания – история Изабеллы Французской (1295–1358) – дочери французского короля Филиппа IV Красивого и жене английского короля Эдуарда II [16]. Авторами и сценаристами нового диптиха выступили французские историки, супруги Мари и Тьерри Глорис, а иллюстратором стал испанец Хайме Кальдерон.

Тьерри Глорис – по образованию историк, с 2006 г. стал писать сценарии для «рисованных полосок». Полученное образование и интерес к французским историческим романам XIX в., сделали Т. Глориса известным автором многих популярных исторических *bande dessinée*. Тьерри Глорис при написании сценариев к историческим BD добавляет фантастические элементы и вымышленные ситуации, что, по его мнению, позволяет лучше раскрыть характер персонажа.

Его супруга Мари Глорис также является профессиональным историком, имеет степень доктора исторических наук, активно выступает за всеобщую отмену смертной казни. Основные темы исследования Мари Глорис – история смертной казни, гендерная история, биографии и генеалогия французских королев. До 2009 г. она работала учителем истории, а затем стала писать сценарии исторических комиксов. В 2012 г. Мари стала работать с Тьерри Глорисом над BD о королеве Изабелле.

Мари Глорис использовала различные средневековые хроники и исторические труды прошлых лет, посвящённые Изабелле. Однако можно легко заметить, что структура истории и образ Изабеллы Французской находятся под сильным влиянием серии исторических романов Мориса Дрюона «Проклятые короли»¹, а также фильмом Мела Гибсона «Храброе сердце» (1995).

Изабелла Французская была весьма противоречивой личностью своего времени. Её образ перетерпел множество изменений за прошедшие семьсот лет. Еще при жизни она признавалась красивой и хорошо образованной женщиной. Способная к дипломатии и государственному управлению, Изабелла часто выступала в роли посланника своего мужа в вопросах урегулирования различных конфликтов между Англией и Францией. Но при этом в глазах современников она осталась жестокой, коварной и мстительной правительницей, убившей собственного мужа и узурпировавшей трон вместе со своим любовником.

Какой же представлена история Изабеллы Французской в диптихе 2012 г. «Изабелла, французская волчица»? Внимание здесь концентрируется на двух главных событиях из жизни королевы, благодаря которым она известна сейчас. Это участие в «деле Нельской башни»², произошедшее в 1314 г., и организация мятежа вассалов, недовольных властью короля Эдуарда II и его последующее свержение в 1326 г.

Как и в любом художественном произведении, не претендующем на научную достоверность, ВД «Изабелла, французская волчица» в равной степени совмещает в себе как реальные исторические факты, так и некоторые вольности и фантазию авторов.

К наиболее правдивым элементам повествования, в основе которых лежат реальные исторические факты, можно отнести следующее: сожжение магистра ордена Тамплиеров Жака де Моле (т. 1, с. 3–4); вражду графини Маго д'Артуа с ее племянником Робертом за право наследования графства Артуа (т. 1, с. 24; т. 2, с. 36);

¹ О чем свидетельствует название ВД – «Изабелла, французская волчица». М. Дрюон ранее назвал одну из книг своей серии романов «Проклятые короли» также – «Французская волчица».

² Изабелла выступала как обвинитель и главный свидетель адюльтера невесток своего отца, короля Филиппа IV Красивого.

адюльтер Бургундских принцесс Бланки и Маргариты с братьями д’Онэ (т. 1, с. 29–31); смерть Филиппа IV Красивого из-за несчастного случая, произошедшем с ним на охоте (т. 1, с. 50); гибель последних французских королей из династии Капетингов: Иоанна I Посмертного (т. 2, с. 8), Филиппа V Длинного (т. 2, с.31), Карла IV Красивого (т. 2, с.49); бракосочетание Эдуарда III и Филиппы Геннегау (т. 2, с. 40); коронации Эдуарда III (т. 2, с. 50) и Филиппа VI (т. 2, с. 49); дипломатический визит королевы Изабеллы с сыном во Францию (т. 2, с. 34); регентство Изабеллы при несовершеннолетнем Эдуарде (т. 2, с. 45–46, 48); восстание английских лордов под предводительством Томаса Ланкастера (т. 2, с. 22– 29); вторжение Изабеллы в Англию и свержение мужа (т. 2, с. 42–45). Всего в двухтомной работе Т. и М. Глорис насчитывается примерно соток реальных исторических эпизодов.

Однако наряду с этим существуют и события, которые намеренно были искажены для большей драматичности и динамичности истории. В основном большинство искажений сводятся к неправильной хронологии и последовательности некоторых событий. В большинстве случаев это незаметно для читателя. Иногда факты, остающиеся все еще спорными в истории, по версии авторов ВД становятся реально существовавшими (смерть Маргариты Бургундской в замке Шато-Гайар от рук Роберта д’Артуа или казнь английского короля в замке Беркли по приказу Роджера Монтимера).

Самыми «масштабными» искажениями можно назвать, вероятно, уверенность сценаристов ВД в открытой гомосексуальности короля Эдуарда II, а вследствие этого жестокое отношение его к Изабелле, и роман героини с Роджером Монтимером, начавшийся задолго до реальной их встречи в 1325 г. Эдуард и Изабелла с самого начала ненавидят друг друга, что, в общем, не является очевидным фактом.

Несмотря на эти допущения, основной исторический фон в основном точен. Правдиво показаны королевские пиры и охоты, различные церемонии (оммаж, бракосочетание). Особенно достоверно изображен рыцарский турнир, достигший своего расцвета как раз в этот период. Не обошлось здесь и без стереотипов: чрезмерное насилие (подробно показаны сцены казни братьев д’Онэ

[16, V. 1, p. 46–47], старшего и младшего Диспенсеров [16, V. 2, p. 44–45], Томаса Ланкастера [16, V. 2, p. 20–21] и Эдуарда II [16, V. 2, p. 47] и сексуальные сцены [16, V. 1, p. 30–31; V. 2. P. 6, 19, 47], в противоположность общей религиозности [16, V. 1, p. 6, 9] и суеверию [16, V. 1, p. 4, 55; V.2, p.8) героев.

В речи персонажей авторы предпочитают использовать современную разговорную и местами нецензурную лексику, лишь изредка используя специальные исторические понятия: например, «ультрамонтанство» [16, V. 1, p. 13], «сюзеренитет» [16, V. 2, p. 3], «юстициарий» [16, V. 2, p. 19]. Это позволяет сделать диалоги в ВД более эмоциональными и понятными читателю.

Иллюстрации, созданные Х. Кальдероном, исторически точны. Внутреннее убранство средневековых замков передано достоверно. Во многих иллюстрациях узнаются реальные сооружения – Лондонский Тауэр, Амьенский и Йоркский соборы, аббатство Мобюиссон и др. Хорошо проработаны и сцены повседневных реалий XIV в. – королевские охоты, рыцарские турниры, пиры, церемонии принесения вассальной клятвы и т.д. Одежда героев (платья, рыцарские доспехи, украшения) соотносятся с эпохой позднего Средневековья, видны характерные элементы – облегающий силуэт, длинные рукава платьев, использование различных головных уборов (темплет, барбетт, эннен). Однако встречаются и заимствования из современной культуры, например, белый подвенечный наряд Филиппы Геннегау в день ее венчания. Интересно, что наряды Изабеллы Французской напоминают платья героини Софи Марсо, сыгравшей роль королевы Изабеллы в фильме «Храброе сердце». Художником определённо была проделана тщательная работа, изучены средневековые источники – архитектура, книжные миниатюры, витражи.

В целом, ВД, посвященный Изабелле, создаёт свой собственный, современный образ Изабеллы как живого человека, не только политического деятеля, королевы, но и жены, матери и женщины. Этот подход соответствует современной гендерной повестке в общественной жизни Франции.

Под сильным влиянием феминистских тенденций находились и создатели ВД о франкской королеве VI в. Фредегонде. В 2014–2016 гг. вышли два тома «Фредегонда, кровожадная» («Frédégonde:

La Sanguinaire”) [17] о начальном периоде истории средневековой Франции – эпохе Меровингов. Авторами были французская писательница и сценарист Виржини Грейнер и итальянская художница Алессия де Винченци. Обе являются убеждёнными феминистками, выступают против сексизма и за гендерное равенство.

Особенностью рисованной истории о Фредегонде является то, что данный исторический период – «тёмные века» – не очень хорошо знаком рядовому читателю во Франции. Хотя профессиональные историки изучали эпоху Меровингов ещё со времён О. Тьерри [18], но из-за скудости письменных источников и недостатка материальных артефактов, исследования эпохи до сих пор имеют много лакун, сложностей и нерешённых вопросов.

Авторы постарались реконструировать детали интерьера, внешнего вида строений, деталей быта, костюмов. Но в основном рассказ идёт об отношениях персонажей, некоторые из которых вымышленные, а исторический контекст франкского королевства второй половины VI в. практически не представлен. Поэтому обычному читателю сложно разобраться в политической и культурной составляющей сюжета. Авторы следуют сложившимся стереотипам о своей героине. Королева Фредегода (545–597) стала оцениваться негативно ещё своими современниками, которые подчёркивали её жестокость и коварство. Её образ во Франции использовали в качестве примера для морального назидания, как характеристику негативных черт варварской эпохи Меровингов. Авторы ВД о Фредегонде, конечно, не могли пройти мимо рассказов об её интригах, заговорах, обольщении короля Хильперика. Следуя за современниками королевы и учёными XIX в., авторы комикса считают Фредегону виновной в убийстве Галсвинты, Сигеберта и Хильперика. Это распространённая точка зрения, но исторически не подтверждённая. Одновременно с воспроизведением подобных клише, создатели комикса актуализируют современную им гендерную повестку, показывая лидерские качества и политическую волю своей героини, сумевшей в одиночку удержать бразды правления королевством, несмотря на неудачи, различные несчастья и месть со стороны соперников. Кроме того, сценаристы подчеркнули религиозность героини, её христианское рвение, что обычно не отмечается. Недостатком этого ВД является то, что история

героини осталась не законченной. Два тома охватывают периоды 566–572 гг. и 575–584 гг., но Фредегонда умерла в 597 г., и, как известно, эти 13 лет были такими же богатыми на события, как и предыдущие. Можно предположить, что поскольку о последнем периоде её жизни не известно никаких пикантных деталей, авторы оставили его без внимания. Хотя можно было показать Фредегонду как регента при малолетнем сыне Хлотаре II, будущем короле франков. После смерти супруга она фактически сосредоточила в своих руках власть и лично участвовала в сражениях.

В 2018 г. в серии “*Les Reines de Sang*” вышла биография ещё одной французской королевы «Жанна, королева-мужчина» (“*Jeanne, la Mâle Reine*”) [19]. Она посвящена менее известной правительнице, чем Алиенора, Изабелла и Фредегонда, – королеве Жанне Бургундской (1293–1349). Поскольку о ней мало сообщается в источниках, нам недостаточно известно о биографии королевы. Она была третьей дочерью герцога Бургундии Роберта II (1248–1306) и его жены Агнессы Французской (1260–1327), младшей дочери короля Франции Людовика IX Святого. Жанна вступила в брак в 1313 г., когда ей шел уже двадцатый год. Ее супругом стал Филипп Валуа, племянник Филиппа IV Красивого. Близкое родство ее мужа с королевской династией Капетингов, а также скоропостижная смерть последних ее представителей мужского пола, привели Филиппа на французский престол в 1328 г., а Жанна неожиданно стала королевой Франции. Судя по всему, между супругами складывались хорошие отношения. Филипп часто советовался со своей женой, а в 1338 г. передал ей все полномочия в управлении страной. Во время его отсутствия Жанна могла осуществлять сбор налогов, управлять финансами королевства, выносить судебные решения и т.д. Руководя страной в 1340, 1345–1347 гг. (в это время её супруг Филипп VI участвовал в сражениях против английского короля Эдуарда III), королева проявила себя как способный правитель. Жанна Бургундская, не отличалась красотой – современники говорили об ее мужеподобном телосложении и хромоте. При этом она была умной, образованной, благочестивой и волевой женщиной, покровительствовала искусству и науке. Ее книжная коллекция легла в основу Национальной библиотеки Франции.

Однако среди своих подданных королева Жанна Бургундская была весьма непопулярна. Современники называли её «хромоножкой», изображали как непривлекательную, злобную, хитрую женщину, манипулировавшую своим мужем. Королеву обвиняли в пьянстве, обжорстве и распущенности. Считалось, что Жанна была отмечена дьяволом. Люди верили, что это стало причиной частой детской смертности в королевской семье. На королеву также возлагали и военные неудачи её супруга Филиппа VI в Столетней войне, в частности, поражение в битве при Кале в 1347 г.

Все это способствовало выстраиванию легенды о её проклятой душе и сговоре с дьяволом. Возникший в XIV в., такой образ дошел до наших дней. Попытку новой интерпретации истории и образа Жанны Бургундской предприняла французская писательница и автор комиксов по средневековой истории Франс Ричмонд. Именно она стала сценаристом 3-х томной серии “*Jeanne, la Mâle Reine*” (2018–2021).

Необходимо отметить, что Ф. Ричмонд – по образованию историк-медиевист. Она имеет магистерскую степень по средневековой истории. Основная область её интересов – Столетняя война. События большинства ее произведений разворачиваются на фоне этого вооруженного конфликта между Англией и Францией, а главными героями выступают различные исторические личности данного периода.

Знания истории Франции XIV в. и самостоятельное чтение источников этого периода, помогли Ф. Ричмонд воссоздать образ Жанны Бургундской. Она собрала различные факты о жизни королевы, найденные во французских хрониках, судебных и королевских отчетах и личных письмах периода правления последних Капетингов и первых Валуа. Об этом Франс Ричмонд пишет в небольшом резюме, размещённом в конце 3 тома “*Jeanne, la Mâle Reine*” [19, в. 3, р. 65].

Иллюстратором серии стал французский художник-самоучка Мишель Суро, который с 1992 г. стал рисовать комиксы, например иллюстрировал «Сказки и легенды регионов Франции» (2012).

Вступительный том “*Jeanne, la Mâle Reine*” охватывает период с рождения Жанны в 1293 г. до кончины короля Филиппа IV в 1314 г. На фоне взросления Жанны Ф. Ричмонд показывает уничи-

тожение тамплиеров, борьбу между духовными и светскими силами, различные брачные переговоры для обеспечения преемственности династии Капетингов и известное «дело Нельской башни».

Сюжет второго тома, вмещающий в себя период с 1314 до 1348 гг., посвящён правлению последних Капетингов. Он полностью вращается вокруг преемственности французской монархии и междоусобной борьбы между приемниками Филиппа IV. На фоне всех этих крупномасштабных событий происходит превращение Жанны из маленькой девочки, отмеченной дьявольским проклятием, в умную и рассудительную женщину, с которой начинают считаться все окружающие.

Последний том посвящен первым годам правления Филиппа VI и Жанны Бургундской в качестве короля и королевы Франции. Образ Жанны в этом томе противоречив. Из-за частых потерь своих детей и подозрений в измене, она все больше становится подозрительной, ревнивой и мстительной королевой, которая держится за власть изо всех сил. Но при этом Жанна всё также умна и рассудительна, верна своему мужу и поддерживает его. А вот народ уже начинает единодушно ненавидеть ее, обвиняя в пьянстве и чревоугодии, и называет её «проклятой» королевой.

Следует отметить правдоподобную и детальную прорисовку исторического фона: общих видов средневековых замков, тронных залов и спален. Хорошо представлены сцены сражений и турниров, также как и одеяния героев. Художник старательно создаёт образ средневековой жизни – рисует сцены молитв, рыцарских турниров, охоту, пиры, церемонии акколады и похорон.

В целом трилогия «Жанна, королева-мужчина» – является хорошим примером исторического комикса. Видно, что автор, профессиональный историк-медиевист, проделал огромную работу для создания целостного и интересного сюжета. Сценарий Ф. Ричмонд хорошо продуман, она с точностью и подробностями пытается показать время последних Капетингов и начало правления Валуа. Ее портрет менее карикатурен, чем другие героини серии *«Les Reines de Sang»*. Большое внимание уделяется историческому контексту эпохи. Тем не менее, в серии о Жанне также, как и в других, присутствуют вымышленные герои и ситуации, необходимые для придания истории большей динамичности. Ф. Ричмонд хоро-

шо комбинирует правдивые факты, которые составляют основу сюжета, с вымышленными (например, на страницах мы видим роман между Жанной и Робертом III д'Артуа [19, в. 3]). Авторы приводят в начале каждого тома генеалогические таблицы, также здесь много исторических терминов, титулов и хронологически правильных дат. В итоге перед читателем предстает живая история сильной, набожной, образованной и мудрой королевы Жанны Бургундской, которая при этом амбициозна, манипулирует людьми и готова убить любого ради достижения своих целей.

Таким образом, рассмотрев отдельные серии BD *“Les Reines de Sang”*, посвященные средневековым французским королевам, можно сделать вывод, что их авторы не ограничиваются стремлением рассказать о женщинах в истории, что характерно для гендерной повестки современного французского общества. Данные комиксы стараются достаточно точно представить исторический контекст средневековой Франции, точно изобразить детали повседневной жизни, в основном придерживаясь фактов. Подобные истории привлекают внимание широкого круга читателей, дают достаточно точную картину эпохи и могут служить в качестве популярной исторической литературы.

Как указывает российский историк А.И. Филюшкин, «с каждым годом возрастает роль истории как средства развлечения. История востребована обществом как источник интересного и увлекательного повествования, как сюжет для фильмов, приключенческих книг, забавных картинок и т.д.... В основе всего этого, так или иначе, лежит историческое знание» [20, с. 135]. Главную проблему А.И. Филюшкин видит в том, что носителями «беллетризации истории» в современном обществе часто выступают люди, не имеющие даже исторического образования [Там же].

Но, как мы видим на примере французской серии BD «Кровавые королевы», авторами половины из рассмотренных нами комиксов (об Изабелле и Жанне) являются профессиональные историки, которые не ограничиваются традиционными историческими конструктами, сформированными ранее в науке и циркулирующими в массовом сознании. Сегодня многие из сложившихся взглядов подвергаются профессиональными историками пересмотру. И если у автора комикса есть историческое образование, он может

преодолеть стереотипы прошлого, самостоятельно работать с источниками и тем самым транслировать новые подходы и взгляды на исторические сюжеты в неакадемическую среду. Интересно отметить, что в рисованных историях об Алиеноре и Фредегонде (их авторы не имеют специального исторического образования) воспроизводятся более традиционными взгляды и стереотипы. При этом все авторы комиксов добавляют собственную, достаточно вольную, трактовку характера героинь. Это связано с тем, что современных читателей интересуют мотивы, чувства и желания людей прошлого, а информацию об этом средневековые источники практически не содержат, тем более, если речь идет о женщинах.

Как указывает А.И. Филюшкин, «долгое время историография рождала мифы, и когда эти мифы стали развенчивать и деконструировать – они обнаружили немалую степень резистентности, причем в массовой культуре» [Там же]. Но именно историки способны изменить эту ситуацию, более активно участвуя в создании массового исторического продукта.

В рассмотренных нами альбомах серии “*Les Reines de Sang*” авторы пытаются как можно точнее передать исторические события и сопровождающий их фон. В этих «рисованных полосках» отчётливо видна серьёзная документальная, графическая и исследовательская работа, проявляющаяся в сценарии, декорациях и костюмах. Однако одновременно такие рисованные истории представляют собой не простой пересказ реальных событий, а самостоятельные произведения. Поэтому их авторы могут позволить себе использовать некоторые вольности и фантазию, не сильно влияющие на «историчность» визуальных рассказов. Это может быть современная речь, придуманные второстепенные персонажи, выдумка при описании романтических сцен и явные или скрытые отсылки к современным произведениям массовой культуры (например, намёк на фильм «Храброе сердце» в рассказах про Изабеллу).

Таким образом, сегодня исторический комикс позволяет своими средствами воссоздать историческое прошлое, предоставляет возможность увидеть мир людей Средневековья. Такие визуальные рассказы могут выступать как источник повышения интереса к изучению истории, дают возможность взглянуть на привычные

факты через современные взгляды, так как большинство авторов касаются современных актуальных тем и проблем. Также комиксы способствуют более четкой и запоминающейся передаче знания о событиях прошлого благодаря их визуализации.

Однако следует не забывать, что исторические комиксы – это не академическое научное исследование, а авторский взгляд на исторический сюжет и его героев. Авторы проецируют свой взгляд на описание исторической эпохи, выбирая наиболее важные для себя события, создают собственный образ реальных исторических личностей.

Взросший интерес к репрезентации Средневековья позволяет в настоящее время создавать рисованные истории в сотрудничестве с профессиональными историками, которые помогают воссоздать сюжеты средневековой истории в соответствии с современными научными подходами и мнениями.

Библиография

1. Харитонов Е.В. Девятое искусство (Историко-критический обзор фантастического комикса). 2004. URL: http://academia-f.narod.ru/COMICS_ARTICLE.htm
2. Чиглинцев Е.А., Бикеева Н.Ю., Григер М.В., Шадрин Н.А. Публичная история: вызовы общества и трансформация исторического знания // Диалог со временем. 2020. Вып. 72. С. 223–236. URL: <https://roii.ru/r/1/72.16>
3. Анищенко А. В., 2009. Комикс как тип видеOVERбального дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. No 559. С. 116–122.
4. Дебрэнн М. Образ России во франкоязычных комиксах: к постановке проблемы // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 4. С. 167–180.
5. Grove L. Comics in French: The European Bande Dessinee in Context. Oxford, 2010. 360 p.
6. L'Histoire de France en BD. URL: <https://www.babelio.com/serie/Histoire-de-France-en-BD/40035>
7. L'Histoire de France en BD. URL: https://vk.com/topic-58186810_33672199?ysclid=iffq1ddtp567654223
8. L'Histoire de France en BD. URL: https://vk.com/topic-203785966_47958833?ysclid=iffymbeqy98231201
9. Les Reines de Sang. URL: <https://comicvine.gamespot.com/les-reines-de-sang/4015-58162/>
10. Официальный сайт «Delcourt» URL: <https://www.editions-delcourt.fr/>
11. Aliénor, la Légende noire // Les Reines de Sang. V. 1. URL: https://vk.com/doc214035682_595740763?hash=O7DZOteC9TYvnS27SnfHZgpEdH1bsJNFdDb5q5gSuH; V. 2. URL: https://vk.com/doc214035682_595740767?hash=90LfG2wQ8lp

QZnzYtPE0JOLSElvt6ykbFJhhe09cK0; V. 3. URL: https://vk.com/doc214035682_595740772?hash=77RfPzhQUVBdaKH2HyGBIR6dsLeCLAYvANiWzBeHuPT; V. 4. URL: https://vk.com/doc214035682_595744913?hash=nLeZKWC6tffaLGiF3O5YXbYg8u98IITLgD8xORdfYIH; V. 5. URL: https://vk.com/doc214035682_595744914?hash=3j3FyvblxU1EzG9NSlzFSUZPOnEFEZ0vWTKLgJ6jgtk; V. 6. URL: https://vk.com/doc214035682_595744915?hash=tixDMIUx6jAt2DACZ3BYiDs6LZnZBkg5PAFUKdiobFz.

12. <https://www.bitfeed.co/page/simona-mogavino-interview-with-the-author-of-eleonora-mondadori-comics-lucca-comics-amp-games-2017>

13. Перну Р. Алиенора Аквитанская / Пер. с франц. А.С. Васильковой. М.: Евразия, 2001.

14. Flori J. Aliénor d'Aquitaine. La reine insoumise. Paris, 2004. 544 p. = Флори Ж. Алиенора Аквитанская. Непокорная королева. СПб.: Евразия, 2012. 432 с.

15. <https://nwhyte.livejournal.com/tag/writer:%20simona%20mogavino>

16. Isabelle, la Louve de France // Les Reines de Sang. 1 V. URL: https://vk.com/doc214035682_595745133?hash=yB4SqW9ZLeDMcHHbev5FRL5TinnCFxZa3Rc6peDX16k; V. 2. URL: https://vk.com/doc214035682_595745134?hash=h35tqCKVwQyMHczMwgC6BEs9WkZMTgvtEZN3Ylog27w.

17. Frédégonde: La Sanguinaire // Les Reines de Sang. 1 V. URL: https://vk.com/doc214035682_595745058?hash=MDxA51VC9IMiSwDlaJaTjXCxxMzXwGCNiP0PxAW294c; V. 2. URL: https://vk.com/doc214035682_595745059?hash=Hu5NHruqojQ98e8YHyoZIXp5vWwaxurmWCK0JQwBx3g.

18. Thierry Augustin. Récits des temps mérovingiens. Paris, 1842. 911 p. URL: <https://books.google.fr/books?id=h2UOAAAAQAAJ&printsec=frontcover&hl=fr#v=onepage&q&f=false>

19. Jeanne, la Mâle Reine // Les Reines de Sang. 1 V. URL: https://vk.com/doc214035682_605761121?hash=SWjtOUNCqe3hcNiAVmKHJHxDiNtdwdXVdaz2cu5n0BH; V. 2. URL: https://vk.com/doc214035682_595745152?hash=ojZnUgDhqoJwQhloIfa3i1hgJ9Jf100R7mTyUtbRc0; V. 3. URL: https://vk.com/doc214035682_595745150?hash=G4dzN7p6n0cmXUEfjNFPn8szHH6eeY7Xr8TZxYoLoDL.

20. Филюшкин А.И. Страна, опрокинутая в прошлое? Почему общество обращается к беллетристике и «Мобилизует средневековье»? // ЛиТ. Исторический альманах. 2017. №10. С. 132–143. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strana-oprokinutaya-v-proshloe-pochemu-obschestvo-obraschaetsya-k-belletristike-i-mobilizuet-srednevekovie>

Автор публикации – Бикеева Наталья Юрьевна, доцент, кафедра всеобщей и публичной истории, Институт международных отношений, Казанский федеральный университет, Казань, Россия; email: Natalia.Bikeeva@ksu.ru.

The medieval past of France on the pages of *bandes dessinées* “*Les Reines de sang*“

N.Yu. Bikeeva

Abstract. This article discusses features of the representation of the history of medieval France in modern mass culture, namely on the pages *bandes dessinées* “*Les Reines de Sang*“. Today, the representation of the historical past is increasingly carried out through stories in pictures. This is due to the increasing role of history as a cultural practice. As a result, ideas about history are constructed that meet modern public needs and opinions. The creators of such historical series as “*Les Reines de Sang*“, using traditional interpretations, refer the reader to already well-known works created in literature, painting, and cinema. Much attention is paid by modern screenwriters and artists to attempts to accurately reproduce the details of life, costume and other everyday realities of the medieval era. Thanks to this, the reader is immersed in a completely authentic atmosphere with believable, albeit simplified plots and characters. Currently, comics are being created in France in collaboration with professional historians, thanks to which, in an accessible form, modern scientific approaches and points of view on various historical plots are gradually being broadcast into the mass consciousness. The author comes to the conclusion that professional historians should be more actively involved in the dissemination of scientific views through a non-academic environment.

Keywords: *Bandes dessinées*, “*Les Reines de Sang*“, comics, Middle Ages, France, historical knowledge.

For citation: The medieval past of France on the pages of *bandes dessinées* “*Les Reines de sang*“ // Proceedings of the Society of Archeology, History and Ethnography at Kazan University. 2023. 43(1). P. 125–142. DOI: 10.26907/2312–3400.2023.1.125-142.

Author of the publication: Bikeeva Natalya Yurievna, docent, Department of World and Public History, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia; email: Natalia.Bikeeva@ksu.ru

Поступила в редакцию / Received 15.02.2023
Принята к публикации / Accepted 27.03.2023

«Annales Ferdinandeï» Франца Кристофа Кевенхюллера и Морица Георга Вайдманна как источник по политической имагологии Австрийского дома

С.О. Гафуров

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, Россия
maiasters@mail.ru*

Аннотация. В статье предметно рассматриваются предисловия второго издания труда Франца Кристофа Кевенхюллера «Annales Ferdinandeï» 1721–1726 годов. Почти все эти предисловия написаны известным представителем крупнейшего издательского дома Лейпцига Морицем Георгом Вайдманном, который был издателем данной версии «Анналов». В качестве цели данной работы автор стремится выявить роль «Анналов» в репрезентации власти Австрийского дома и Священной Римской империи по материалам предисловий. Тексты предисловий и введений второго издания можно классифицировать по их функциям: 1) выражение почтения к покровительствующей персоне; 2) обращение с благодарностью за содействие в создании второго издания; 3) обозначение признания к особо важным персонам эпохи. Очевидно, что такая функция предисловий как выражение признания в рамках данной работы является наиболее интересной. Посредством этих предисловий-обращений в «Анналы» вписывались символические фигуры Австрийского дома и Священной Римской империи современной издателю эпохи. Основной вывод, который делает автор, заключается в том, что второе издание «Анналов» по тексту предисловий носило важную политическую функцию, в первую очередь нацеленную на лояльность сословий Священной Римской империи.

Ключевые слова: Священная Римская империя, Австрийский дом, Фердинанд II Габсбург, Франц Кристоф Кевенхюллер

Для цитирования: Гафуров С.О. «Annales Ferdinandeï» Франца Кристофа Кевенхюллера и Морица Георга Вайдманна как источник по политической имагологии Австрийского дома // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2023. Т. 43. № 1. С. 143–154. DOI: 10.26907/2312–3400.2023.1.143-154.

Многотомное сочинение Франца Кристофа Кевенхюллера «*Annales Ferdinandeï*» находится в основе историографической традиции Австрийского дома в период правления Фердинанда II Габсбурга. «Анналы» представляют собой нарратив, составленный из огромного количества источников чаще всего дипломатического характера, однако имеющий явную тенденциозность в сторону прославления политической деятельности Фердинанда II. Это своего рода идеологический манифест Австрийского дома. Труд Кевенхюллера имел два издания: первое вышло в 1641–1646 годах, второе – в 1721–1726 годах. Личность графа Кевенхюллера и его «Анналы» стали изучаться немецкими историками уже в XVIII веке. Так, в 1777 году в журнале «*Deutsches Museum*», который создавался для ознакомления немцев со своим «национальным делом», был опубликован текст Й.Ф. Рунде «О современном состоянии Анналов Кевенхюллера». Рунде впервые попытался сделать критический обзор «Анналов», указав на хронологический и географические неточности в труде, а также на важность сравнения первого и второго издания [1, S. 403–417]. После этого историк опубликовал серию работ под названием «*Ferdinandeische Jahrbücher*», где попытался «исправить» «Анналы» Кевенхюллера, чтобы их можно было использовать в качестве «надежного источника» по истории XVI–XVII веков [2]. Во второй половине XIX века немецкие историки внимательно изучили биографию Кевенхюллера [3, S. 331–396]. Благодаря этим трудам мы знаем, что Франц Кристоф Кевенхюллер был крещен и воспитан как протестант и в юности, как и его современники-аристократы, учился в Падуанском университете. А позднее перешел в католичество к благосклонности власти. В 1617–1629 годах, основываясь на дневниковых записях и политических переговорах, он создал свои первые исторические труды [4, S. 8]. Сами «Анналы» были завершены в 1636 году [4, S. 10]. Исчерпание материала биографического изучения фигуры Кевенхюллера привело к новому этапу развитию темы. К середине XX века усилиями таких историков, как К. Эдер и К. Пибалл, были исследованы источниковедческие аспекты создания «Анналов» [4, S. 1–22]. Эти историки внимательно изучили источниковую базу Кевенхюллера, его политико-религиозную перспективу, фактический материал, который приво-

дит автор. При этом большее внимание было уделено изучению именно первого издания. Так, например, в одной из новейших работ на эту тему австрийский историк искусства Ф. Поллеросс рассматривал обстоятельства создания гравюр оригинального издания [5, S. 39–46]. Публикация XVIII века изучалась не так пристально. Она была напечатана в Лейпциге главой одного из крупнейших издательских домов Морицем Георгом Вайдманном младшим [6, p. 188]. Вайдманн был сыном одноименного издателя, который начал заниматься книжной торговлей в Лейпциге после завершения обучения книжной торговле во Франкфурте-на-Майне. В 1713 году он стал партнером семейного книжного магазина в Лейпциге и взял на себя весь бизнес в 1717 году [6, p. 188]. Значимость фигуры Вайдманна для «Анналов» в том, что он написал вступительные предисловия к каждому тому, которые имеют явный исследовательский потенциал. Также нужно отметить, что местами Вайдманн менял текст оригинала, но это обстоятельство требует отдельного полноценного изучения. В данной работе автор предметно рассматривает именно предисловия издания 1721–1726 годов.

И Кевенхюллер и Вайдманн занимали значимые государственные должности. Первый был главой дипломатического посольства в Мадриде, затем занимал место в Тайном совете. Вайдманн был назначен Августом Сильным членом королевского польского и избирательного саксонского суда и акцизного совета города Лейпцига, а также тайным камергером (*Wirklichen Geheimen Kämmerer*). Примечательным образом можно обнаружить связь между этими фигурами через введения к томам второго издания. Большая часть из них написана Вайдманном, однако вторая публикация включила в себя и введения Кевенхюллера. Информационный потенциал предисловий-обращений заключается в том, что Вайдманн дает понимание о значении труда Кевенхюллера для Австрийского дома и Священной Римской империи германской нации. Данная часть источника содержит примечательный материал для изучения политической имагологии Австрийского дома и позволяет определить роль «Анналов» в саморепрезентации династии. Термин «политическая имагология» в рамках настоящего исследования следует определить как систему образов, организующих само-

репрезентацию власти. Уже было упомянуто о том, что источники преимущественно разрабатывали историки в конце XIX – первой половине XX веков. Поэтому научная актуальность работы в исследовательском подходе автора, который заключается в проблематизации материала предисловий и введений «Анналов». Цель данной работы заключается в том, чтобы выявить роль «Анналов» в репрезентации власти Австрийского дома и Священной Римской империи по текстам предисловий.

Рассматривая второе издание «Анналов», можно обнаружить интересное обстоятельство. Период между первой и второй публикацией – вторая половина XVII – начало XVIII веков – характеризуется военно-политическими победами, выстраиванием политической самоидентичности Австрийского дома. Этот процесс характеризовался обособлением австрийских Габсбургов от испанской линии и Священной Римской империи. В XVI веке испанский король занимал доминирующее положение по отношению к австрийскому дому в международных делах из-за своего доминирующего географического и военного положения [7, S. 97]. Испанские влияние в Вене к началу Тридцатилетней войны лишь усиливалось, а немецкого влияния в Мадриде не было вовсе [8, p. 213]. Вместе с этим императорский титул оказывал решающее значение в самоидентичности австрийских Габсбургов. После Тридцатилетней войны возросло значение интереса именно Австрийского Дома Габсбургов. Неслучайно во второй половине XVII века современники стали выделять Габсбургскую монархию [9, S. 198.]. А.Ю. Проккопьев писал по этому поводу: «теряя в одном, Вена приобретала в другом» [10, с. 439]. Империя становилась придатком к владениям Австрийского Дома, который можно было использовать в интересах династии. Ч. Инграо писал: «Покровительство императора было мотивировано обычным сочетанием религиозной преданности, династической пропаганды и беззастенчивого самовосхваления» [11, p. 123]. Габсбурги мало использовали политические тексты для объяснения своего возвышенного положения, предпочитая вместо этого делать заявления о себе визуально и церемониально [12, p. 55]. В этом плане переиздание «Анналов» не совсем типичный вариант для династии. Богато украшенное гравюрами историческое сочинение Кевенхюллера можно одно-

временно расценить как историко-легитимирующий, так и наполненный символическими образами инструмент династии.

Введения и предисловия второго издания к томам «Анналов» жанрово различаются по авторству. Вайдманн исключительно писал предисловия-обращения, адресованные своим современникам. Кевенхюллер обращался во введениях ко всем читателям.

Рассмотрим содержание предисловий и введений. 1–2 тома включают в себя наибольшее количество предметного материала. Текст «Анналов» начинается с того, что Вайдманн обратился к Карлу VI Габсбургу – императору Священной Римской империи на то время. Вайдманн обозначил важность труда тем, что Фердинанд – Великий император, а описание его жизни ведет к славе Австрийского Дома [13]. Издатель подчеркивает, что «нет в мире книги, в которой яснее рассказана преемственность могучего германского народа через фердинандовскую линию мира, происходящую от БОГА и закона, и в которой были бы представлены права сей благословенной преемственности наследства в государствах и землях Его» [13]. Далее Вайдманн писал о важности переиздания «Анналов» ввиду грядущих имперских выборов, чтобы напомнить Европе и поданным Священной Римской империи о том, что никому более нельзя доверить имперский трон и скипетр кроме как правителю Австрии. Здесь сложно не обратить внимание на то, что труд вышел вскоре после принятия императором и австрийскими сословиями Прагматической санкции в апреле 1713 года [11, р. 129]. Выход второго издания «Анналов» (1721–1726 годы) приходится как раз на процесс признания Санкции сословиями Австрийского дома и Священной Римской империи в 1720–1725 годах [14, р. 59]. Вайдманн также указал на то, что произведение посвящено славе австрийских героев и правителей, которые правили «большой частью Европы». «Они – надежда на долгие годы настоящего» – заключил издатель [13]. Следующее предисловие за автором некоего издателя Франца Кристофа. Данный текст также завязан на том, чтобы указать на важность переиздания «Анналов». Издатель сообщает о том, что всего было напечатано лишь 25 экземпляров (или как некоторые считают – 40) первого издания. Труд был доступен только лишь для немногих ученых, тогда как новое издание напечатано для широкого круга. Также были добавлены некоторые

«последние» части, которые не были напечатаны в первой версии. Издатель отмечает, что его редакция в полной мере дополнит оригинал и эти дополнения будут выделены другим типом печати, чтобы можно было легко вычленил текст автора. Данное предисловие заметно отличается от первого, которое носило явно политический смысл. Здесь отмечены в большей степени технические моменты необходимости переиздания. Далее следуют два введения Кевенхюллера, которые были взяты из оригинальной публикации [13; 15]. В первом Кевенхюллер обращается к императору Фердинанду III как к наследнику добродетелей центральной фигуры «Анналов» Фердинанда II. Во втором введении автор пишет своим читателям о том, что его задачей было как можно более подробно описать события. При этом Кевенхюллер допускает, что совершал ошибки при своих исследованиях, за что просит прощения.

В предисловии к 3–4 томам Вайдманн обратился к королю Польши и саксонскому курфюрсту Фридриху Августу Саксонскому [13, S. 391–398]. Это обращение очевидно мотивировано тем, что монарх являлся главным покровителем издателя, кроме того, выше уже было упомянуто, что Вайдманн был одним из приближенных Августа Сильного. В тексте предисловия-обращения издатель воспевал культурное богатство саксонского двора. Он писал, что надеется на решение короля о том, что новое издание труда Кевенхюллера найдет место в коллекции при дворе короля. Вайдманн подчеркнул важность работы в соединении крови правнучки императора Фердинанда II с кровью дома Веттинов [13, S. 396].

Тома 5–6, как и остальные, начинаются с очередного предисловия-обращения Вайдманна. Он обратился к принцу Евгению Савойскому – чрезвычайно известному полководцу своего времени. Вайдманн выразил принцу Евгению своё уважение, «передавая» книгу через свое обращение в предисловии [16]. Издатель обосновывает свой выбор тем, что, так как труд был составлен «верным служащим победоносного и могущественного Австрийского дома» и призван рассказывать о великой августейшей особе Австрийского дома, нельзя не упомянуть героя Австрии современной эпохи – принца Евгения [16]. Это одно из предисловий, ко-

торое выделяет обращение к персоне, которой не причисляются заслуги в издании труда.

Следующее предисловие к томам 7–8 Вайдманн посвятил «достойнейшему сыну Империи» Якобу Генриху фон Флеммингу. Флемминг был очень заметной фигурой при дворе Августа Сильного. Издатель посвящает ему предисловие так как находится в расположении Флемминга на момент составления труда [17]. Далее идет еще одно предисловие, автор которого представился просто как издатель. Он упоминает одно из редакторов, работавшего над пометками под жизнеописаниями, составлением генеалогических таблиц, который умер до выхода издания. Затем автор предисловия сообщает о том, что для составления текста «Анналов» не было полных экземпляров первого издания [17]. Поэтому составители просили курфюрста Саксонии, герра-герцога Саксен-Готского и Брауншвейг-Люнебург Кофтбахена, герр-барона фон Хунда из Силезии, а также Господина Серпилия в Регенсбурге предоставить редкие экземпляры первого издания для сопоставления. За помощь в оформлении виньеток издатель также выразил благодарность человеку, которому посвящен том – Флеммингу.

Предисловие-обращение 9-го тома за авторством Вайдманна было адресовано послу Филиппу Людвигу фон Зинценсдорфу. В эпоху правления императоров Иосифа I и Карла VI, а также в начале регентства Марии Терезии Зинценсдорф занимал должность оберстгофканцлера и в значительной степени формировал внешнюю политику Австрийского дома. В предисловии отмечается, что Зинценсдорф оказал помощь в предоставлении неопубликованных частей первого издания для новой публикации [18]. Вайдманн перечислил заслуги данного деятеля перед страной, но прямо не пишет о причинах обращения к нему, что нетипично по сравнению с другими предисловиями-обращениями [18].

В 10-ом томе посредством предисловия Вайдманн обратился к Фридриху Карлу фон Шёнборну – князю-епископу Вюрцбургскому и Бамбергскому. В 1705 году Фридрих Карл стал вице-канцлером (*Reichsvizekanzler*) императора Иосифа I. Он занимал этот пост при Иосифе и его преемнике Карле VI до 1734 года. На этой должности Фридрих Карл работал над защитой безопасности меньших имперских сословий и над укреплением имперской вла-

сти. Вайдманн приписывал Шёнборну заслуги в отстаивании суверенитета (*Hoheit*) Германии [19]. Издатель пишет, что так как труд является «величайшим историческим трудом на немецком языке», он должен быть украшен именем его превосходительства Фридриха Карла [19]. Здесь уже наиболее отчетливо проявляется именно национально-имперский идеологический посыл труда.

Далее предисловие Вайдманна 11-го тома адресовано Сигизмунду Фридриху Кевенхюллеру, занимавшему различные высокие посты при императорском дворе. Издатель отдает честь роду Кевенхюллеров, отмечая их заслуги перед Австрийским домом [20]. Вайдманн добавляет: «сей чрезвычайно полезный труд, вероятно, остался бы сокрытым, если бы Ваше Высокопревосходительство не пожелал милостиво поделиться рукописями и тем самым также пожелал установить вечную память в ученом мире» [20].

Последнее предисловие-обращение в 12-ом томе Вайдманн посвящает Гундакару Томасу фон Штархембергу – тайному советнику при императоре. Вайдманн указал на то, что те, кто постигает историю своей страны посредством изучения данного труда, достигнут совершенства и должны возыметь уважение к роду Штархембергов [21]. Потому что «высокие заслуги заслуживают величайших наград» [21].

Итак, перечисленные предисловия можно классифицировать следующим образом: 1) выражение почтения к покровительствующей персоне: Карл VI, Август Сильный, фон Флемминг; 2) обращение с благодарностью за содействие в создании второго издания: Зинценсдорф, Сигизмунд Фридрих Кевенхюллер и др.; 3) обозначение признания к особо важным персонам эпохи: принц Евгений, Шёнборн и др. Здесь очевидно, что такая функция предисловий как выражение признания в рамках данной работы является наиболее интересной. Именно посредством этого в «Анналы» вписываются символические фигуры Австрийского дома и Священной Римской империи современной издателю эпохи. Введения Кевенхюллера имеют в большей степени формальный характер. Вайдманн же стремился поставить сочинение Кевенхюллера в качестве важного символического элемента власти Австрийского дома. Причем вместе с этим он взывал и к национальному, германскому фактору,

посредством которого Фердинанд II Габсбург представлял фигурой, вокруг которого сплачивался немецкий народ. Примечательно, что Шёнборну издатель посвящает 10 том. В этой части рассматривается период правления Фердинанда II с 1623 по 1627 годы – временной отрезок, когда власть Габсбургов была особенно сильна, а при дворе озвучивались амбициозные проекты в том числе и по реорганизации империи. В предисловии к этому тому в большей степени, чем в остальных, чувствуется национально-имперский дискурс. Нахождение Вайдманна в Лейпциге и его связи с Августом Сильным также обосновывают интересную габсбургско-веттинскую линию, которая также вставала в основу идейно-политического посыла издателя. Можно довольно уверенно подытожить, что второе издание «Анналов» по тексту предисловий носило важную политическую функцию, в первую очередь нацеленную на лояльность имперских сословий. Возможно наиболее важный аргумент в пользу данного тезиса – это момент выхода издания, совпадающего со сложным процессом принятия сословиями Прагматической санкции 1713 года. Важно подчеркнуть в этом контексте отсутствие в предисловиях упоминаний о конфессиональной борьбе внутри Империи, которая была особенно острой в правление Фердинанда II. Этот аспект также может указывать на адресата в лице имперских сословий. Религиозная сторона правления Августа Сильного, принявшего католичество, но заверявшего саксонских лютеран, что их вероисповедание продолжит доминировать в курфюршестве, также могут быть затронуты в рамках данной темы [22, S. 78]. Сложности, связанные с оформлением личной унии протестантской Саксонии и католической Польши, вынуждали Веттинов искать религиозный компромисс. Образ императора католика Фердинанда II, доблестного правителя, мог быть вполне подходящим для идеологической линии саксонской династии в начале XVIII века. Также интересным представляется обстоятельство очередного повышения интереса к религиозной тематической литературе в Саксонии ко второму десятилетию XVIII века [6, p. 187]. «Анналы», описывающие деяния защитника церкви Фердинанда II, вполне укладываются в такую категорию текстов.

Библиография

1. Runde J. F. Ueber die gegenwärtige Beschaffenheit der Khevenhillerschen Annalen // Deutsches Museum. Leipzig: Weygand, 1777, vol. 1. S. 403-417.
2. Runde J. F., Khevenhüller F. C. Ferdinandische Jahrbücher ...welche die Jahre 1578 bis 1587 enthalten. Band 1-2. Leipzig: Weygand, 1778. 547 s.
3. Stülz J. Jugend- und Wanderjahre des Grafen Franz Christoph Khevenhüllers // Archiv für Kunde österreichischer Geschichts-Quellen. Wien: kaiserlich-königlichen Hof- und Staatsdruckerei, 1850, vol. 4. S. 331-396.
4. Peball K. Zur Quellenlage der „Annales Ferdinandi“ des Grafen Franz Christoph Khevenhüller Frankenburg // Mitteilungen des Österreichischen Staatsarchivs. Wien: Druck und Verlag Ferdinand Berger, 1956, vol. 9. S. 1-22.
5. Polleroß, F. The Annales Ferdinandi of Franz Christoph of Khevenhüller and Elias Wideman. // Radovi Instituta za povijest umjetnosti. 2017, vol. 41. pp. 39-46.
6. Kevorkian T. Baroque Piety Religion, Society, and Music in Leipzig, 1650–1750. NY: Ashgate Publishing, 2007. 251 p.
7. Bosbach F. Monarchia universalis: ein politischer Leitbegriff der frühen Neuzeit. Göttingen: Vandenhoeck u. Ruprecht, 1988. 184 s.
8. Anderson M.S. The Origins of the Modern European State System, 1494–1618. London: Routledge, 1998. 328 p.
9. Schmidt G. Geschichte des alten Reiches: Staat und Nation in der Frühen Neuzeit; 1495-1806. München: Beck, 1999. 459 s.
10. Прокопьев А.Ю. Германия в эпоху религиозного раскола. 1555–1648. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2008. 483 с.
11. Ingraio C.W. The Habsburg Monarchy, 1618–1815. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 268 p.
12. Fichtner P.S. The Habsburg Monarchy 1490-1848: attributes of empire. Hampshire: Palgrave Macmillan, 2003. 246 p.
13. Khevenhüller F.C. Annales Ferdinandi Oder Wahrhafte Beschreibung, Käysers Ferdinandi Des Andern, Mildesten Gedächtniß, Geburth, Aufferziehung und bißhero in Krieg und Friedens-Zeiten vollbrachten Thaten, geführten Kriegen, und vollzogenen hochwichtigen Geschäften, Band 1-4. Leipzig: M.G. Weidmann, 1721. 1110 s.
14. Kann R. A.A history of the Habsburg Empire 1526-1918. Los Angeles: University of California press, 1974. 664 p.
15. Khevenhüller F.C. Annales Ferdinandi. Oder Warhafte Beschreibung/ Kaysers Ferdinandi deß andern Miltester Gedächtnuß Geburt/ Aufferziehung/ und bißhero zu Krieg und Friedenszeiten/ vonbrachten Thatten/ geführter Krieg und volzognen hochwichtigen Geschäften/ sambt kurtzer Erzehlung deren in gantzer Welt von Höchstgedachtig Kayserl. May: Geburt an biß auff desselben Seeligisten hintritt; daß ist von anfang des 1578. Biß auff das Jahr 1637 vorgeloffener Handlungen und denkwürdigen Geschichten, Band 1-4. Regensburg: Christoph Fischer, 1640–1641. 1278 s.
16. Khevenhüller F.C. Annales Ferdinandi Oder Wahrhafte Beschreibung Kaysers Ferdinandi Des Andern, Mildesten Gedächtniß, Geburth, Aufferziehung und bißhero in Krieg und Friedens-Zeiten vollbrachten Thaten, geführten Kriegen, und

vollzogenen hochwichtigen Geschäften. ...von Anfang des 1598. biß zu End des 1607 Jahres beschrieben werden. Band 5-6. Leipzig: M.G. Weidmann, 1722. 1540 s.

17. Khevenhüller F.C. Annales Ferdinandeï Oder Wahrhafftige Beschreibung Kaysers Ferdinandi Des Andern, Mildesten Gedächtniß, Geburth, Aufferziehung und bißhero in Krieg und Friedens-Zeiten vollbrachten Thaten, geführten Kriegen, und vollzogenen hochwichtigen Geschäften. ...von Anfang des 1608. biß zu End des 1617 Jahres beschrieben werden. Band 7-8. Leipzig: M.G. Weidmann, 1723. 2494 s.

18. Khevenhüller F.C. Annales Ferdinandeï Oder Wahrhafftige Beschreibung Kaysers Ferdinandi Des Andern, Mildesten Gedächtniß, Geburth, Aufferziehung und bißhero in Krieg und Friedens-Zeiten vollbrachten Thaten, geführten Kriegen, und vollzogenen hochwichtigen Geschäften. ...von Anfang des 1618. biß zu End des 1622. Jahrs beschrieben werden. Band 9. Leipzig: M.G. Weidmann, 1724. 1044 s.

19. Khevenhüller F.C. Annales Ferdinandeï Oder Wahrhafftige Beschreibung Kaysers Ferdinandi Des Andern, Mildesten Gedächtniß, Geburth, Aufferziehung und bißhero in Krieg und Friedens-Zeiten vollbrachten Thaten, geführten Kriegen, und vollzogenen hochwichtigen Geschäften. ...vom Anfange des 1623. biß zu Ende des 1627. Jahres beschrieben werden. Band 10. Leipzig: M.G. Weidmann, 1724. 912 s.

20. Khevenhüller F.C. Annales Ferdinandeï Oder Wahrhafftige Beschreibung Kaysers Ferdinandi Des Andern, Mildesten Gedächtniß, Geburth, Aufferziehung und bißhero in Krieg und Friedens-Zeiten vollbrachten Thaten, geführten Kriegen, und vollzogenen hochwichtigen Geschäften. ...vom Anfange des 1628. biß zu Ende des 1631. Jahres beschrieben werden. Band 11. Leipzig: M.G. Weidmann, 1726. 1104 s.

21. Khevenhüller F.C. Annales Ferdinandeï Oder Wahrhafftige Beschreibung Kaysers Ferdinandi Des Andern, Mildesten Gedächtniß, Geburth, Aufferziehung und bißhero in Krieg und Friedens-Zeiten vollbrachten Thaten, geführten Kriegen, und vollzogenen hochwichtigen Geschäften. ... vom Anfange des 1632. biß zu Anfang des 1637. Jahrs beschrieben werden. Band 12. Leipzig: M.G. Weidmann, 1726. 1261 s.

22. Rexheuser R. Die Personalunionen von Sachsen-Polen 1697-1763 und Hannover-England 1714-1837 Ein Vergleich. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2005. 495 s.

Автор публикации: Гафуров Сергей Олегович, магистрант, кафедра всеобщей и публичной истории, Институт международных отношений, Казанский федеральный университет; Казань, Россия; email: maiasters@mail.ru

“Annales Ferdinandeï” by Franz Christoph Khevenhüller and Moritz Georg Weidmann as a source on the political imagology of the House of Austria

S.O. Gafurov

Abstract. This article is devoted to analysis of the prefaces of the second edition of Franz Christoph Khevenhüller's „Annales Ferdinandeï“ of 1721–1726. Almost all of these prefaces were written by Moritz Georg Weidmann, a well-known representative

of the largest publishing house in Leipzig, who was the publisher of this version of the Annals. As the purpose of this paper, the author seeks to identify the role of the Annals in the representation of power of the House of Austria and the Holy Roman Empire based on the materials of the prefaces. The texts of the prefaces and introductions of the second edition can be classified by their functions: 1) an expression of respect for the patronizing person; 2) an appeal with gratitude for assistance in the creation of the second edition; 3) designation of recognition to especially important people of the era. The most interesting function of prefaces is obviously the expression of recognition. Through these prefaces-addresses, the symbolic figures of the House of Austria and the Holy Roman Empire of the era contemporary to the publisher fit into the Annals. The main conclusion made by the author is that the second edition of the Annals, according to the text of the prefaces, had an important political function, primarily aimed at the loyalty of the estates of the Holy Roman Empire.

Keywords: Holy Roman Empire, House of Austria, Ferdinand II Habsburg, Franz Christoph Kevenhüller.

For citation: Gafurov S.O. “Annales Ferdinandi” by Franz Christoph Kevenhüller and Moritz Georg Weidmann as a source on the political imagology of the House of Austria // Proceedings of the Society of Archeology, History and Ethnography at Kazan University. 43(1). P. 143–154. DOI: 10.26907/2312–3400.2023.1.143-154.

Publication author: Gafurov Sergey Olegovich, MA student, Department of World and Public History, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia; email: maiasters@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 2.03.2023
Принята к публикации / Accepted 27.03.2023

Франция и Неаполитанское королевство в период наполеоновских войн

Д.Р. Муллина

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, Россия
dilara.mullina@kazanexpo.ru*

Аннотация. В статье анализируется проблема взаимоотношений между Францией и Неаполитанским королевством в период наполеоновских войн. Автор ставит вопрос о том, как формировалась французская политика в отношении Неаполя, какие механизмы подчинения и управления были использованы, какова была степень интеграции Неаполя во французскую правовую, политическую и экономическую системы, как изменилось отношение к Неаполю после его фактической интеграции во Французскую империю и правления Жозефа Бонапарта и Иоахима Мюрата. В статье автором выделены два этапа французской политики в Неаполе: период выстраивания отношения с неаполитанской монархией Бурбонов, который можно охарактеризовать как революционно-монархический компромисс, и период правления И. Мюрата, когда был достигнут определенный уровень интеграции Неаполя во французскую имперскую систему. На обоих этапах применялись специфичные методы и стиль отношений, которые создали оригинальную ситуацию и имели важные последствия для развития королевства в последующий период, несмотря на реставрацию монархии Бурбонов после крушения Империи.

Ключевые слова: Франция, Неаполитанское королевство, наполеоновские войны, международные отношения.

Для цитирования: Муллина Д.Р. Франция и Неаполитанское королевство в период наполеоновских войн // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2023. Т. 43. № 1. С. 155–167. OI: 10.26907/2312–3400.2023.1.155-167.

Взаимоотношения Франции и Неаполитанского королевства в период наполеоновских войн представляют важный аспект общей политики Наполеона в отношении Италии, нацеленной на включение части областей в состав страны и их унификацию

в соответствии с французским законодательством, либо на формирование нескольких укрупненных лояльных республик или монархий. В общем виде речь шла об устранении постороннего (австрийского или английского) влияния на полуострове в пользу французского и создании военно-экономической базы для ведения войн. В перспективе же возникал вариант формирования единого итальянского политического, социально-экономического и культурного пространства под французским преобладающим влиянием и контролем в рамках имперского интеграционного проекта. Истоки такого подхода были заложены в период завоевательных войн Директории. Во время Консульства и Империи были сделаны ряд важных шагов для реализации далеко идущих амбиций – от включения Пьемонта в состав Франции и создания Итальянской республики, до формирования т.н. сестринских (дочерних) республик и Итальянского королевства. В этом контексте французская политика в отношении Неаполя дает интересный пример реализации стратегии Наполеона.

Историография политики Франции в период Директории, Консульства и Империи довольно обширна. Она охватывает как собственно биографические работы о Наполеоне, так и анализ его дипломатии или военных кампаний. Вместе с тем, итальянская политика рассматривалась в таких работах в общем контексте без глубокого анализа и в привязке к более глобальным аспектам [1]. Е.В. Тарле [2] и А.З. Манфред [3], а также Л.-А. Тьер [4] уделяют первостепенное внимание военно-политическим аспектам деятельности Наполеона Бонапарта в Италии, тогда как Ж. Тюлар [5] одновременно делает акцент на вопросах строительства империи. В общем контексте имперскую систему Наполеона исследовали Ж.-О. Будон [6], М. Броэрс [7; 8], Г. Брюн [9] и Т. Ленц [10; 11]. Тем не менее, можно выделить ряд работ, авторы которых поставили своей целью проанализировать именно итальянскую ситуацию, сложившуюся в период наполеоновского господства, либо положение отдельных регионов (монархий или республик). Например, это работы Дж Дэвиса [12], Г. Десмонда [13], посвященные положению Италии в наполеоновский период, или биография И. Мюрата, написанная Ж. Тюларом [14], в которой впервые анализируется его политика в Неаполе, когда он был королем. В целом, эти иссле-

дования дают возможность представить более детальную картину французского присутствия в регионе и отношения итальянцев к нему, а также проследить последствия и перспективы наполеоновской политики. Выбранный пример Неаполя вписывается в данное направление исследований, учитывая, что российская историография уделяла ему сравнительно мало внимания [15; 16].

В данной статье исследуются обстоятельства формирования и эволюция французской политики в отношении Неаполитанского королевства. Условно ее можно разделить на два крупных этапа: период выстраивания отношения с неаполитанской монархией Бурбонов и период правления Жозефа Бонапарта и Иоахима Мюрата, когда был достигнут определенный уровень интеграции Неаполя во французскую имперскую систему. Хронологические рамки статьи охватывают период от итальянской кампании 1796–1797 годов до потери неаполитанского трона Мюратором в 1815 году.

Франция и Неаполитанское королевство: революционно-монархический компромисс

К моменту вторжения французских войск в 1795 году итальянские государства переживали не лучшие времена, находясь под австрийской зависимостью и испытывая финансовые и социально-экономические проблемы. Положение неаполитанской монархии не было лучшим. Однако в отличие от других государств она располагала собственной отлаженной бюрократической администрацией, выстроенной вокруг королевской власти и имевшей длительный опыт государственного строительства и управления, армией и местной элитой, которая была разделена на профранцузскую и неаполитанскую (условно можно назвать – антифранцузскую) партии. Внутренние конфликты накладывались на трудности смены традиционного хозяйственного уклада, рост цен на продукты сельского хозяйства и т.п. Однако Бурбоны в силу разных причин препятствовали проведению реформистской политики, делая ставку на успокоение ситуации и сохранение статс-кво, а также надеясь сыграть на англо-французских противоречиях, сохранив свое положение и влияние в регионе [17, с. 391–392]. Все это вызывало недовольство разных слоев населения, чем не преминула воспользоваться Директория. Приход французов радикально изменил

расклад сил в королевстве, дав шанс сторонникам реформ и союза с Францией [17, с. 392].

В период итальянской кампании генерала Бонапарта Королевство Обеих Сицилий формально занимало нейтралитет [5, с. 72]. 10 октября 1796 года оно официально признало Французскую республику, что на какой-то период спасло его от французской экспансии (неаполитанский премьер-министр князь Пиньятели находился при ставке Бонапарта). По итогам Кампоформийского договора Северная Италия оказалась под властью французов (Цизальпинская республика), а на Тоскану и Парму были наложены тяжелые контрибуции. В них начались реформы по французскому образцу. Наполеон определял итальянскую политику исходя из интересов Франции и в 1797 году заявил австрийскому дипломату Кобенцлю: «Французская республика рассматривает Средиземное море как свое море и намерена в нем господствовать» [3, с. 152]. Однако его стратегия была осторожной. «Не без труда главкомандующий добился признания своей политики французским правительством, хотевшим революционизировать Рим, Неаполь и Тоскану, не считаясь с расстоянием, возможностью успеха и с силами. У правительства было ошибочное представление и о местности, и о настроении этих народов, и о силе революционеров» [18, с. 81], – писал он. Несмотря на в принципе лояльное отношение Франции к Фердинанду IV, вскоре он совершил ряд ошибок, которые стоили ему неаполитанского трона. Ш.-М. Талейран, бывший в то время министром иностранных дел, свидетельствует: «Неаполитанский король, не без оснований напуганный, но готовый из осторожности оставаться спокойным и выжидать, устроил тем не менее, вопреки совету венского двора, безрассудное вооруженное восстание с неопытными и недисциплинированными войсками; он был вынужден искать убежища в Сицилии, покинув свое Неаполитанское королевство, которое французская Директория скоро превратила в Партенопейскую республику» [19, с. 145].

Эти ошибки вовлекли Неаполь в военные действия, что привело к окончанию периода революционно-монархического компромисса. В декабре 1798 года французские войска вступили на территорию королевства, но столкнулись с крестьянским восстанием и противодействием австрийцев. После серии столкновений 10 янва-

ря 1799 года в Капуе было подписано перемирие. 23 января на фоне не утихающих крестьянских бунтов французы вошли в Неаполь при поддержке патриотов во главе с князем Молинтерно. Было образовано Временное правительство и провозглашена Партенопейская республика [18, с. 298–301]. Был заключен новый негласный компромисс, на этот раз с австрийцами и англичанами: в Неаполе господствовали французы, начавшие серию революционных преобразований и контролировавшие его политику и экономику, а на Сицилии по-прежнему управляла старая династия, которую поддерживали англичане и австрийцы и в целом местное население.

Данный компромисс продержался немногим больше года. Пользуясь успехами австро-русских войск в Северной Италии в 1799 году, Фердинанд IV примкнул ко второй антифранцузской коалиции. Но возвращение Бонапарта из Египта, новое вторжение французских войск в Северную Италию и разгром австрийцев при Маренго в 1800 году снова изменили ситуацию. Неаполь был оккупирован французами во главе с Мюратом, его порты были закрыты для английских и турецких кораблей. 29 марта был подписан более жесткий Флорентийский мир. Бурбоны снова отправились в изгнание, а Партенопейская республика была восстановлена [4, с. 345].

Подписание Амьенского мира с Англией в 1802 году на время стабилизировало ситуацию в Неаполе. Формально Партенопейская республика оставалась под контролем Франции и ею управляла профранцузская партия, проводившая реформы. Но Неаполь слабо был встроен в систему сестринских (дочерних) республик, экономически и политически, а сам Наполеон колебался относительно его дальнейшей судьбы. Как отметил Г. Десмонд, сначала он пытался привязать Неаполь к своей политике через династический брак дочери Фердинанда с испанским инфантом, но из-за противодействия англичан и испанцев проект потерпел неудачу. Затем Наполеон вернулся к идее нейтралитета Неаполя, гарантом которого выступила бы Франция. В 1803 году после начала войны с Англией неаполитанские порты были заняты французами [13, р. 96]. В мае 1805 года Наполеон совершает путешествие в Италию, что привело к созданию Итальянского королевства. Однако Неаполь эти изменения никак не затронули и его будущее оставалось пока неясным.

Неаполь во французской имперской системе

Статус Неаполя был поставлен под вопрос после разгрома третьей антифранцузской коалиции, к которой Фердинанд IV неосторожно примкнул. 27 декабря 1805 года Наполеон издал имперский эдикт в Вене, который провозгласил: «Солдаты! Неаполитанская династия прекратила свое царствование. Ее существование несовместимо со спокойствием в Европе и достоинством моей Короны» [5, с. 157; 3, с. 428]. Тогда же французские войска под командованием генерала Сен-Сира заняли Неаполь.

Дальнейшая история Неаполитанского королевства разбивается на два этапа: короткое правление Жозефа Бонапарта и чуть более длительное – Иоахима Мюрата.

«Думается, я уже Вам сказал, что собираюсь подчинить Неаполитанское королевство моей семье, чтобы оно, так же как Швейцария, Голландия, Италия и три германских королевства, входило в число моих федеративных государств или, другими словами, во Французскую империю» [14, с. 75], – так писал Наполеон своему брату Жозефу. Неаполитанское королевство играло значимую роль в имперских планах Наполеона Бонапарта, так как, во-первых, имело удобное географическое расположение. Изначально Наполеон был убежден, что Неаполитанское королевство было землей несметных природных богатств, которые только и ждут, чтобы их эксплуатировали. Эта иллюзия была еще жива в 1809 году, когда в отчете, подготовленном Советом по торговле и промышленности в Париже, Неаполь описывался как «земля обетованная... в отличие от Перу, где золото нужно копать в недрах земли, в Неаполе он лежит блестящее на поверхности» [12]. Более того, королевство играло решающую роль в усилении континентальной блокады британских товаров и предоставления баз для французских войск во время коротких перерывов между кампаниями. Неаполитанское королевство имело большое количество продовольствия, которое было необходимо для ведения войн и экономики Франции. Наконец, контроль над Неаполем мог привести к оспариванию британского военно-морского доминирования в Средиземном море.

14 февраля 1806 года Жозеф Бонапарт при поддержке армии маршала Массена вступил в Неаполь. Войска Бурбонов после потери столицы пытались оказать сопротивление, но 9 марта были

разбиты под Кампотенезе в Калабрии [17, с. 393]. Фердинанд VI и Мария Каролина снова бежали на Сицилию.

По мнению Ж. Тюлара, Жозеф как «наместник императора» проявил себя достаточно умелым политиком, сумев заручиться поддержкой аристократии и простого населения [14, с. 75]. Этой же точки зрения придерживается Г. Десмонд [13, р. 97–99]. Однако, Талейран, бывший современником событий, например, более критичен и субъективен: «Во время его пребывания в Неаполе власть была для него лишь источником развлечения; он наблюдал, как будто он уже был пятнадцатым государем своей династии, как его министры выпутываются, говоря словами Людовика XIV, из ежедневно возникавших перед его правительством затруднений. На троне он искал только радостей частной жизни и легкомысленных походов, блиставших отраженным блеском громких имен» [19, с. 213]. По всей видимости, Жозеф понимал свое зависимое положение и имел четкие обязательства перед Наполеоном. Как и другие колонии империи, его функция заключалась в удовлетворении ненасытных потребностей имперской казны и армий, обеспечении континентальной блокады британских товаров, снабжении французских производителей сырьем и рынками сбыта.

Вскоре Жозеф был отозван и назначен королем Испании, а его место занял маршал Мюрат. Между ним и Наполеоном Бонапартом был заключен договор в Байонне 30 марта 1808 года. Основным условием договора было то, что неаполитанский трон предоставлялся Мюрату навечно с передачей престола только по мужской линии, но с оговоркой, что его супруга – Каролина Бонапарт должна была стать королевой в случае смерти Мюрата. Кроме того, договор был наступательным и оборонительным и обязывал Неаполитанского короля в случае ведения войны Франции с кем-либо предоставлять необходимое количество войск, причем расходы должны были полностью покрываться неаполитанской казной, где бы они ни служили. Более того, от неаполитанского правительства требовалось полностью покрыть расходы на содержание французских войск, дислоцированных в Королевстве, а также построить и поставить шесть линейных кораблей, два из которых должны были быть доставлены во Францию к концу 1809 года. Наконец, Мюрат должен был взять на себя обязательство всячески усили-

вать «блокаду против Англии, чтобы гарантировать уничтожение ее торговли». Секретные пункты, прилагаемые к договору, передавали все теперь уже обширное имущество Мюрата во Франции в руки императора в качестве гарантии его «хорошего поведения». Император пошел на некоторые уступки. Он обещал о ежегодной субсидии в размере полумиллиона франков, которая фактически вдвое снизила ежегодную плату за землю [12, р. 143].

С именем Мюрата связана серия реформ, проведенная в Неаполитанском королевстве, затронувших социальную, общественную (в том числе введение Гражданского кодекса), финансовую и военные области [14, с. 79–85; 20; 13, р. 102–112]. Например, объявлялось об отмене феодализма, упразднении феодальной юрисдикции и передаче государству связанных с этим институтом прав и доходов. Что касается так называемых феодальных прав, то закон объявлял прежде всего об уничтожении без всякого возмещения «всех видов барщины и всяких других личных повинностей и платежей, как бы последние ни именовались, которые владельцы феодалов под разными предлогами имеют обыкновение взыскивать со всего населения и отдельных горожан [17, с. 399]. В 1808–1810-е годы было дополнительно установлено, что, если коммуны отрицают законность права баронов за сбор территориальных платежей и десятины, они могут требовать судебного разбирательства с целью отмены этого права. Вследствие чего, начались сотни судебных процессов, возбужденных коммунами против бывших баронов, и контрпроцессов, продолжавшихся несколько лет [21, с. 71].

Серьезными были финансовые реформы. Еще декретом от 8 ноября 1806 года был введен «земельный и промышленный» налог, который занял место многочисленных старых прямых обложений, по большей части личного характера, и земельного налога, за год до этого декретированного, но так и не введенного Бурбонами. Теперь же налогообложению подлежали всякая земельная и недвижимая собственность, государственные бумаги и капиталы, вложенные в промышленность и торговлю, в размере четвертой части доходов с основного капитала. В 1810 году часть этого налога, касавшаяся промышленности и торговли, была упразднена; при этом было установлено, что каждый, кто занимается торгов-

лей, промышленностью, ремеслом или принадлежит к лицам свободных профессий, обязан приобретать на это соответствующий патент [17, с. 407].

Из-за постоянных войн Неаполитанское королевство не всегда было способно вовремя поставлять необходимое количество снабжения для французских войск и покрывать требуемые расходы Франции. Посол д'Обюссон, оправдывая действия Мюрата, передавал в Париж: «Я должен сказать, и с величайшим сожалением, что здесь назрела задержка. Финансовое положение было отчаянным, надлежащего учета не было, все было бессистемно и беспорядочно, а плата за армию и общественные работы была просрочена... Государственный совет по большей части состоял из людей без дальновидности или способностей, которые выступали против любых форм нововведений или либеральных идей, и особенно против установления Кодекса Наполеона без внесения в него изменений» [12, р. 145].

Мюрат, стараясь облегчить положение Неаполитанского королевства, объявил о снижении процентной ставки по государственному долгу с 5 до 3%. Но Наполеон Бонапарт пришел в ярость. Он подчеркивал, что Мюрат действовал без его разрешения и осудил снижение процентных ставок как нарушение Байоннского договора, запятнавшее честь Империи. Такое отношение Наполеона показывало степень зависимости и самостоятельности Мюрата в своей политике, вынужденного оглядываться на Париж и соотносить с ним свои реформы. Министр Ж.-Б. Шампаньи предупреждал Мюрата, что император «хочет, чтобы все поняли, что, какой бы ни была неаполитанскому королю выгода от строительства дорог или учебных заведений, он должен в первую очередь обеспечить оплату его войскам и отсутствие задолженностей» [12, р. 145].

Париж и Неаполь также спорили из-за торговых вопросов и усиления блокады. Так Мюрат просил у императора разрешения торговать с США: «Государь, торговля в моем королевстве совершенно нулевая: зернохранилища и склады заполнены товарами, но земля больше не обрабатывается и есть даже некоторые опасения за урожай. В результате невозможно поднять налоги. Одним словом... Я больше не знаю, как платить своим войскам и в то же время поддерживать работу правительства» [12, р. 149]. Он просил,

чтобы ему по крайней мере разрешили продавать оливковое масло американцам. Наполеон отказал Мюрату в разрешении торговать с американцами и вместо этого потребовал, чтобы ввозные пошлины на французские ткани и другие мануфактуры в Неаполе были снижены вдвое. Мюрат был поражен: «Если намерения Вашего Величества осуществляются, он одним приказом объявит о полной гибели моего королевства». промышленные товары ввозятся беспошлинно, мы должны будем отказаться от всех форм производства в этом королевстве» [12, p. 150].

Несмотря на разногласия между Мюратом и Наполеоном по вопросам внутренней политики и внешней торговли, в Неаполе в этот период были достигнуты успехи в социальной и культурно-идеологических сферах. Так, общественные работы получили сильный толчок, и в самом Неаполе сооружение дорог из Позиллиппо и Каподимонте, расширение набережной и шоссе Кьяйя являлись доказательствами того значения, какое придавало правительство этому делу. Развивалось образование. Четыре университета предназначены были распространять высшее образование [14, с. 82–83; 2, с. 193; 13, p. 112].

Кроме того, Мюрат оказывал активную поддержку Наполеону во внешней политике, принимая участие в войне против Австрии в 1809 году, в походе против России в 1812 году и оставаясь в составе французской армии вплоть до сражения при Лейпциге в октябре 1813 года. Однако, когда поражение Наполеона стало очевидным и от него начали отходить его прежние союзники, изменилась и позиция Мюрата. Уже с весны 1813 года он начал тайные переговоры с Англией и Австрией, с которой подписал даже союзный договор в январе 1814 года. Фактически это означало выход Неаполя из-под влияния Франции и имперской системы. Ситуация в Неаполе в этот период оказалась подчинена стремлению Мюрата удержать трон и сохранить поддержку в королевстве, не допустив реставрации Бурбонов. Это объясняет открытие им военных действий против корпуса Э. Богарне в Италии и контакты с антифранцузской коалицией. Однако его положение всецело теперь зависело от решения Венского конгресса, собравшегося после крушения Наполеона. Видимо, Мюрат понимал всю шаткость своей ситуации и зыбкость своих надежд. Это толкнуло его к отчаянной попытке

поддержать Наполеона во время «ста дней», которая обернулась провалом и потерей трона и жизни.

В заключении отметим, что отношения Франции и Неаполя в период наполеоновских войн прошли два важных этапа. Сначала, после первых побед Наполеона в Италии, возникла вероятность, что Неаполь повторит судьбу других итальянских монархий. Однако в силу прежде всего внешнеполитических причин и англо-австрийского присутствия в регионе, а также действий русско-австрийской армии в кампании 1799 года, этого не произошло. Статус Неаполя в период с 1797 по 1805 годы колебался между сохранением монархии и созданием республики, между сохранением прежних общественно-политических институтов и созданием новых, что усиливало его позиции в Южной Италии и позволяло балансировать между Францией и антифранцузскими силами. Ситуация изменилась с 1805 года, когда Наполеон решил привязать Неаполь к Империи, что привело к тесной связи его политики с французской и установлению зависимых отношений. Это ясно проявилось в период континентальной блокады и контроле Франции за проводимой политикой. Тем не менее, реформы начатые Жозефом и активно продолженные Мюратом в бытность их королями Неаполя имели следствием начало глубокой модернизации социально-экономических и общественных отношений в королевстве, которая сделала впоследствии Неаполь одним из опорных пунктов Рисорджименто.

Библиография

1. Лас-Каз. Мемориал Святой Елены, или Воспоминания об императоре Наполеоне. Книга I–II. М.: Захаров, 2010. 1384 с.
2. Тарле Е.В. Наполеон. М.: Наука, 1991. 464 с.
3. Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. М.: Мысль, 1986. 680 с.
4. Тьер Л.-А. История Консульства и Империи. Кн. I–IV. М.: Захаров, 2012.
5. Тюлар Ж. Наполеон, или Миф о «спасителе». М.: Молодая гвардия, 2009. 362 с.
6. Boudon J.-O. La France et l'Empire de Napoléon. P.: A. Colin, 2006. 352 p.
7. Broers M. The Napoleonic Empire in Italy, 1796–1814. Cultural Imperialism in European Context? Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005. 385 p.
8. Broers M. The First Napoleonic Empire, 1799–1815 // Nationalizing Empires / Ed. by S. Berger, A. Miller. Budapest; N.Y.: Central European Univ. Press, 2015. P. 99–103.

9. Bruun G. Europe and the French imperium 1799–1814. N.-Y. – London: Harper brother’s publishers, 2015. 273 p.

10. Ленц Т. Наполеон: Моя цель была великой. М.: Астрель, 2003. 160 с.

11. Ленц Т. Европейский проект Наполеона. // Электронный научно-образовательный журнал «История». Выпуск 4 (20). [Электронный ресурс]. – URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s207987840000503-2-1/> (дата обращения: 10.02.2023).

12. Davis J.A. Naples and Napoleon Southern Italy and the European Revolutions (1780–1860). New-York: Oxford University Press Inc., 2006. 372 p.

13. Desmond G. Napoleons Italy. London: Associated University Presses, 2001. 243 p.

14. Тюлар Ж. Мюрат или Пробуждение нации. М.: Терра, 1992. 138 с.

15. Земцов В.Н. Европа: имперский проект Наполеона // Отечественная война 1812 года. Источники, памятники, проблемы. Материалы XXI Международной научной конференции, 4-6 сентября 2017 г. / Сост. И.В. Корнеев. М., 2018. С. 234–247.

16. Чудинов А.В. Солдаты свободы или смертельный враг? Французы в Южной Италии 1798–1799 гг. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. Т. 18. № 2(151). 2016. С. 25–41.

17. Канделоро Дж. История современной Италии. Истоки Рисорджименто 1770–1815. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. 520 с.

18. Наполеон Бонапарт Избранные произведения. М.: Воениздат. 1941. 369 с.

19. Талейран Ш. Мемуары. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997. 416 с.

20. Наполеон Бонапарт Гражданский кодекс. М.: Эксмо, 2013. 480 с.

21. Миззиано К.Ф. История Италии. Том 2. М.: Наука. 1970. 616 с.

Автор публикации:

Муллина Дилара Ринатовна, магистрант, кафедра всеобщей и публичной истории, Институт международных отношений, Казанский федеральный университет, Казань, Россия; dilara.mullina@kazanexpo.ru

France and the Kingdom of Naples during the Napoleonic Wars

D.R. Mullina

Abstract. The article analyzes the problem of relations between France and the Kingdom of Naples during the Napoleonic Wars. The author raises the question of how the French policy towards Naples was formed, what mechanisms of subordination and management were used, what was the degree of integration of Naples into the French legal, political and economic systems, how the attitude towards Naples changed after its actual integration into the French Empire and the rule of Joseph Bonaparte and Joachim Murat. In the article, the author identifies two stages of French politics in Naples: the period of building relations with the Neapolitan Bourbon monarchy, which can be characterized as a revolutionary-monarchical compromise, and the period

of the reign of Murat, when a certain level of integration of Naples into the French imperial system was achieved. At both stages, specific methods and style of relations were applied, which created an original situation and had important consequences for the development of the kingdom in the subsequent period, despite the restoration of the Bourbon monarchy after the collapse of the Empire.

Key words: France, Kingdom of Naples, Napoleonic Wars, international relations.

For citation: Mullina D.R. France and the Kingdom of Naples during the Napoleonic Wars // Proceedings of the Society of Archeology, History and Ethnography at Kazan University. 2023. 43(1). P. 155–167. DOI: 10.26907/2312–3400.2023.1.155-167.

Author of the publication: Mullina Dilyara Rinatovna, MA student, Department of World and Public History, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia; dilara.mullina@kazanexpo.ru

Поступила в редакцию / Received 31.01.2023

Принята к публикации / Accepted 27.03.2023

Роль Гэльской Атлетической Ассоциации в общественной жизни Ирландии конца XIX – начала XX вв.

Л.Л. Норден¹,

В.С. Миллер²,

*¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, Россия*

² МОУ СОШ №72, Казань, Россия

¹ NordenLL@mail.ru

² nika.87@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматривается роль Гэльской Атлетической Ассоциации в общественной жизни Ирландии последней трети XIX и первых десятилетий XX вв. Этот период стал для Ирландии эпохой национального возрождения, активизации общественных сил и расцвета культуры. Особенно это распространилось на сферу литературы, театра и спорта. Ирландское возрождение открывало для деятелей культуры разные пути, являлось многогранным и культивировало в обществе чувство национальной идентичности. Значимой составляющей ирландского возрождения стал спорт, сыгравший роль проводника в понимании особенностей ирландского варианта национализма. Важное место в развитии национального спорта, его организационном оформлении заняла Гэльская Атлетическая Ассоциация, основанная в ноябре 1884 г. Её создатели преследовали цели популяризации национальных видов спорта, формирования в ирландцах патриотизма (в противовес всему британскому), возрождения старинных гэльских игр, объединения расколотого общества национальной идеей. В течение десятилетий ГАА удалось достичь многих поставленных целей.

Ключевые слова: Ирландское возрождение, национализм, спорт, общественная жизнь, Гэльская Атлетическая Ассоциация

Для цитирования: Норден Л.Л., Миллер В.С. Роль Гэльской Атлетической Ассоциации в общественной жизни Ирландии конца XIX – начала XX вв. // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2023. Т. 43. № 1. С. 168–180. DOI: 10.26907/2312–3400.2023.1.168-180.

На рубеже XIX – XX столетий народы ряда европейских стран переживали процессы национального и культурного возрождения, демонстрировали стремление сохранить свою самобытность, уникальность национальной культуры. В полной мере это можно было отнести к ирландцам. Участники ирландского возрождения шли разными путями: одни подчёркивали свою непричастность к перипетиям политической деятельности, другие не видели для себя иной дороги кроме вооружённой борьбы с английскими властями. Видные представители ирландского возрождения пропагандировали национальные идеи в разных сферах общественной жизни. В 1870–90-е годы открылось множество организаций, которые пытались возродить национальное и культурное самосознание: «Общество сохранения ирландского языка», «Общество молодых ирландцев», «Клуб современников», «Гэльская Атлетическая Ассоциация», «Объединённая ирландская лига» и т.д. Помимо культурных целей, ирландская интеллигенция преследовала и цели общего национального возрождения. В практической плоскости это было направлено против британского образа жизни. Литература, спорт, театр – именно в этих сферах ирландское возрождение отразилось особенно ярко.

Спорт стал важной составляющей культурно-национального пробуждения острова. В середине 1880-х гг. была основана Гэльская Атлетическая Ассоциация. Члены этой организации пытались вдохнуть свежее дыхание в культурный национализм, и главной её целью стало возрождение национального спорта, приобщение к нему большей части общества. В этой связи представляет интерес изучение условий возникновения, форм деятельности Гэльской Атлетической Ассоциации и определения степени её влияния на общественную жизнь Ирландии на рубеже XIX–XX столетий.

Важную роль в основании и деятельности Гэльской Атлетической Ассоциации сыграл Н. Кюсак, который стремился оживить общественную жизнь страны после тяжёлых лет голода с помощью возрождения ирландских видов спорта [1, p. 27].

Кюсак родился в 1847 году в семье, которая бережно хранила национальные традиции. Родители будущего основателя Гэльской Атлетической Ассоциации разговаривали на ирландском языке. Свою профессиональную карьеру Кюсак начал с преподаватель-

ской деятельности, стал профессором [2, р. 4]. В 1877 г. он основал Академию [3, р. 5], при обучении в которой важное место отводилось спорту. В Академии появились спортивные клубы. Основатель Академии стал секретарём, тренером и форвардом на поле. Кюсак занимался атлетикой, футболом, кёрлингом, играл в крикет. В 1822 г. в Дублине им был основан спортивный клуб для ремесленников, проводивший соревнования на открытом воздухе, а затем там же – Кёрлинг-клуб. Фактически Кюсак дал кёрлингу новую жизнь, поскольку в Ирландии об игре забыли на полвека. Современники отзывались о Кюсаке как о человеке противоречивом, что не помешало ему уже со второй половины 1870-х гг. стать весьма уважаемой личностью в спортивной среде. Он популяризировал спорт, стремился сделать его общедоступным независимо от социального статуса и объёма кошелька человека. Создатель ГАА был глубоко убеждён в том, что возрождение ирландских игр способно пробудить в нации чувство единства.

Руководство Гельской Атлетической Ассоциации преследовало важные цели. С одной стороны – возродить гэльский футбол и кёрлинг, с другой – помешать растущей популярности английских видов спорта (регби, тенниса, крикета и др.). Сначала ими увлекались представители английской аристократии, которые проживали в Ирландии, но деятели ГАА опасались массового приобщения ирландцев к этим видам спорта как британским. К тому же регулировались эти виды ассоциациями Англии. Вскоре ГАА получила поддержку со стороны католиков и националистов [1, р. 27]. Большие надежды на ГАА возлагали фенианисты. Сепаратистское атлетическое движение, которое укрепляло физическую и духовную силу ирландцев, по мнению фениев, было способно их самих достаточно быстро привести к намеченной цели.

Основой деятельности ГАА стало возрождение гэльских игр. Игры выполняли важную функцию: члены Ассоциации доказывали, что игры имеют старинное происхождение и потому обладают особой ценностью для общества.

Причины создания самой Гэльской Атлетической Ассоциации были различны. Наиболее значимой среди них стало распространение национализма и желание организационного построения ирландского спорта, который изначально являлся частью спортив-

ной жизни Британии [4, р. 178]. Стремление к переменам в стране, которое охватило ирландское общество после Великого голода, привело к появлению нового поколения интеллектуалов. Многие из их среды считали, что пока Ирландия не разорвёт связи с Англией, она не будет знать мира. Лидеры националистических организаций транслировали эти идеи всё более широкой аудитории. Великобритания тем временем всё настойчивее навязывала своё присутствие в стране, в том числе и с помощью спорта. По всей Ирландии открывались крикетные клубы. Необычайно высока становилась популярность спорта в университетах и школах. Это также поддерживалось присутствием в стране англо-ирландской элиты и британских военных гарнизонов [4, р.178].

ГАА была основана 1 ноября 1884 г. в бильярдной комнате отеля в Терлсе .Организатором её стал Майкл Кюсак. Он не принимал активного участия в политике, однако, поддерживал фениев, полагая, что политический национализм должен быть обязательно дополнен национализмом культурным. Среди нескольких приглашённых на эту встречу оказались и представители Ирландского Революционного Братства (ИРБ). Руководство ГАА не хотело официального признания своих связей с политикой (хотя ГАА с самого начала своего существования находилась под контролем ИРБ), пресса часто упоминала об этом. В условиях завершающегося XIX столетия Гэльская Атлетическая Ассоциация не могла оставаться в изоляции, существовать только как спортивная организация, а потому, предлагая национальные рекомендации в области спорта, влияла на характер культурной и политической жизни. Как не стремилось человечество сделать из спорта арену для дружественного соревнования между нациями, национализм и политика вторгались в эту сферу общественной жизни. В определённой степени это можно было отнести и к деятельности ГАА: «Спорт неразрывно связан с национализмом и идентичностью» [5, р. 24].

Кроме того, спортивные события нагружены символами. Отдельные спортсмены и спортивные команды носят одежду национальных цветов, поют национальный гимн, стоя под национальным флагом. Им вторят зрители, наносят на лица символы и распевают национальные песни, поддерживая игроков. Ирландские спортивные организации использовали зелёный цвет как национальный,

трилистник был превращён в национальную эмблему, Солдатская песня исполнялась в качестве гимна. Использование такого рода символов часто принималось как официальное проявление национализма. Представляя национальное государство на международных соревнованиях, спортсмен одновременно представлял и ценности этого государства, «транслировал» национальную культуру. Член команды неизбежно терял часть своей индивидуальности в группе и не в силах был освободиться от своей национальной идентичности, связи с большой общностью.

Исследователи рассматривают историю Ирландии XIX – начала XX столетий в связи с её принадлежностью к Британскому королевству. Викторианский контекст ирландской культуры был полезен и тем, что позволял проявить внимание к национальной традиции [6, р. 85]. Это особенно верно в отношении Гэльской Атлетической Ассоциации. Место Ассоциации в развитии ирландского национализма оказалось разноплановым, поскольку сама национальная традиция проявила себя в переплетении католических установок, прописных христианских добродетелей, языкового движения, идеологии и практике нелегальных обществ, возрастающего политического и социального недовольства всем английским. Как бы не отмежёвывали свою организацию от политики лидеры, политические аспекты проникали в её деятельность. ГАА являлась и одним из поразительных феноменов народной культуры и работала во имя национальных видов спорта. Она также демонстрировала особенности культуры общения в ирландском обществе посредством ораторского искусства.

В первые годы своего существования основной трудностью для основателей Ассоциации стало преодоление британского влияния на ирландский спорт. Традиции спортивных состязаний, основные правила проведения соревнований были установлены англичанами, они же способствовали формированию отношения общества к спорту, его превращению в массовое развлечение. В итоге спорт посредством проведения соревнований превратился из незатейливой сельской игры в пользовавшееся большим успехом городское развлечение.

Поскольку политикой в ирландском обществе было проникнуто практически всё (городская жизнь, интересы и чаяния фермер-

ства, язык, литература, религия, даже обычная покупка товаров), ГАА. как уже отмечалось, не могла находиться в стороне от политики. Её руководство заручилось поддержкой М. Девитта и Корка, лидеров национального движения, а также представителей местных властей и священников. В результате в течение нескольких месяцев по всей Ирландии было проведено множество собраний спортсменов, к концу лета 1885 г. под эгидой ГАА состояли сотни клубов [7, р. 79]. Показательно, что собрание спортсменов в Трали осознанно выступило против находившейся под влиянием англичан Ирландской любительской атлетической ассоциации [8, р. 14]. Мечта создателей ГАА – увидеть спортивные площадки и поля в Ирландии занятыми хоккейными командами, игроками в боулинг, метателями гирь, прыгунами, весёлыми танцорами и певцами [7, р. 81], – была как никогда близка к реализации.

Довольно быстро ирландский спорт обрёл своё организационное оформление. Уже к началу 1885 г. были приведены в систему ирландский хоккей на траве, футбол, гельские спортивные соревнования [10, р. 16]. В этих видах спорта были установлены правила. Кроме того, были выработаны внутренние положения и для спортивных клубов. Перед соревнованиями произносились пронизанные национальным духом речи, поднимались зелёные знамёна. Тем самым присутствующие бросали вызов всему британскому.

Однако пополнение рядов ГАА фенианистами для придания ей более массового характера многие историки считают ошибкой. В последующие годы организация оказалась расколота на умеренное и радикальное крыло, что значительно её ослабило. На ослабление Ассоциации повлияло и стремление фенианской фракции поддержать Ч. Парнелла в 1891 г. В 1898 г. был отстранён от должности секретарь Блэйк, пытавшийся освободить организацию от влияния Ирландского Революционного Братства. В 1890-е гг. ГАА продолжала свою деятельность: были изменены некоторые правила, восстановлена в командах часть игроков, продолжились, несмотря на ограничения, наложенные британскими властями, чемпионаты под эгидой Ассоциации, но количество клубов сокращалось. На рубеже XIX–XX вв. ГАА приобретала более националистический характер. Несмотря на довольно слаженную структуру, Ассоциации не хватало ресурсов для сохранения прежнего уровня

популярности и массовости. Без широкой народной поддержки её возможности были ограничены.

Одновременно с ослаблением организации в самой Ирландии стали происходить позитивные перемены, оживление общественной жизни. Эти изменения отразились на стремлении ирландцев развивать родной язык, литературу, театр, на процессах индустриализации и событиях в политической жизни. Перемены коснулись и деятельности Ирландской парламентской партии (ИПП [9, р. 69]). Активизировались религиозные круги. В Гэльскую Атлетическую Ассоциацию пришли новые лидеры. Началось расширение её рядов, что напоминало благоприятную ситуацию 1880-х гг.

Официальный историк Гэльской Атлетической Ассоциации Маркус Борк полагал, что Уолш, О’Тул, Ноулан – новые лидеры, – не являлись членами ИРБ, однако многие его коллеги с этим утверждением не согласились. Представители нового руководства являлись радикальными националистами, что доказывал их жизненный путь (в последующие годы за свои убеждения и деятельность они подвергались тюремному заключению). Новые лидеры использовали разные средства для увеличения доходности ГАА, коммерциализации спорта, превращения Ассоциации в более массовое и влиятельное предприятие. Они пытались прийти к компромиссам в отношениях с Ирландской парламентской партией, искали сближения с духовенством, налаживали сотрудничество с Гэльской Лигой, некоторые из них принимали участие в движении за сохранение и развитие национального языка.

Накануне Первой мировой войны и в период кризиса, связанного с военным призывом 1918 г. ГАА в целом стремилась действовать более осмотрительно (отказ одобрить Волонтерское движение в 1914 г., несмотря на то, что оно поддерживало Ассоциацию на уровне клубов). Однако, как и раньше, полностью изолировать организацию от политики не удавалось. Поводом к этому послужил запрет британских властей на проведение гэльских игр. Протестом спортивного движения против вмешательства Англии, в том числе и в сферу спорта, стало Гэльское Воскресенье 4 августа 1918 г. При этом ГАА, в отличие от Шинн Фейн и Гэльской Лиги, не заявляла об антиправительственном характере своей деятельности. Должностные лица Ассоциации неоднократно под-

вергались аресту, но в частном порядке, а не как представители своей организации. Справедливо отметить, что многие военные и участники волнений были выходцами из Гэльской Атлетической Ассоциации. ГАА стремилась позиционировать себя в качестве спортивной организации. В Войне за независимость (1918–1922 гг.) этого не удалось достичь полностью, хотя организация прилагала большие усилия к проведению игр, её работа во многом была связана именно с этим важным мероприятием [10, р. 28]. В период Гражданской войны Ассоциация старалась избежать выбора (усвоив урок 1890 г.), осознавая глубокий, болезненный раскол ирландского общества. Старания ГАА в то сложное время были в основном направлены на обеспечение работы Ассоциации как национальной организации, способной объединить общество. Проводить соревнования тогда удавалось не повсеместно. Многие ирландцы отказывались играть в футбол или ирландский хоккей (даже юношеский) до тех пор, пока не будут освобождены республиканские интернированные (11, р. 35).

Много критики и малопродуктивных споров прозвучало по поводу участия Гэльской Атлетической Ассоциации в играх Тэйлтин. Осенью 1921 г. лидер шиннфейнеров Де Валера задумал возрождение игр. Было заявлено о приостановке разногласий на протяжении всего времени, отведённого для фестиваля искусств и спортивных состязаний. Игры перестали проводиться ещё при Нормандском вторжении в страну. Спорт в Ирландии в период средневековья был необычайно популярен. Игры Тэйлтин показали: ничто не могло объединить ирландцев сильнее. Представлялось вполне уместным провести их вновь в условиях 1921 года, когда позиции англичан в Ирландии начали ослабевать.

Идея проведения игр захватила руководителей ГАА. Комитет по подготовке игр возглавил Уолш, который в своё время занимал должность в Ассоциации.

Первоначально соревнования проводились в рамках правил и традиций, распространённых в Греческих олимпийских играх. В состязаниях принимали участие все ирландцы, жившие на родине и за её пределами. Постепенно ограничения перестали строго соблюдаться. В программу соревнований включили новые виды спорта (например, старинные – стрельбу глиной, и более совре-

менные – соревнования на моторных лодках). Постепенно традиционные английские и ирландские виды спорта смешивались. Так, английская лапта «претендовала на звание» старой ирландской игры, забытой веком ранее, но возрождённой в тюремных лагерях. Проводились соревнования по яхтспорту, плаванию, бильярду, гольфу, шахматам, велосипедные гонки.

Игры оказались успешными. В спортивных соревнованиях принимало участие большое количество спортсменов, посещаемость превзошла ожидания (присутствовало около 140 тыс. зрителей).

Большое внимание в деятельности ГАА уделялось футболу. Сначала футбол был достаточно хаотичной игрой, в которой разрешались борьба и опрокидывания. Силовые приёмы в виде бросков игрока на землю и подножек не запрещались и после введения первых правил. В 1880–1890-е гг. большой и тяжёлый мяч при его положении в воздухе можно было ударить предплечьем (12, р. 114). Некоторое время нуждалась в усовершенствовании и система подсчёта голов. К 1910 г. она была унифицирована, доведена до провинций и стала использоваться на соревнованиях общеирландского уровня. Появилась очищенная площадка перед воротами. В разных областях Ирландии применялись различные способы силовой игры, что придавало футболу зрелищности. Посещаемость игр постоянно возрастала, футбольные матчи могли собирать от 20 до 50 тыс. человек.

Не менее зрелищным становился и ирландский хоккей на траве. Мяч в этой игре принял меньшие размеры, нововведение понравилось большинству зрителей. Для привлечения публики в некоторой степени модернизировали и игру в регби, пользовавшуюся большой популярностью в Уэльсе.

Спортивные организации ставили перед собой задачу не только развлечь собравшихся, но и формировать характер у спортсменов. ГАА в своей деятельности также преследовала разные цели: популяризировать спорт, поощрять распространение гэльских игр и извлекать из спорта прибыль. Поставленные цели с успехом реализовывались.

В ирландском спорте появились чемпионы-легенды: Шэнэн из Клфайна, Уэлш из Портнаскаля, Дэвинс из Дирпарка [13, р. 18–19], Тайлер МакКей из Лимерика [14, р. 119], возможно, самый из-

вестный футболист в довоенной Ирландии – Дик Пицджеральд из Кэрри. В начале XX в. настоящими звёздами считались футболисты Кэрри и Дублина.

Ещё в 1880-е гг. появилась необходимость освещения спортивных событий средствами массовой информации. В 1887 г. начала издаваться газета «Кельтик Таймс», с 1912 г. в течение нескольких лет выпускалась газета «Гэльский Атлет», извещавшая публику о проходивших спортивных баталиях и успехах в гэльских видах спорта.

Возросшая популярность гэльских игр как распространённого времяпрепровождения и яркого зрелища в эдвардианскую эпоху «сосуществовала» с английским опытом. Если гэльские игры поддерживали свои «любительство» и самобытность, то остальное: появление звёзд, тренировочный процесс, игровые правила для спортсменов, положения для посетителей спортивных «ристаллищ» и пр. – можно отнести к британской модели развития спорта, которая в ту эпоху являлась весьма авторитетной.

В гэльских играх всегда оставались значимы моральные аспекты. Хотя и англичане говорили о необходимом спортсмену наборе качеств – самоконтроле, энергичности, мужественности, и ирландцы заявляли о том, что гэльский футбол являлся проверкой мужских качеств и физической формы [15, р. 93], для последних идеальный гэлец – здравомыслящий, уважающий себя, эффективный в спорте, глубоко любящий свою страну и религию зрелый мужчина [12, р. 112].

Большое влияние на гэльский спорт оказали старинные сельские праздники. В ирландской историографии возрождение литературы, театра, спорта связывают с крестьянской культурой и религией, с романтизмом, а модернизм, новации – с английской культурной традицией. Утверждалось, что ирландское крестьянство было спортивным, дисциплинированным, обладавшим чувством юмора и религиозным. Древность традиций ирландского спорта подчёркивалась в противовес всему английскому. Ирландское мужество восхвалялось в мифологических героях, которые наделялись и силой, и стремлением к справедливости, и патриотизмом [12, р. 110].

В Ирландии многое оценивалось основополагающим критерием – помогает или мешает любая культурная инициатива подрыву английского влияния. В большой степени это можно отнести и к деятельности ГАА.

Одна из проблем гэльских игр заключалась в том, обладали ли они международным статусом. Игры Тэйлтин 1924, 1928 и 1932 годов организовывались в форме олимпийских. В них принимали участие спортсмены из других государств. Игры имели древние корни и являлись национальным «изобретением», однако ирландская спортивная организация (и ГАА и гэльские игры) во многом напоминала американскую или английскую. Значимость игр заключалась в возможности Ирландии заявить миру: «Это мы, и это наша игра!», – даже при отсутствии их международного статуса. В XX столетии гэльские игры пережили модернизацию, что отразилось в системе СМИ, спонсорства и т.д. Они вполне адаптировались к новым условиям.

Таким образом, Гэльская Атлетическая Ассоциация сыграла важную роль в общественной жизни Ирландии. В течение десятилетий она оставалась символом единства в ирландском национальном движении, пыталась сплотить общество в условиях его раскола (проживая при этом подобные процессы внутри себя самой). ГАА активно участвовала в процессе ирландского возрождения, её деятельность вполне допустимо считать проявлением культурного национализма. Официально позиционируя себя в качестве спортивной организации, Ассоциация не могла существовать в изоляции, в стороне от политических штормов. Через идеологию, основывавшуюся на национальной идее, она в определённой степени влияла и на характер политической жизни страны. Заслуга ГАА состоит также и в популяризации старинных, порой почти забытых, национальных видов спорта, возрождении гэльских игр, выстраивании более современной спортивной системы в стране. Гэльская Атлетическая Ассоциация стала одной из самых массовых общественных организаций Ирландии. Спорт в Ирландии являлся порождением народной культуры. Это утверждение особенно справедливо, когда речь идёт о Зелёном острове. Однако вполне уместно заявить и об обратном процессе. Активные представители ГАА приложили много усилий для оживления провинциальной,

сельской жизни, основывая спортивные клубы, устраивали выступления танцоров и певцов, соревнования по разным видам спорта (в которых принимало участие и фермерство), развивая своеобразную демократическую культурную традицию. Выраженную через спорт национальную идентичность можно разобрать в контексте возможностей, приводящих к огромному выплеску национальной энергии., что вполне продемонстрировала история Ирландии. Спорт отражал комплексность национализма как явления, многогранность национального кельтского характера и постоянно меняющуюся природу ирландства.

Библиография

1. Hutchinson J. The Dynamics of Cultural Nationalism. The Gaelic Revival and the Creation of the Irish Nation State. London, 1987. 354 p.
2. O'Sullivan T.F. The Story of the G. A. A. Dublin, 1916. 287 p.
3. Marcus de Burca. The GAA: A History. Dublin: Anvil, 1989. 327 p.
4. Cronin M. Sport and Nationalism in Ireland. Gaelic Games, Soccer and Irish Identity Since 1884. Dublin: Four courts press, 1999. 214 p.
5. Pope S. Patriotic Games. Sporting Traditions in the American Imagination, 1876–1926. Oxford, 1997. 240 p.
6. Lyons F.S.L. Culture and Anarchy in Ireland, 1890 – 1039. Oxford, 1979. 180 p.
7. Morgan W.J., G. Nicolson Report on Rugby. London, 1959. 231 p.
8. O'Sullivan T.S. Papers. United Ireland, 30 May, 27 June 1885. 310 p.
9. O'Broin L. Revolutionary Underground: The story of the Irish Republican Brotherhood, 1858–1924. Dublin 1976. 245 p.
10. Power J.P. A Story of Champions. Cork, 1941. 254 p.
11. Beirne-Ranelagh J.O. The I. R. B. from Treaty to 1924 // Irish Historical Studies. 1976. Vol. XX. P. 27–34.
12. MacDonagh O., Mandle W.F., Travers P. Irish Culture and Nationalism, 1750–1950 / MacMillan in Association with Humanities Research Centre, Australian National University, Canberra. 21 Sept. 1983. 275 p.
13. The Gaelic Athletic Association. Annual and County Directory for 1907–1908. Dublin, 1907. P. 18–44.
14. O'Ceallaigh S. Story of the G. A. A. Limerick GAA, 2009. 188 p.
15. O'Ceallaigh S. Memories. 109 p.

Сведения об авторах: Норден Лариса Львовна, кандидат исторических наук, преподаватель, кафедра всеобщей и публичной истории, Институт международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Миллер Валерия Сергеевна, кандидат исторических наук, учитель, МБОУ «Средняя общеобразовательная школа №72, г. Казань, Россия

The role of the Gaelic Athletic Association in the public life of Ireland in the late XIX – early XX centuries.

L.L. Norden, V.S. Miller

Abstract. The article discusses the role of the Gaelic Athletic Association in the public life of Ireland in the last third of the 19th and the first decades of the 20th centuries. This period became for Ireland the era of national revival, the activation of social forces and the flowering of culture. This has especially spread to the sphere of literature, theater and sports. The Irish Renaissance opened up different paths for cultural figures, was multifaceted and cultivated a sense of national identity in society. A significant component of the Irish revival was sport, which played the role of a guide in understanding the features of the Irish version of nationalism. An important place in the development of national sports, its organizational design was occupied by the Gaelic Athletic Association, founded in November 1884. Its creators pursued the goals of popularizing national sports, forming patriotism in the Irish (as opposed to everything British), reviving the old Gaelic games, uniting a divided society with a national idea. Over the decades, the GAA has achieved many of its goals.

Keywords: Irish revival, nationalism, sports, social life, Gaelic Athletic Association

For citation: The role of the Gaelic Athletic Association in the public life of Ireland in the late XIX – early XX centuries // Proceedings of the Society of Archaeology, History and Ethnography at Kazan University. 2023. 43(1). P. 168–180. DOI: 10.26907/2312–3400.2023.1.168-180.

Authors of the publication: Norden Larisa Lvovna, PhD in History, Lecturer, Department of World and Public, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia.

Miller Valeria Sergeevna, PhD in History, Teacher, Secondary School No 72, Kazan, Russia.

Поступила в редакцию / Received 15.02.2023

Принята к публикации / Accepted 27.03.2023